

Тёмный Путь

Путь беглеца

И.К.

Однажды принц Никаниэль станет величайшим некромантом, равных которому еще не видел мир Альйона.

И историки будут спорить почему так произошло. Что привело светлого эльфа на путь тьмы и смерти.

Стала ли тому причиной смерть возлюбленной? Или предательство отца?

Но так или иначе, пока Ник все еще изнеженный принц, чья жизнь — балы, охота, пиры и бесконечные празднества.

А затем он потерял все. Дом, друзей, близких...

Но это не важно.

Все это — не имеет смысла.

Ник пройдет любые испытания, проплывет через реки крови, будет грабить, убивать, предавать и коль ему случится отдать ради своей цели душу темным богам? Значит так тому и быть.

Все это ради одного.

Он вернет её обратно.

Ночь над Западными Королевствами как всегда дышала тишиной и безмолвием. Досюда не долетали ни отголоски вечной вражды между орками и эльфами на востоке, ни грохот столкнувшихся в очередном конфликте dwarфов и драконидов на юге. И даже кровавые переделы границ Центральных Королевств не могли нарушить мир и покой Запада.

Здесь чтили принесенные предками клятвы, но, в тоже время, уважали право сильного. Некогда шаткое равновесие переросло в законы и традиции, а против нарушителей ополчится весь Западный Союз. Так было заведено сотни лет назад, так есть и по сей день.

Хрупкий серп полумесяца освещал сгорбленную фигуру, одиноко бредущую по одной из небольших сельских дорог близ Южного Королевского Тракта. Плотный черный балахон надежно защищал хозяина, как от любой непогоды, так и от нежелательных взглядов случайных встречных. Одежда явно не выглядела новой, но и потрепанной назвать ее точно никто бы не смог.

Лицо же путника исчезало в темном провале капюшона и лишь из правого рукава торчали скрюченные белые пальцы, сжимавшие причудливый посох, больше похожий на обычную корягу, чем на надежного помощника путешественника.

Из-за поворота показалась тройка всадников. Сын местного барона со своими прихлебателями. Молодые люди явно перебрали в местном трактире — их шумные крики разносились на всю округу, нарушая ночную идиллию.

— Она визжала как резаный поросенок. — баронский сын с улыбкой вспоминал какую-то смешную историю. — Нужно будет обязательно еще над кем-нибудь так пошутить.

— Да, Ваше Благородие, ваш веселый нрав и розыгрыши известны во всем уезде.

— Эй, смотрите! Что за червь ползет по моей земле? Как ты смеешь не уступать дорогу своему господину? Пшел прочь!

Благородный отпрыск остановил коня прямо перед путником, и они замерли друг напротив друга.

— Выше Благородие, давайте просто проедем мимо. — робко предложил один из прихвостней. — Может он прокаженный какой или еще чего. Мало ли кто тут по ночам бродит.

— Чтобы я, мать вашу, да объезжал всякую чернь?! — мгновенно взорвался вельможа. — Раздавлю!

Потянув поводья, он поднял коня на дыбы действительно намереваясь растоптать встречного.

Но тут случилось то, чего никто из них не мог предвидеть.

Не двигаясь с места, путник сделал жест рукой, плавно проведя ею под занесенными над ним копытами, а затем резко дернул на себя, сжимая пальцы хваткой коршуна.

Жалобно заржав, конь задрожал всем телом, а от его туловища отделился серебристый силуэт и немедленно втянулся куда-то внутрь балахона.

В то же мгновение скакун начал будто увядать. Тугие канаты мышц усыхали прямо на глазах, кожа посерела и истончилась, невесомым дождем осыпалась в дорожную пыль грива.

Не в силах больше выдерживать веса всадника, ноги животного с сухим треском подломились, и изумленный барон рухнул на землю. Вновь раздался противный хруст, но это уже не выдержала рука неудачно приземлившегося вельможи.

Ночное трио изумленно взирало то на рассыпавшегося в прах коня, то на неподвижную фигуру в балахоне, то на кость, торчавшую из правого локтя барона.

Первым очнулся сам хозяин сломанной руки. Не в силах даже закричать от страха, он протяжно завыл и, подволакивая искалеченную конечность, на четвереньках пополз прочь. Слуги же, выйдя из ступора и забыв про своего господина, бросились врассыпную, оглашая окрестности совсем уж невнятными криками.

Вскоре все стихло.

И вновь одинокая сгорбленная фигура в черном балахоне продолжила свой путь к лишь ей одной известной цели.

Глава 1

— Элен, Элельен, любимая, мы всегда будем вместе! Пока светят звезды, пока солнце просыпается на востоке и угасает на западе, пока я дышу, пока существует этот мир, я буду любить тебя, Элен! Вечно!

— Ах, Ник, мою любовь к тебе не описать словами! Она выше самых высоких заснеженных горных вершин, глубже и шире далекого Коэльского океана. Она вечна и необъятна, до самых далеких еще неназванных звезд и гораздо дальше, куда проникает лишь взор Богов!

Двое молодых эльфов уютно расположились на широком кресле, покрытом мехом снежного барса, и уже, наверное, в тысячный раз клялись друг другу в вечной любви.

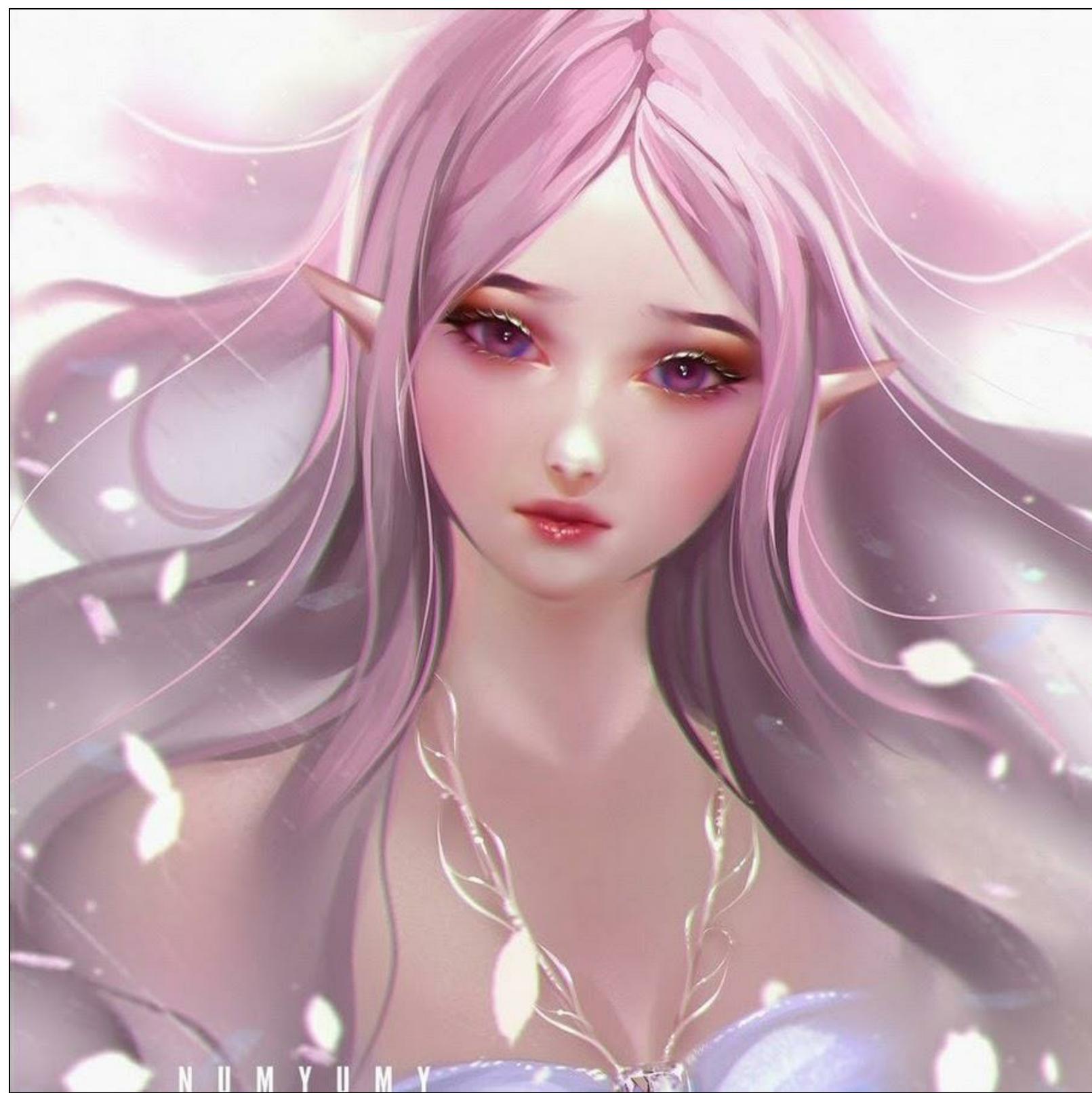
Впрочем, молодыми их можно было назвать лишь по эльфийским меркам. Только раса долгожителей, способных забыть отметить свой тысячный день рождения, может считать семидесятилетних юнцами.

Прекрасной Элельен из древнейшего рода Лунный Шепот недавно исполнился семьдесят один год. Эльфийский же принц Никаниэль был чуть старше и встречал пору цветения уже семьдесят восемь раз. Подростки — по меркам остроухих, и глубокие старики — почти для всех остальных рас.

Говорят, если ты родился эльфом, то тебе повезло. Долгая жизнь, практически вечная молодость и неземная красота — все это доставалось каждому эльфу, приходящему в мир Альйон.

Но эти двое выделялись даже среди расы долгожителей.

Элельен. Настолько красива, изящна и мила, что многие считали ее дочерью самой богини красоты Мелиниды. Рост чуть ниже среднего, тонкий, невесомый стан, белоснежная от природы кожа, длинные, струящиеся волосы цвета бутонов вишни и бездонные глаза того же оттенка с едва заметной грустинкой. Дочь одного из пяти верховных лордов Кол'Тилана Лунный Шепот, она разбила множество сердец, прежде чем тридцать лет назад приняла ухаживания Ника.

Никаниэль Сердце Леса — любимый сын короля и наследный принц Эльфхейма. В этом году он с отличием окончил школу меча и магии III ступени — один из семи двадцатилетних курсов, которые проходили все знатные эльфы-мужчины.

Внешность Ника сильно отличалась от обычных представлений о его расе, но, тем не менее, он слыл главным симпатягой текущего тысячелетия. Высокий, поджарый, с прекрасно развитой, по эльфийским меркам, мускулатурой. Его легкий, бесшумный шаг порой не могли услышать даже лучшие из следопытов. Непривычные для этих мест черные волосы слегка загибались на концах, будто стекая к нему на плечи.

Но главная особенность — глаза редкого, золотого оттенка. С древних времен существовала легенда, что личность с такими глазами рождается лишь раз в несколько тысячелетий и несет этому миру великое благо или гибельнейшую беду...

Пока же он пронзительно смотрел ими на свою возлюбленную взглядом полным обожания, и она в очередной раз будто тонула в этих двух золотых озерах.

Ничто в покоях дворца загородной королевской резиденции не нарушало тишину и покой. В это время года там обитал лишь малый штат прислуги, следивший за садом, да изредка протиравший пыль. Именно поэтому влюбленные решили провести здесь несколько дней. Вдали от шума и официоза столицы никто не мог помешать им наслаждаться обществом друг друга в этом уединенном месте.

Но только не в этот раз.

Не нужно было обладать чутким эльфийским слухом, чтобы услышать внезапно раздавшийся снизу звон разбитого стекла, а следом за ним крики и лязг скрещенных мечей.

Элельен вздрогнула и испуганно прижалась к телу избранника.

— Что за... — начал было Ник, как дверь в комнату распахнулась и в нее ворвался запыхавшийся личный помощник принца.

— Ваше Высочество, на нас напали орки!

— Орки?! — Никаниэль вскочил, ища глазами свой меч. — Но как? Отсюда до границы больше двухсот километров!

Принц растерялся. Он не раз скрещивал мечи с другими учениками и участвовал в тренировочных боях против потенциального противника. А в прошлом году даже выиграл юниорский турнир среди младшекурсников. Но по программе школы настоящие битвы с орками начинались лишь с пятой ступени.

К тому же во время всех групповых боев его сопровождала верная дружина. Дружина, которую он оставил в столице. В этот раз он взял с собой лишь десяток телохранителей. Столько же сколько и Элельен.

— Сколько их? — спросил Никаниэль, привычным движением крепя ножны к поясу у левого бедра.

— Где-то пять десятков. Похоже целый кулак диверсантов. Что будем делать, милорд?

— Каждый эльф стоит трех их воинов! Должны справиться.

Молодой эльф откровенно нервничал, но, в то же время, горел желанием испытать свои силы в настоящем бою. На самом деле об этом в тайне мечтал каждый третьекурсник, но до изучения серьезной боевой магии к реальным сражениям их не допускали.

— Там может быть шаман. — напомнил о неприятной возможности Мотилай.

— Среди наших телохранителей никто не обладает магией, чтобы с ним справиться... — на мгновение Ник замер, колеблясь. — Я должен идти!

Совладав со своими эмоциями, принц принял решение. Он верил в свои навыки и был готов рискнуть. А заодно доказать учителям, отцу и всем остальным напыщенным царедворцам, что он уже давно не просто несмышленный мальчишка, а настоящий воин, способный защищать свою страну и тех, кого он любит.

— Ник! — голос Элельен, полный мольбы и страха, заставил сердце принца пропустить удар. Выросшая при дворе, она никогда не оказывалась так близко к зоне военных действий и сейчас в абсолютнейшей растерянности испуганно смотрела на своего избранника.

— Любимая, все будет в порядке. — Никаниэль нежно провел кончиками пальцев по ее щеке. — Мотилай не даст тебя в обиду. К тому же я оставлю с тобой свой счастливый

кинжал.

Изящным движением он вытащил стилет из голенища сапога и протянул его возлюбленной:

— Я уверен, тебе не придется его использовать, но пусть пока побудет у тебя. Мне так будет спокойнее. Считай, что это талисман.

Спокойный, уверенный голос и, что важнее, уверенный взгляд любимых глаз успокоили взволнованную эльфийку. Она приняла кинжал и крепко поцеловала возлюбленного:

— Я буду ждать тебя с победой, мой принц.

— Мотилай, если хоть один волос упадет с ее головы... Нет, если она хотя бы увидит орка в этой комнате...

Окончание фразы помощник прочитал в холодном блеске золотых глаз господина и ничего хорошего там не увидел.

Никаниэль не стал тратить время на спуск по лестнице. Шагнув в окно, он использовал простенькое заклинание левитации и, налету вытаскивая меч, легко спланировал с третьего этажа прямо в цветущий сад.

Судя по звукам, сражение шло за углом.

Штурмуют парадный вход? Нет, уже бьются в холле. Кфхан! Значит дворцовая охрана мертва. Может лучше зайти с тыла...

Да как они вообще здесь оказались?!

С этими мыслями Никаниэль стремительно неся вдоль стены, на ходу припоминая все, чему его учили наставники и все что, он уже успел почерпнуть из множества мудрых книг по тактике и стратегии.

Сперва стоит заняться шаманом. Если его нет — будет проще.

Только бы не шаман, только бы не...

Шаман стоял посреди парадного входа, варварски попирая своими ногами непонятно как вывороченные толстенные створки дверей. Некогда прекрасные творения знаменитого мастера валялись прямо на земле покрытые кровью и копотью.

«Интересно, скольких эльфов он уколошил за свою жизнь?» — неожиданно пронеслось в голове у Ника.

Сам шаман оказался опытным, матерым воякой: обожженная, покрытая шрамами кожа, сломанный левый клык, левое ухо сплавлено в один противный комок. Впрочем, может и правое тоже, но отсюда видно не было.

Шаман посылал внутрь дверного проема заклинание за заклинанием, чередуя молнии и языки жаркого пламени. А его спину, не участвуя в драке, прикрывали два молодых, перекачанных амбала.

Дальний оказался вооружен обычным полоторным мечом, а вот ближний держал в лапищах дикую смесь ятагана и кочерги монструозного размера. И, конечно же, оба были на две головы выше и в два раза шире совсем не тщедушного эльфийского принца.

Две стихии?

Силен, тварь! Без каменного и водного щитов не обойтись. Еще и громилы эти... Нс что, кфхан побери, они тут делают?!

Пару раз глубоко вздохнув и окончательно решившись, Ник начал действовать.

Прямо на бегу он наколдовал с другой стороны хлопок, отвлекший внимание орков. Простейшее заклинание известное еще с первого курса уже не раз выручало в учебных схватках.

Пока охранники крутили головой туда-сюда, эльф успел сделать несколько шагов, сближая дистанцию.

Клинком отразив луч солнца в глаза владельца кочерги и временно ослепив его, он поднырнул под размашистый удар вражеского меча (чему их там вообще только учат?) и, оказавшись прямо перед лицом у дальнего орка, резким движением отрубил ему кисть, сжимавшую меч.

Время как будто бы сжалось, пока Никаниэль проделывал все эти пируэты — столь стремительными казались его отточенные движения по сравнению с медлительностью молодых орков. И вот безоружный противник уже ошарашенно смотрит на фонтан красной крови, бьющий из пульсирующей болью культи.

Впав в ярость, калека попытался схватить юркого противника целой рукой, но эльфийский воин не дал ему такого шанса и, проскользнув вдоль тянущейся к нему конечности, аккуратно чиркнул врага по горлу, перерубая сонную артерию вместе с трахеей.

Горячим потом алая кровь залила лицо принца, впервые убившего настоящего орка. Сердце отбивало бешеный ритм, будто стремясь вырваться из груди, но времени на радость не было. Сражение продолжалось.

Спешно вытерев глаза, Никаниэль сосредоточил все свое внимание на втором противнике. Тот к этому моменту успел проморгаться, толкнуть локтем шамана, выводя его из колдовского транса, и встать в оборонительную стойку, явно не собираясь сражаться один на один со столь стремительным противником.

Мудрое решение.

Но Ника оно не устраивало.

Ему необходимо было успеть разобраться с воином, пока к тому на помощь не пришел шаман. Сразу двоих он мог и не осилить.

Эффект неожиданности оказался потерян. Пару пробных ударов орк уверенно отбил своим непонятным оружием.

А если так?

Попытка выколоть противнику правый глаз заставила того поднять ятаган-кочергу вверх, блокируя удар. Но именно этого и добивался молодой эльф. Не заканчивая удара, он ловким движением перевел меч вниз и, падая на одно колено, вонзил меч в живот врага.

Лязг и скрежет. Вот и весь результат рискованного маневра.

Под накидкой у орка обнаружилась полноценная бронированная пластина!

Никаниэль оказался не в самом выгодном положении: стоя на одном колене перед громадным противником, а сверху на него неслось огромное оружие, совсем не завашеся с этого ракурса смешным.

Все что он смог сделать в сложившейся ситуации, это выхватить из-за спины поясной кинжал и попытаться отклонить удар в сторону.

Ятаган с сочным чавканьем воткнулся в землю почти вплотную с согнутой ногой. И это позволило эльфу вспороть еще одну глотку.

Уже второй приконченный орк на счету принца, и его вновь с головы до ног окатило фонтаном горячей крови.

Чуть не попав под падающую тушу, Никаниэль быстро проверил висевшую плетью левую руку — перелома явно нет, но отсушило порядочно. И это всего лишь парирование.

Трудно представить что бы с ним случилось, попытайся он полноценно заблокировать такой удар.

Впрочем нет, не трудно.

Наставник рассказывал, что примерно пятьдесят лет назад, на одной из учебных вылазок, чересчур самоуверенный эльф-пятикурсник решил, что он умнее учителей, день за днем вбивающих в головы учеников простое правило: «Никогда не блокировать удары орков».

В тот раз палаш зеленокожего громилы пусть и не сломал меч гномьей работы, но впечатал его плашмя в ключицу новичка, дробя кости, сминая легкую броню и вколачивая исковерканное тело прямо в землю. Орка, конечно, убили. Но собрать обратно лепешку, оставшуюся от глупца, не смогли даже маги-целители.

Тем временем шаман вышел из транса и, на ходу доставая из-за пояса увесистый боевой топор, повернулся лицом к противнику.

Вблизи он оказался таким же уродливым, как и издалека. Лет семидесяти, он точно был моложе эльфийского принца, но, в то же время, весьма стар по меркам своей расы. Редко кто из орков, даже из мирных, отмечал свой девяностолетний юбилей.

— Что вы здесь делаете?! Как вы сюда попали?! — прокричал Ник, перейдя на общий.

— Твоя убив'ать мой внук'и. — общий язык давался шаману с трудом. — Твоя искуп'аться в их кровь. — продолжал орк, оглядывая окровавленного противника. — Твоя буд'ет стра...

Тут, наконец, их взгляды встретились.

— Удач'а на мой сторон'а... — кривая ухмылка исказила клыкастую рожу шамана. — ГРАААА!!!

С этим криком пожилой орк бросился вперед.

Никаниэль не ожидал от того подобной прыти и еле увернулся от чуть не снесшего его голову топора. Да, силой старик явно уступал своим внукам, но вот мастерства ему точно было не занимать.

Шаман продолжал теснить, не давая Нику возможности перейти в контрнаступление.

Уворот, уворот, парирование, еще уворот. К своим годам орк явно поднаторел во владении топором. Массивное оружие, порхало в его руках словно бабочка, стремительно приближаясь к эльфу порой под самыми немислимыми углами, заставляя его вертеться и отскакивать в ожидании ошибки противника.

Но, к сожалению, ошибся он сам.

В очередной раз отпрыгивая в сторону, Никаниэль споткнулся об отрубленную ранее руку и с размаху упал на нее сверху. Острая боль прострелила поясницу, а из легких тут же выбило же весь воздух.

Шаман не преминул воспользоваться ситуацией. Он направил на распластавшегося врага скрюченные особым образом пальцы, прошептал магические слова, и в беспомощного эльфа сорвалась сверкающая, красная молния.

Каменный щит.

Окружающая пыль и мелкие камушки образовали перед разрядом защитную полусферу, и те с оглушительным хлопком уничтожили друг-друга.

Еще стоя за углом дворца, Никаниэль определил, какими стихиями владеет противник и сделал пару заготовок, которые оставалось лишь активировать в нужный момент.

Шаман не стоял на месте и вот с его пальцев срывается уже небольшой огненный шар.

Водный щит.

Пот и разлитая вокруг кровь встретили противоположную стихию, взрываясь облаком

невесомого пара.

Как же жалел теперь эльфийский принц, что атакующую магию начинали проходить только с четвертой ступени. До сих пор его учили лишь простейшим манипуляциям. Заставляли до предела напрягать магические каналы, расширяя их и подготавливая к высшим арканам последующих курсов. А как хотелось бы сейчас закончить бой воздушной стрелой — фирменным заклинанием благородных эльфов.

Облако развеялось так же быстро как появилось, а во все еще валявшегося на земле Ника уже летели клинки ветра!

Третья стихия?!

Лишь единицы из орчьих шаманов оказывались достаточно талантливы, трудолюбивы и живучи чтобы освоить манипуляции с третьей стихией. И один из них сейчас стоял перед Ником.

Возмущению Никаниэля не было предела.

Злость придала ему сил.

Он заблокировал заклинание собственным мечом, который разлетелся на осколки, порезавшие его длинные остроконечные уши. Затем метнул рукоять с остатками лезвия в лицо шамана и, пока тот ее отбивал, по-змеиному извернувшись, выхватил из-под себя отрубленную руку.

Даже не пытаясь разжать сведенные в спазме смерти пальцы на рукояти, Никаниэль, держа эту конструкцию двумя руками, в отчаянном броске подрубил противнику ноги. А когда тот упал, нанес несколько ударов в грудь и шею и лишь после этого выпустил из рук свое странное оружие.

«Кфхан, я справился!» — единственная мысль робко прокралась в опустошенное боем сознание Никаниэля.

Впервые побывав на волосок от смерти, молодой эльф лежал на земле, пытаясь восстановить дыхание. Звуки сражения сменились возгласами ликования телохранителей, и он мог не бояться нападения новых противников.

Страх отступил, и теперь радость первой победы переполняла Ника. Все его тело охватила необъяснимая легкость. Он будто парил в облаках триумфа, а не лежал на пропитанной кровью земле. Ему казалось, что теперь для него больше нет преград, что он может все и сразу, и что остальные ученики просто лопнут от зависти, стоит им узнать о сегодняшних событиях.

Отдышавшись, принц поднялся на ноги. Из дворца к нему уже спешили трое воинов, с головы до ног покрытых кровью.

— Ваше Высочество, вы ранены?

— Пара царапин. — с ноткой превосходства легкомысленно ответил Ник. — Это не моя кровь. Еще кто-нибудь выжил?

Перед Никаниэлем стояли двое его телохранителей и один с эмблемой Лунного Шепота.

— Галинор ранен. Он в холле. Жить будет. Если бы вы не отвлекли шамана, мы бы все сегодня гуляли по Аллее Предков. Нападение произошло слишком внезапно, да еще этот... — эльфийский воин с неприкрытой злобой пнул мертвого колдуна, но Ник этого уже не видел. Он спешил к своей возлюбленной.

Некогда чудесный холл загородной резиденции представлял собой жалкое зрелище. Картины, гобелены, старинные вазы и статуи — не уцелело ничего. Раскололся даже центральный фонтан в виде плавающих в пруду лебедей, и вытекавшая из него вода тщетно пыталась смыть кровь с мраморного пола.

А крови пролилось действительно много.

Минут за десять этого скоротечного боя здесь полегло примерно пять десятков орков и почти двадцать эльфийских защитников. Сейчас все эти переломанные, обожженные, расчлененные и исковерканные тела лежали вперемешку, создавая сюрреалистическую картину в красных тонах.

Уже приближаясь к так и не взятой орками импровизированной лестничной баррикаде, Никаниэль слышал раздавшийся сверху женский крик.

— Элельен!

Ледяные пальцы страха стальной хваткой вцепились в сердце молодого война. Не чувствуя ног и даже не думая вооружиться, он, прыгая через три ступеньки, помчался наверх. За ним по пятам неслись выжившие телохранители.

Ник ураганом ворвался в совсем недавно покинутую комнату. Ужасная картина предстала перед его взором. От самых дверей, вглубь вела цепочка мертвых орков. Один. Второй. Третий. Четвертый. Пятый. Пятерку элитных убийц клана Ночной Полумеся навсегда успокоил Мотилай, выполняя приказ господина.

Вот лежит и он сам. Весь израненный, лишившийся в бою руки и глаза, со сломанной челюстью и гримасой боли на некогда изящном лице. Изодранный в клочья форменный

мундир не мог скрыть многочисленные порезы, оставленные убийцами. А прямо за ним, у стены...

Никаниэль не хотел верить своим глазам.

Его ноги подкосились, и он на коленях пополз к возлюбленной. Она сидела, прислонившись к стене. Будто прилегла отдохнуть. Белоснежные руки, свисая вдоль стройного тела, покоились на полу. Нежная головка безвольно опустилась на тонкой шее, будто наблюдая, как по роскошному розовому платью уродливой кляксой расплзлось ужасное красное пятно.

Из груди же торчал кинжал. Его кинжал.

— НЕЕЕЕЕЕЕТ! Элельен, очнись, Элельен, пожалуйста, любимая! — обезумевший о горя принц покрывал поцелуями уже начавшее остывать лицо.

Слезы градом катились по его щекам, рисуя узоры на покрытых кровью щеках.

— Элельен, ты не можешь умереть! Не здесь, не сейчас, не так... Я люблю тебя! Элельен, очнись, я умоляю тебя, не умирай, очнись! Лекаря сюда, быстро! Жреца, мага, знахаря — кого угодно!

— Ваше Высочество, — робко подал голос один из телохранителей, — мы не брали с собой лекарей, а все жрецы светлых богов высшего ранга живут при главном храме в столице...

Никаниэль взвыл.

Рыдая, он упал на тело возлюбленной. Он гладил ее по щекам, по волосам, не в состоянии поверить в случившееся. И ни один из воинов не смел потревожить его, ведь каждый понимал, какого это потерять кого-то столь дорого. Поэтому бойцы, убедившись, что все орки на полу мертвы, молча рассредоточились по комнате, опасаясь нового нападения.

* * *

Спустя некоторое время эльфийский принц чуть слышно прошептал: «Я все равно спасу тебя, любимая. Любой ценой», нежно поцеловал ее в холодный лоб и поднялся на ноги.

— Ты. — хриплым голосом Никаниэль принялся раздавать указания. — Найди кого-нибудь из слуг, наверняка кто-то спасся. Пусть готовят карету. Мы немедленно возвращаемся в Бьюнилин.

— Да, милорд.

— Ты и ты. Спускайтесь к Галинору. Проверьте, может кто-нибудь из наших выжил. И найдите хотя бы одного ублюдского живого орка для допроса! Я хочу знать, как они сюда попали и кто их послал.

— Будет исполнено, милорд.

Отдав приказы, принц вновь опустился на пол рядом с телом возлюбленной. Он нежно взял ее ладонь в свои руки и принялся думать.

Из размышлений его вывел Галинор. Перевязанная рука бойца висела на шее, а на правой половине лица наливался синим громадный кровоподтек. В остальном же он смотрелся не в пример лучше своего господина.

— Ваше Высочество, карета готова. Внизу выживших нет. Распорядиться чтобы вам помогли спустить госпожу?

— Я сам. — Ник решительно поднялся на ноги. — Пусть кто-нибудь заберет тело Мотилая. Он поедет со мной в карете. Ты тоже. Так же возьмем с собой и тело шамана. С остальным будут разбираться дознаватели, чистильщики и кому там это еще положено по

долгу службы.

— Будет сделано, милорд.

Галинор отправился исполнять поручения, а Никаниэль бережно поднял невесомое тело Элельен и, переступая через тела, понес ее в карету.

Путь до Бьюнилирина отряд проделал в полном безмолвии и без остановок на еду и сон. Простенькое заклинание охлаждения, периодически возобновляемое Ником, сохранило перевозимые тела от разложения. На шамана ему было плевать, но бывший помощник и любимая должны были прибыть в город нетронутыми влиянием времени. Первый для оказания почестей, а вторую... вторую он еще надеялся спасти.

Уже на подступах к столице к ним навстречу выехала группа всадников во главе с Кол'Тиланом — отцом Элельен. Лидеру рода Лунный Шепот шел уже седьмой век и Элен была его единственной и обожаемой дочерью. Вельможа явно был не в себе и нервно сжимал в руках магический скипетр.

Едва заглянув в окно кареты и увидев дочь с кинжалом в груди, Кол'Тилан схватился за сердце, направил жезл на принца и прокричал:

— Я до последнего не хотел верить, но теперь вижу — *ты* убил ее! Умри!

Кристалл на конце артефакта загорелся бардовым, но Галинор, сидевший ближе к выходу, успел пнуть дверь кареты, распахивая ее. Дверь ударила лорда по руке, возникла красная вспышка и... в крыше образовалась огромная дыра с обожженными краями.

Ехавшие снаружи телохранители принца мгновенно спеленали знатного эльфа и сразу оказались под прицелом двух десятков натянутых луков охраны Кол'Тилана.

— Довольно! — Никаниэль выпрямился через дыру в карете. — Отпустите его.

Войны повиновались.

— Ты сошел с ума, старик! Я любил ее, люблю и буду любить! Не знаю кто, что, а главное, *когда*, успел тебе наплести, но я бы ни за что не причинил ей зла.

Лорд поднялся с земли и переводил растерянный взгляд с принца на дочь и обратно.

— А сейчас расчистить мне путь до Храма Света! И пусть там будут все жрецы высшего ранга всех существующих светлых богов!

— Да как ты... — прошипел Кол'Тилан.

— Именем короля, это приказ! — прервал его Никаниэль, и добавил уже тише. — Твое покушение на особу королевской крови спишем на случайность. Поехали!

Скрипя зубами, униженный лорд принялся раздавать указания, а Ник коротко поблагодарил Галинора за спасение.

— Рад служить вам, Ваше Высочество. — сдержанно ответил тот.

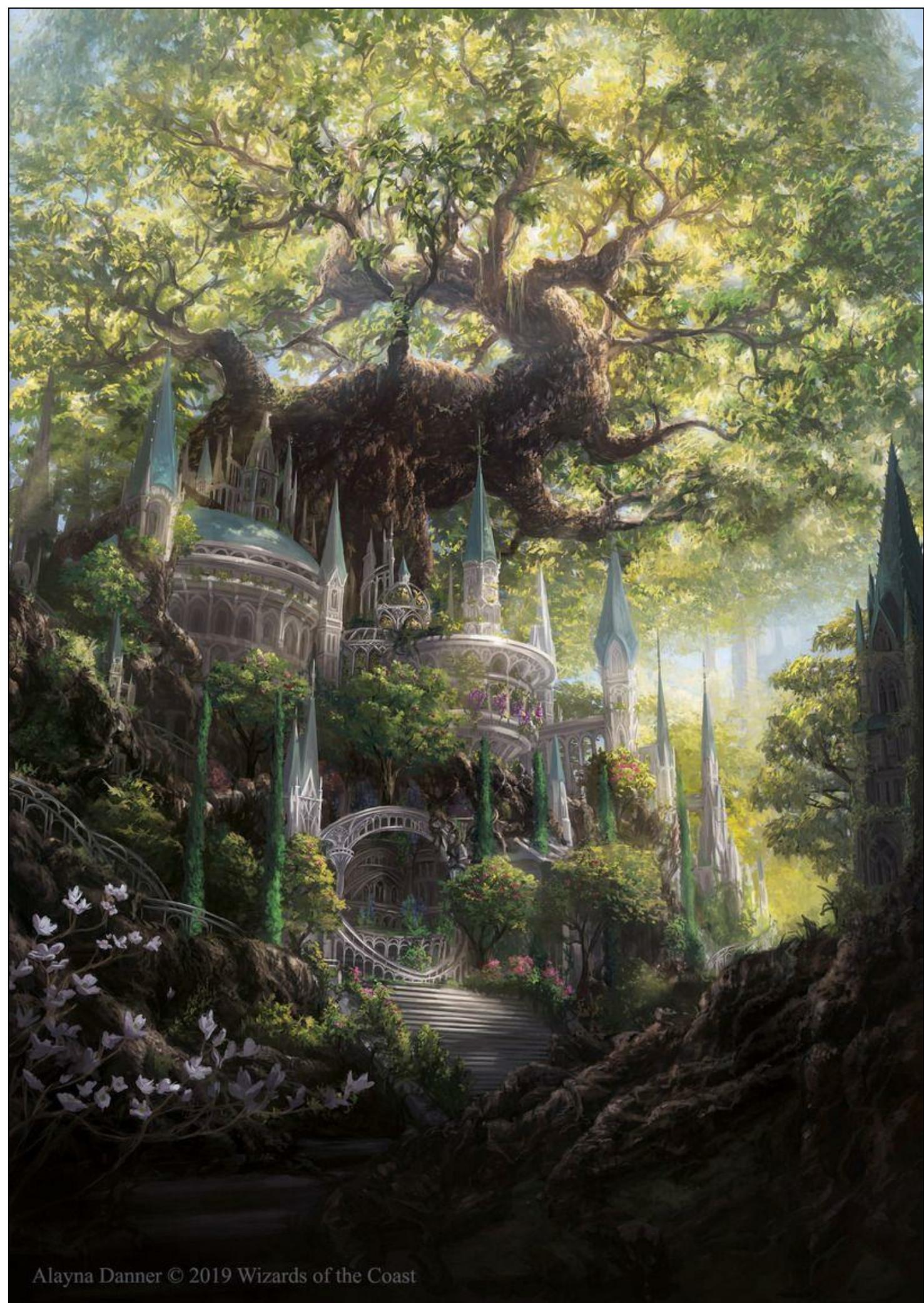
Глава 3

Слухи разлетелись по Бьюнилирину со скоростью урагана: «Дочь одного из верховных лордов мертва», «Бесчисленная армия орков вторглась на земли Эльфхейма», «Любимый всеми принц Никаниэль в одиночку сдерживал вторжение вражеских сил и ему срочно нужна помощь жрецов», «Астрологи провозгласили неделю зайца. Зайчатина в магазинах подорожала вдвое» — как и положено слухам, далеко не все из них были правдой. Но у порога Храма Света карету принца встречала уже целая толпа.

Второе после дворца по величию здание столицы — Храм поражал своим великолепием. Построенный дварфами во времена, когда все расы жили в мире, он был выдержан в традиционном эльфийском стиле гармонии с природой.

Основой стал исполинский миллоран. Прямо в его стволе искусные бородачи создали залы, комнаты и переходы, к которым снаружи пристроили стены из белого мрамора. Воздушность храму придавало множество резных колонн, изящных арок и тонких шпилей, гармонично сочетавшихся с молодыми побегами эльфийского дерева. Дивные редкие цветы, росшие повсюду, дополняли эту прекрасную картину.

Крыши каждого элемента из полупрозрачного горного хрусталя позволяли солнцу освещать внутренние помещения. Если у того, конечно, получалось пробиться сквозь разросшуюся за тысячелетия крону исполина.

Стоило принцу выйти из кареты, как еще недавно галдящая толпа тут же в изумлении смолкла. Не спавший несколько дней, покрытый так и не смытой кровью врагов, с израненными ушами, он выглядел как живой мертвец из детских страшилок.

Но больше всего удивлял его взгляд. Вместо обычного, вечно смеющегося выражения лица жители столицы наблюдали холодный, сосредоточенный взор, полный решимости идти до конца и любой ценой вернуть возлюбленную к жизни.

Не позволив никому помогать, в полной тишине Никаниэль сам нес тело Элельен вверх по лестнице. И с каждой ступенькой его шаг замедлялся. Не потому что он устал, хотя и это было правдой, — эльфийский принц боялся.

Боялся, что опоздал.

Боялся, что она навсегда останется такой как сейчас — холодной и безжизненной. Как прекрасная статуя, вышедшая из-под руки мастера, но неспособная ответить взаимностью своему создателю.

Боялся, что даже сами боги уже не смогут вернуть любовь всей его жизни, и ее жизнерадостный смех больше никогда не отразится веселым эхом в пустых коридорах дворца.

Но вот, отбросив все сомнения, он решительно преодолел последние метры и твердым шагом переступил порог главного зала.

Верховные жрецы ждали его.

От каждого из них исходила мощная аура могущества и благочестия. Не считая архимага, они, несомненно, были сами сильными чудотворцами в Эльфхейме, а может даже и во всем Альйоне.

Полностью посвятив свою жизнь служению светлым богам, они достигли невероятных высот мастерства и могли с легкостью исцелять смертельные раны, лечить безнадежно больных, накладывая чудесные благословения и даже воскрешать мертвых. И именно на эту уникальную способность надеялся молодой принц, изо всех сил стремясь к храму.

Квиннетил — главный последователь бога солнца. Невысокий, полноватый эльф с добрыми глазами. Финдиор — архидруид бога природы. Косматый, бородатый и с вечной ухмылкой на лице. Селионэт — первосвященница богини эльфов. Высокая, статная женщина в красивых бело-зеленых одеяниях. И, главная надежда Никаниэля, — Линасаир — высший адепт бога жизни. Пышущий здоровьем эльф неопределенного возраста, по слухам способный гнуть подковы всего лишь двумя пальцами.

Так же в зале находились помощники, подручные и множество других служителей разных рангов. И все они в полной тишине следили за Никаниэлем.

Бережно опустив тело любимой на центральный алтарь, Ник обратился ко всем четверым сразу:

— Почтенные жрецы светлых богов, я знаю, что не могу вам приказывать, но я прошу, нет, я умоляю вас применить свои знания и воскресить Элельен Лунный Шепот.

— Юный принц, — взял слово Квиннетил, — полагаю вам известно, что дар воскрешения чрезвычайно редок, и для проведения ритуала должно быть соблюдено множество условий, одним из которых является *недавняя* смерть. Когда была убита леди Элельен?

— Два с половиной дня назад.

Лица жрецов помрачнели.

— Да, я знаю, что прошло много времени... Мы спешили, как могли...

— Если бы с вами был служитель Акарая, он бы мог удерживать ее душу в теле до ритуала воскрешения. — задумчиво произнес Линасаир.

— Но его не было! — вскричал Никаниэль, глазами ища поддержки у остальных.

— Истории ведь известны случаи и более поздних воскрешений. — невозмутимо подал голос Финдиор, не обращая внимания на эмоциональную вспышку принца. — Когда душа жертвы по каким-то причинам отказывалась покидать Альйон.

— Да! Она еще здесь! Она не могла бросить меня! Я... я чувствую! — Ник хватался за каждую соломинку.

— Селионэт, что скажешь? — спросил Квиннетил у первосвященницы богини эльфов.

— Ради рода Лунный Шепот, ради благополучия Эльфхейма, ради всей нашей расы, я считаю мы должны хотя бы попытаться!

Короткой, но пламенной речью жрица вселила энтузиазм и в остальных соратников, и, оттеснив принца в сторону, они принялись готовиться к сложнейшему ритуалу.

Окаменевший от напряжения, с до боли сцепленными за спиной пальцами, Никаниэль наблюдал за приготовлениями. Сначала прислужники вынули и унесли роковой кинжал. Затем, освободив тело Элельен от одежд, бережно омыв и натерев пахучими маслами, служители аккуратно переложили его в центр причудливого орнамента, который прямо на полу совместно чертили все четверо верховных жрецов.

Казалось, что каждый рисует отдельно. Элементы, выводимые одним, не были и отдаленно похожи на символы и знаки всех остальных. Но, в то же время, совместно они создавали удивительный рисунок, который прямо на ходу напитывался силами света.

Закончив, жрецы встали с разных сторон от изображения на полу и, сложив руки в особых жестах, приступили к Высшему Аркану Воскрешения.

Все говорили что-то свое: кто-то молился богам, кто-то читал заклинания — ведь высший аркан был у каждого свой. Удивительное дело, но они не мешали друг-другу, а как будто дополняли, создавая неповторимый ритуал, которого еще не видывал свет.

С каждым произнесенным словом линии на полу начинали светиться, постепенно подбираясь к фигуре в центре. То один, то другой элемент наполнялся светом, чтобы тут же заразить им следующего и следующего, и так пока не засиял весь ритуальный орнамент.

Едва это произошло, как тело Элельен дернулось и на несколько сантиметров приподнялось над полом, выгнувшись в спине. Ее руки и ноги мелко дрожали, наполняясь белым свечением, постепенно распространявшимся все дальше.

Вот уже вся эльфийка как будто пылала белым пламенем, настолько ярким, что смотреть на него было сродни попытке разглядеть форму солнца. Голоса жрецов звучат все громче. Ритуал явно подошел к своей кульминации.

И тут, на высшей ноте, когда все присутствовавшие напряглись до предела, а магии вокруг плескалось столько, что казалось ее можно трогать руками, раздался звонкий звук бьющегося стекла. В это же мгновение весь свет пропал, а тело Элельен безвольной куклой рухнуло на пол храма.

Из Никаниэля будто выдернули стержень. Отчаяние и усталость прошедших дней разом навалились на него. Его ноги подкосились и сознание покинуло принца.

— Похоже ее душа все-таки покинула пределы Альйона. — было последним что он услышал, проваливаясь во тьму.

Никаниэлю снилась Элельен.

Ее звонкий смех, ласковая улыбка, прикосновения тонких, нежных пальцев. Снились долгие прогулки по дворцовому саду, попытки спрятаться от назойливых фрейлин, милые записочки, передаваемые через доверенных слуг. Первые робкие поцелуи, а потом и более страстные. Поездки на лошадях. Совместное любование звездным небом. Снилось все то что они так любили делать вместе.

Во сне Ник был счастлив. И тем печальней стало его пробуждение.

Он лежал на шелковых простынях огромной кровати в своих личных дворцовых покоях и не желал открывать глаз. Его тянуло обратно в мир грез, где они снова были вместе. И абсолютно не хотелось возвращаться в реальность, где *ее* больше нет.

— Сын, я вижу, что ты уже проснулся. Я глубоко сочувствую твоей утрате. Весь народ Эльфхейма скорбит вместе с тобой, — голос Талириона Сердце Леса был полон неподдельного сострадания, — но я хочу лично от тебя услышать, что там случилось.

Нехотя открыв глаза, Никаниэль посмотрел на правителя всех эльфов.

Длинные, прямые, серебристые волосы, чуть заостренные черты лица, ровная осанка — он выглядел так, сколько Ник его помнил. Казалось время не властно над королем, и тот застыл где-то в районе трехсотлетия. И только тонкая цепочка морщин на лбу и глубокий, полный мудрости и жизненного опыта взгляд светло-оливковых глаз выдавали в нем личность, перешагнувшую рубеж в восемь с половиной веков.

Чуть поправив серебряную тиару в виде венка из листьев, Талирион повторил:

— Ник, что произошло?

Глубоко вздохнув и собравшись с мыслями, несчастный эльф подробно пересказал отцу все, что случилось в тот злополучный день. Он говорил и говорил, не забывая вставлять в повествование свои мысли и предположения, и, с каждой минутой, его голос обретал все большую уверенность. А под конец истории к золотым глазам принца даже вернулся блеск жизни, будто, выговорившись, он обрел частичку былой уверенности.

Когда Никаниэль замолчал, король некоторое время сидел в тишине, обдумывая услышанное. Затем, стряхнув невидимую пылинку с изумрудного кафтана, он произнес:

— Мне тоже кажется, что без помощи с нашей стороны такой крупный отряд орков не смог бы проникнуть незамеченным столь глубоко. Причем помогала им явно не последняя личность королевства. Не хочется в это верить, но возможно это был даже кто-то из дворца.

Талирион нахмурился:

— Не понятно только кому помешала Элельен. Бедное дитя. Возможно какие-то дела ее отца...

— Кстати, могу тебя поздравить. — выражение лица монарха заметно потеплело. — Я поручил расследование своей личной гвардии и уже есть первые результаты. Шаман, которого ты привез, оказался никем иным как Зулгашем.

— Правой рукой Луг'Болга? — удивленно уточнил Ник. — Того самого? Нового амбициозного вождя, который совсем недавно возглавил Оскаленную Пасть?

— Вот именно. И теперь он жаждет великих свершений. А сейчас, хватит прогонять слуг, и поешь наконец! На тебе же лица нет. — король встал и направился к выходу, но на полпути обернулся и весело хмыкнул:

— Весь народ переживает за героя в одиночку остановившего вторжение орков.

Уже у самых дверей Никаниэль окликнул его:

— Отец, подожди! Элельен же еще не похоронили?

— Конечно нет. Ты ведь знаешь обычай. Сейчас она находится в поместье Лунного Шепота. У семьи есть еще два дня чтобы проститься с ней. А затем, как и любого из знатного рода, ее похоронят на Аллее Предков. И, выросший над ней миллоран, будет тысячи лет напоминать нам о невосполнимой утрате нашего народа.

— Да-да, знаю. Но, пожалуйста... Отец, пусть Элельен похоронят в королевском мавзолее! — и, не давая удивленному правителю вставить слово, продолжил. — Конечно, это не по обычаям, и только члены королевской семьи удостоиваются такой чести... Но мне необходимо сохранить ее тело невредимым. Я... я верну ее!

Талирион оценивающе посмотрел на взволнованного сына:

— И как же ты планируешь это сделать? Обряд воскрешения провалился. Высшие жрецы еще полгода не смогут наколдовать ничего серьезнее блуждающего огонька...

Король замолчал, задумавшись. Ник тоже молчал в ожидании, какое решение тот примет.

— На самом деле они вообще жалеют, что пошли у тебя на поводу. Мне пришлось сильно постараться, чтобы отвратить от тебя их гнев. И лично я не знаю иных способов возвращения мертвых из царства вечного покоя.

— Я тоже не знаю. — потупив взор, прошептал принц. — Но я найду его! Я приложу все силы и найду способ вернуть Элельен! Прошу тебя, отец!

— Посмотрим. — выдержав паузу, сказал Талирион. — Но я ничего не обещаю.

Задумчивый правитель вышел из комнаты сына, и его место тут же заняли слуги с подносами пищи. Видимо об этом король распорядился заранее.

Никаниэль безрадостно доедал последнюю лепешку, макая ее в любимый сливочный соус с толченым тилуном, когда к нему в покои без стука вошел новый гость.

Невысокий, в коричневых одеждах книжечеев, он был почти точной копией недавно ушедшего монарха. Исключение составляли лишь глаза желто-оранжевого цвета, которыми тот задорно рассматривал так и не вставшего с кровати принца.

— Ходят слухи ты там сотню орков порубал. — глумливо начал вошедший. — Думал лежишь тут без рук, без ног и ссышь через трубочку, а у тебя всего лишь уши в шрамах? Не знал, что орки такие хлюпики. Видать их боевая слава сильно преувеличена, раз уж даже такой слабак как ты с ними справился.

— Не дождешься, Син'Галад. — усмехнулся принц, ощупывая некогда гладкие уши. — Жаль, что тебя там не было. Орки разбежались бы от одного вида твоей мерзкой рожи. Хотя нет. Они бы, наверное, вообще тебя за своего приняли.

Ник выпятил нижнюю челюсть, изображая безмозглого орка.

Син'Галад, сделав страшное лицо, бросился вперед, пытаясь врезать лежащему по носу, но в последний момент они крепко обнялись, хлопая другу-друга по спинам.

— Рад, что с тобой все в порядке, Ник-нужник. — тихо шепнул Син, используя их детскую дразнилку.

— Да что со мной будет, Син-кретин. — не остался в долгу Никаниэль.

С разницей в возрасте всего пять лет, являясь единокровными братьями, молодые эльфы с детства отлично ладили.

Когда королева Атейллас умерла во время родов, оставив в Нике частичку своей души, Талирион был безутешен. Тем удивительнее стал факт появления всего спустя половину десятилетия во дворце еще одного младенца — Син'Галада.

Бастарда короля.

При этом никто не знал, кто же стал матерью незаконного отпрыска.

Знать кипела от возмущения, словно котел с едким варевом. Причем даже не от самого факта рождения внебрачного отпрыска (будем честны, история знавала и не такие примеры), и не от столь малого срока, прошедшего со дня кончины королевы. Нет. Общественность бурлила из-за того что король открыто объявил о его существовании и даже поселил в одном крыле со своим первым сыном.

На все нападки верховных лордов монарх спокойно отвечал, что ребенок уже есть и сделать с этим все равно ничего нельзя. Не казнить же его?

В итоге было заключено негласное соглашение, по которому король не давал бастарду никаких привилегий и поблажек, а знать не чинила тому козни. Они вообще делали вид, будто его не существует. Даже слуги во дворце старались обходить мальчика стороной, сведя все контакты с ним до минимума.

И только молодой Никаниэль, будучи несмышленным ребенком, не понимал происходящего и искренне радовался появлению Син'Галада.

Братья много времени проводили вместе: исследовали многочисленные коридоры дворца, бегали по саду за птицами и кошками, лазали по деревьям, шалили — в общем, делали все то, что и положено мальчишкам любой расы в каждом уголке Альйона.

Многое изменилось, когда Никаниэль пошел на первый курс школы меча и магии, где

стал пропадать чрезмерного времени, обучаясь азам обращения с оружием и начиная постигать колдовское искусство. Син впервые со своего рождения оказался в полном одиночестве.

Сперва он выяснил, что Ник вовсе не родной его брат, а всего лишь единокровный, что, на самом деле, совсем не огорчило мальчика, ведь они оба оказались лишены материнской ласки. Потом он долго донимал отца расспросами о своей родительнице, но тот наотрез отказался обсуждать эту тему. А больше спросить было не у кого.

Тогда от тоски его спасли книги.

Сначала он перечитал всю имеющуюся во дворце литературу, не делая различий между историческими хрониками, кулинарными рецептами или забытыми на краю стола любовными романами какой-то фрейлины. А потом и вовсе, с разрешения отца, практически полностью переселился в дальнюю башню, отведенную под замковую библиотеку.

Кстати, именно там, по найденным на отдаленных пыльных стеллажах манускриптам, Син'Галад тайно изучал древнюю эльфийскую магию. И вот об этом никто кроме его единокровного брата не знал.

В последний раз хлопнув Ника по спине, Син слегка отстранился и полным сочувствия голосом, глядя в глаза, произнес:

— Соболезную твоей потере, брат. Элеьен, она... Не мне тебе рассказывать. Слышал про ритуал... Ты как? Держишься?

Во вспыхнувших с приходом друга, глазах Никаниэля вновь поселилась печаль. Он откинулся спиной на подушки и, глядя куда-то внутрь себя, заговорил:

— Знаешь, когда я увидел ее там, с кинжалом в груди, я думал, что мое сердце не выдержит этой боли. Что жизнь окончена. Что смысла влечить жалкое существование больше нет. Я лежал и ждал когда смерть примет меня в свои объятия. Но потом, откуда-то изнутри, зародилось чувство, что не все потеряно, и Элеьен еще можно вернуть. Я вспомнил, как ты рассказывал мне истории о великих чудесах, подвластных светлым жрецам, и тут же помчался домой в надежде на их помощь.

Принц поднял глаза и продолжил:

— Когда ритуал провалился, я думал что это конец. Что надежды нет. Валялся здесь, в этой кровати. Прогонял слуг. Отказывался от еды. Но, знаешь, какой-то огонек внутри меня не давал наложить на себя руки. Постепенно он разгорался все сильнее, и сейчас я вновь уверен, что это еще не все. Знаю, это прозвучит как бред сумасшедшего, но я верну Элеьен! Чувствую, понимаешь, чувствую, что это возможно! Ты поможешь мне, брат?

Син'Галад ошарашенно смотрел в полные надежды глаза принца.

— К-конечно я помогу тебе. — выпалил он, чуть заикаясь. — Но что мы можем сделать? Через пару дней ее отнесут на Аллею Предков...

— Не отнесут. — перебил его Никаниэль. — Ну, вернее, я на это надеюсь.

И, глядя на недоуменное лицо брата, объяснил:

— Я попросил отца похоронить ее в мавзолее. И очень надеюсь, что папе это удастся. Если же нет... — по глазам Никаниэля было понятно, что даже в этом случае он не сдастся.

Если бы челюсть Сина могла упасть еще ниже, ее, безусловно, пришлось поднимать бы с пола.

— Да-да, я знаю, что это не по традициям, но, надеюсь, отец что-нибудь придумает.

— Ты не понимаешь! — наконец ожил бастард. — Это не просто «не по традициям». Порядок прощения с усопшими был установлен десятки тысяч лет назад. Со времен когда

эльфы пришли в этот мир. И ни-ра-зу не нарушался. Все книги говорят об этом.

— Ну значит пора что-то менять. — решительно заявил Ник. — Я чувствую, что все будет как надо. А тебя хочу попросить, поискать в твоих любимых книгах способы возвращения из мертвых. Ритуалы, заклинания, предания, легенды, да хоть слухи, записанные со слов пьяной слепой кухарки — что угодно, что сможет мне помочь. Ты сделаешь? Пожалуйста.

Син'Галад очень странно посмотрел на брата и, медленно кивнув, заверил его, что сейчас же пойдет в библиотеку и не выйдет оттуда пока не обнаружит хоть что-нибудь стоящее.

После этого он пожелал скорейшего восстановления сил и с задумчивым выражением на лице покинул комнату принца. А тот, дернув специальный, вышитый золотыми нитями шнурок в изголовье кровати, вызвал слуг и приказал убрать в комнате, поменять белье и принести новую одежду.

Настроение у Ника пусть и не вернулось в прежнее состояние, но стало уже значительно лучше, чем даже этим утром. Он действительно собирался как можно быстрее восстановить силы и найти способ вернуть возлюбленную.

Но, самое главное, он чувствовал — все получится!

Никаниэля разбудил юный паж, передавший, что после завтрака состоится заседание малого королевского совета и принцу необходимо на нем присутствовать.

Всего за три дня постельного режима и сытной, здоровой пищи Ник полностью восстановился. Исчезли мешки под глазами, движения вернулась упругость и грация, вот только во взгляде до сих пор можно было заметить холодный осколок печали.

Умывшись, молодой эльф сделал зарядку на свежем воздухе, обязательно включив в нее упражнения с мечом. Посвятил полчаса работе с магическими каналами. Принял освежающий душ. И, наконец, спустился к завтраку.

— Ваше Высочество. — личный трапезный лакей принца пододвинул стул своему господину. — Мы все рады видеть вас в добром здравии. Присаживайтесь, пожалуйста. Завтрак подадут сию секунду.

— А где отец?

— Его Величество уже два часа как позавтракали. Велели вас не отвлекать.

— Рано он...

В детстве этот трапезный зал, пятый по величине во дворце и считавшийся малым, казался Никаниэлю огромным. Принц вырос, но его ощущения не изменились — зал по-прежнему поражал своими размерами.

Высотой в два этажа, широкий и длинный, он запросто мог вместить в себя весь штат дворцовой прислуги, и им еще осталось бы место для игры в салочки. Дополнительный объем помещению придавали высокие арочные окна, занимавшие почти всю восточную стену. И по утрам, когда солнце поднималось из-за горизонта, этот зал наполнялся светом одним из первых во дворце. Именно поэтому он чаще всего и использовался королевской семьей для первого приема пищи.

Ну и, конечно, что за трапезная без стола? Стоял он и тут. Длинный прямоугольный стол из темных пород дерева на сто двадцать персон. Причем садиться за него могли только члены королевской семьи и их родственники.

Когда принц был маленьким, они с отцом часто завтракали здесь лишь вдвоем. Сидя на противоположных концах стола им приходилось использовать слуг для передачи сообщений друг другу, что всегда очень веселило юного Ника.

Казалось бы, все это происходило совсем недавно, но последние события разделили жизнь Никаниэля на «до» и «после», превращая все что было «до» в прошлое, постепенно затягивавшееся серой пеленой забвения. И вот сейчас, поглощая традиционный эльфийский завтрак, Ник предавался этим детским воспоминаниям с блуждающей улыбкой на лице.

Закончив трапезу, Никаниэль не стал сразу вставать из-за стола. Он позволил себе посидеть еще несколько минут, давая пище возможность улечься поудобнее и мысленно подготавливая себя к предстоящей встрече. Не каждый день удавалось посетить заседание малого совета. Впрочем, несколько раз отец все же брал его с собой, постепенно приучая к мысли, что однажды собрания будет вести уже сам принц.

— Ну, ладно. — не находя больше причин для промедления, Ник поднялся из-за стола и отправился на встречу с отцом.

Всего несколько минут по знакомым коридорам и лестницам, и вот уже слуга объявил о его прибытии:

— Его Высочество принц Никаниэль Сердце Леса.

В зале малого совета, похоже, ждали только принца. Все пять верховных лордов, казначей, глава тайной полиции, верховный маг и, конечно же, сам король стояли вокруг небольшого прямоугольного стола, занимавшего почти все свободное пространство.

В углах комнаты находились высокие подсвечники, являвшиеся единственными источниками света, ведь окон тут никогда не было, а магия подавлялась могущественными артефактами, встроенными прямо в стену — негаторами.

Эти нейтрализующие магию устройства изобрели в такой глубокой древности, что сам способ их производства давно канул в небытие.

И ничего удивительного в подобной обстановке никто не усматривал. Ведь именно здесь вершилась судьба всего Эльфхейма.

— Явился наконец. — процедил Кол'Тилан, так чтобы его услышал только Ник.

Подавив желание ответить, Никаниэль вежливо поприветствовал присутствующих и выжидательно посмотрел на отца. Талирион был одет почти так же как и пару дней назад. Исключение составлял лишь Люминистилл — древнейший меч, могущественный артефакт и достояние рода правителей эльфийского государства, который монарх зачем-то принес с собой на заседание.

Король встретился взглядом с сыном, ободряюще ему улыбнулся кончиками губ и молча сел за стол. Следом за ним заняли свои места и остальные вельможи.

Заседание началось.

— Прежде всего, хотелось бы в очередной раз поблагодарить Ваше Величество, — тут же взял слово Кол'Тилан, — за честь, оказанную моему роду, и право похоронить мою вероломно убитую дочь в королевском мавзолее.

Остальные лорды не выглядели удивленными. Похоже, что они узнали об этом заранее. А вот в груди у Ника отлегло. Хотя он почему-то почти не сомневался, что так все и будет.

— Надеюсь, что виновные в этом вопиющем по своей дерзости и неслыханности нападении уже найдены и в ближайшее время предстанут перед королевским судом.

— Лорд Лунный Шепот, как я и говорил ранее, за годы, проведенные Элельен возле моего сына, я ни секунды не сомневался, что однажды она станет прекрасной королевой для нашего народа. И пусть молодые не успели закрепить свой союз официальными клятвами, душой они уже давно были вместе.

Голос правителя звучал мягко и ровно, но в то же время в нем чувствовались такие сила и уверенность, что даже если кто-то и хотел возразить, делать этого они не стали.

— Что же касается расследования, уверен, главе полиции есть что доложить нам. А пока я хотел бы, чтобы Никаниэль пересказал всем присутствующим события того злополучного дня.

Все члены совета повернули голову в сторону принца, и в глазах у каждого без труда читалось нетерпеливое желание услышать нашумевшую историю из первоисточника.

Примерно чего-то такого Ник и ожидал. Поэтому, не взяв ни секунды паузы, он вновь принялся подробно рассказывать, что же именно произошло в загородной королевской резиденции чуть меньше недели назад, надеясь лишь на то, что больше ему этого делать никогда не придется.

Едва он закончил свою речь, как все присутствующие заговорили разом, причем в голосах большинства явно слышались ноты недоверия. Зарождающийся гомон прервал Элрор — глава тайной полиции:

— Слова принца не подлежат сомнению! Мои подчиненные уже осмотрели резиденцию: пока целый кулак орков при поддержке чрезвычайно сильного шамана стянул на себя все силы защитников, пятерка элитных убийц из Ночного Полумесяца проникла через черный ход, но их остановил Мотилай. Да-да, я не оговорился. Несмотря на всю свою искусственность, они так и не смогли одолеть помощника принца — он победил всех пятерых, но сам скончался от полученных ран.

— Тогда кто же, кфхан побери, убил мою дочь?! — в сердцах воскликнул лорд Лунный Шепот, не сумев сдержать эмоций. Традиционное эльфийское хладнокровие пасовало, когда речь шла о его любимой наследнице.

— Этого мы *пока*, к сожалению, не знаем. Судя по всему, с ними был кто-то еще, кто и совершил это ужасное преступление, после чего скрылся. Сейчас там работают магидознаватели, пытаясь восстановить подробности.

Новость прозвучала как гром среди ясного неба. Все, и в особенности Никаниэль, оказались буквально поражены подобным известием. Он-то был уверен, что Элельен убил один из бойцов Ночного Полумесяца — клана, в отличие от остальных, тренировавшего своих воинов для тайных операций, а не массовых полевых сражений.

— Что же касается того, как такой многочисленный отряд смог незамеченным пробраться вглубь наших территории, — невозмутимо продолжал Элрор, — *некто* внес изменения в расписание патрулирования границ таким образом, что образовалось двухминутное окно, в которое и проскочили диверсанты. Совершить подобную махинацию могли лишь единицы и почти все из них находятся сейчас в этой комнате.

— Что ты себе позволяешь?! — лорд Маглегал Шелест Ветра вскочил, опрокидывая стул. Он явно вспылал, чего не стоило делать в присутствии столь высокопоставленных лиц. — Ты, не принадлежащий ни к одному из знатных родов, смеешь обвинять верховных лордов?!

— А я ничего не говорил про лордов. — спокойно ответил глава тайной канцелярии. — Впрочем, именно *ваша* реакция, лорд Маглегал, весьма любопытна. Ведь именно *вас* видели в штабе патруля северной части границы месяц назад.

«*Месяц назад? Примерно тогда мы запланировали наш отдых*». — вспомнил Никаниэль.

— Что? Что я там забыл? — глава рода Шелест Ветра выглядел удивленным и испуганным.

— А то, что ни для кого не является секретом ваше желание заполучить власть в Эльфхейме. И то, как ваша дочь безуспешно пыталась добиться внимания принца. Но вот если бы Элельен не стало...

— Так это ты!!! — Кол'Тилан вскочил и попытался сотворить какое-то убойное заклинание, забыв, что магия тут не действует.

Маглегал побледнел. Он уже не казался столь заносчивым, как несколько секунд назад. Внезапно тот осознал, что после этих слов, его — верховного лорда, могут прямо с заседания увести в казематы и пытаться там, как простого смертного. Поэтому у него оставался только один выход.

Гордо выпрямив спину и глядя прямо в глаза Талириона, лорд отчетливо произнес:

— Требую королевского суда!

Король медленно встал, достал из ножен Люминистилл и, направив его на обвиненного эльфа, постановил:

— Лорд Маглегал Шелест Ветра, властью верховного правителя этих земель вы обвиняетесь в измене, организации убийства и предательстве всей эльфийской расы. С этого момента и до окончания расследования вы арестованы и будете заключены в темницу. Стража!

Двери в зал заседаний распахнулись и внутрь вошли четверо бойцов личной королевской гвардии. Они надели на обвиняемого переносной негатор магии и, окружив, повели обвиненного лорда на выход.

С малого совета Никаниэль уходил погруженный в тяжелые мысли. Неужели Элельен погибла из-за борьбы за власть? Какая нелепость. Да он бы с радостью поменял корону на то, чтобы вернуть возлюбленную к жизни. Как вообще жизнь эльфа может иметь до такой степени ничтожную цену?

Он настолько задумался, что, повернув за угол очередного коридора, буквально врезался в фигуру в коричневом балахоне.

— Если не будешь смотреть по сторонам, то можешь отправиться к предкам, так и не вернув Элельен. — Син'Галад выглядел уставшим, но довольным.

— Ты что-то нашел? — золотые глаза Ника мимолетно вспыхнули надеждой.

— Тише, тише. — заговорщически прошептал книгочей, оглядываясь по сторонам. — Это не для общих ушей. Пойдем в наше место.

Еще в раннем детстве мальчишки, резвясь, случайно врезались в колонну в одном из коридоров дворца. В тот раз она внезапно наклонилась, открыв за собой проход в потайную комнату, о которой, похоже, никто не знал. Там дети устроили свой секретный штаб и часто играли, прячась от занудных взрослых.

Зайдя внутрь и закрыв дверь, Ник выжидательно уставился на брата. Сан'Галад не торопился. Он, пододвинув стул, сел за небольшой столик, положил на него руки и скрестил пальцы. Во всей его позе чувствовалась какая-то нерешительность. Он как будто не был уверен, стоит ли начинать этот разговор.

— Ну же, не томи! — настойчиво поторопил его Никаниэль.

— Понимаешь в чем дело... — Син поднял взгляд на принца. — Способ-то я нашел и даже уже навел кое-какие справки, но, боюсь, тебе он может не понравиться...

— Мне все равно что это будет. Лишь бы помогло вернуть Элельен. Рассказывай.

Син'Галад вздохнул, и, глядя прямо в решительные глаза брата, выпалил одно единственное слово:

— Некромантия.

Будто молния поразила Никаниэля. Он стоял, набрав полную грудь воздуха, забыв как дышать, а глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит от изумления. Сотни мыслей разом возникли у него в голове и носились там, хаотично сталкиваясь и вновь разлетаясь в разные стороны.

Дело в том, что еще несколько тысяч лет назад некромантия, как и остальные темные искусства, была обыденной частью этого мира. Ее изучали в академиях наряду с другими дисциплинами. Светлые и темные адепты даже первое время постигали основы вместе и лишь потом разделялись на отдельные специализации.

Некроманты, например, следили за кладбищами, упокаивали оживших мертвецов, развоплощали духов и приведений и занимались другими полезными обществу делами.

Все чародеи жили в мире, пока один могущественный маг не развязал войну.

То был невероятно сильный и талантливый некромант. Но амбиции жгли его душу подобно пламени доменной печи. Ему показалось недостойным его неординарной личности ходить по погостам, да помогать сирым и убогим. И вместо того, чтобы упокаивать мертвецов, он стал их поднимать, собирая могущественную армию нежити.

Многие тогда встали под его знамена. Ведь он обещал силу и власть. И не просто

власть, а господство над всем Альйоном! Обещал полностью уничтожить всех святош, а остальных сделать своими рабами и рабами своих последователей. Обещал все то, о чем в тайне мечтал любой темный маг.

Три сотни лет длилась та война, прозванная Ужасной. Орды мертвецов при поддержке злых сил захватывали и вырезали целые города, и каждый убитый пополнял ряды армии тьмы. Земля стонала, порождая из своих недр все новых и новых чудовищ. Скелеты, зомби, гули, призраки, банши — этих и множество других искусственно созданных монстров бесчисленными рядами днем и ночью гнали в бой восставшие маги.

В тот раз силы света смогли взять верх лишь сплотившись в одну, централизованную армию. Все жители Альйона в благородном порыве отбросили прежние распри и единым фронтом выступили против зловещих сил тьмы. Эльф бился рядом с человеком, дварфы и орки помогали друг другу как родные братья. Остальные расы тоже из кожи вон лезли, внося посильный вклад во имя общей цели. Ведь на кону стояло выживание.

Но даже так их теснили.

Решающим фактором стало отсутствие единства в рядах нападавших. Там постоянно шла ожесточенная грызня за власть. Почувствовав вкус крови, ощутив могущество и безнаказанность, темные маги перестали подчиняться вышестоящим. Каждый тянул одеяло на себя. Иногда целые отряды нежити внезапно нападали на соседей вместо того, чтобы атаковать врагов.

Этим и воспользовался альянс объединенных рас.

Силы тьмы пали.

Имя их предводителя навсегда было вымарано из истории. Занятие некромантией попало под строжайший запрет, который позже распространился и на другие темные искусства. А историями об ужасах той войны пугали по вечерам непослушных детей.

И вот сейчас кровный брат предлагал Никаниэлю прибегнуть к магии, страх перед которой воспитывался в каждом жителе Альйона с самого его появления на свет.

Детские страхи, противоречивые мысли и желания, надежда, возмущение, обида — все это смешалось в голове ошарашенного принца. Не одну минуту стоял он, хватая ртом воздух и не зная не только что сказать, но и даже что подумать. Но вот, наконец, его мысли устаканились и, придя к какому-то решению, он медленно произнес:

— Мда-а-а. Вот уж чего не ожидал... Впрочем, даже если отбросить все табу и запреты, даже если, не знаю каким чудом, найти живого некроманта, даже если все вот это вот получится... То на кой кфхан мне зомби Элельен?! Мне не нужна безвольная кукла. Я хочу вернуть ее такой, какой она была при жизни! Полностью!

— Ого. А я-то думал, что ты сейчас мне начнешь вещать про мораль, добро, многовековой запрет на некромантию и прочие давно изжившие себя бредни, а ты оказывается и на такое готов. Так что и ты меня тоже удивил, братец. — Син'Глад смотрел на Ника неверящим взглядом.

Принц хотел что-то еще возразить, но Син перебил его:

— Погоди, погоди. Конечно я понимаю, что никакой зомби тебе не нужен. Не о том и речь. В запретной части нашей библиотеки, только не спрашивай как я туда попал, мне случайно попало упоминание о том, что древним некромантам было под силу *полностью* вернуть к жизни живое существо, цитирую: «спустя любой срок после смерти, если тело еще не подверглось дыханию времени». А от этого «дыхания» ты, насколько мне известно, свою возлюбленную как раз защитил.

— Как знал, как знал... — пробормотал Никаниэль и, не сдерживая эмоций, бросился к брату и крепко обнял его, подняв со стула.

— Но подожди. — Ник слегка отстранил от себя Син'Галада. — Где же я возьму столь могущественного некроманта? Ведь ни о каких темных магах ни кто не слышал уже ни одну тысячу лет!

Син аккуратным движением освободился от объятий и, сделал полшага назад.

— Как я уже сказал, я навел кое-какие справки. — заговорщически глядя на брата, продолжил бастард. — И сегодня, за час до полуночи, у городского фонтана, который с лебедями, тебя будет ждать мой человек. Он отведет тебя на тайное собрание черного ковена. Вроде как некромант среди них тоже есть. Не знаю, правда, какой силы, тут уж прости.

Никаниэль вновь на некоторое время потерял дар речи.

— Твой человек?! Подожди. *Твой? Человек?!* Откуда, кфханово семя, у тебя человек?! И как вообще *человек* смог попасть в Бьюнилирин?! И откуда в нашей столице — в сердце светлых земель — мог взяться черный ковен?! — удивлению принца не было предела.

— Знаешь, — усмехнулся Син'Галад. — Когда во дворце, да и для всей страны ты «невидимка», можно сделать и узнать очень многое. И никто об этом не будет даже догадываться... Впрочем, не забивай себе голову. Главное, что, возможно, уже сегодня ночью ты сможешь вернуть Элельен.

Ник с недоверием изучал только что открывшуюся ему неизвестную сторону брата. Но надежда на скорое воскрешение любимой и благодарность за эту надежду практически сразу вытеснили все остальные эмоции, и он вновь крепко обнял Сина.

— Ты же знаешь, я никогда этого не забуду! Спасибо тебе!

— Знаю, знаю. — скованно пробубнил бастард, похлопывая брата по плечу. — Пойдем обратно, пока никто не заметил твоего отсутствия. Мы уже не дети и тебя могут хватиться.

И, убедившись, что в коридоре никого нет, молодые эльфы споро покинули свое тайное убежище.

Расставшись с братом, Никаниэль отправился в королевский мавзолей. У него было еще полно времени, и он, наконец, решился навестить нынешнее пристанище Элельен.

Миновав повороты, ведущие к сокровищнице и к темнице, где сейчас допрашивали предателя Маглегала, принц добрался до дверей, скрывавших путь к королевской усыпальнице. Он не был тут уже больше сорока лет. Не так уж и много по эльфийским меркам, но все равно это больше половины его жизни.

В детстве Ник часто приходил сюда навестить свою мать, которая так ни разу и не смогла обнять долгожданного сына. Каждый раз, перед тем как спуститься, он подолгу разглядывал мозаичный рисунок на дверях.

За прошедшие годы тут совсем ничего не изменилось.

Мастера древности настолько точно подогнули створки с изображением друг к другу, что стороннему наблюдателю могло показаться, будто это просто углубление в стене, созданное для красоты. Таинственный виртуоз искусно сложил вместе мельчайшие отшлифованные кусочки минералов, создавая целую картину, символически изображавшую главное эльфийское дерево — миллоран.

В основании миллорана находился проход, или лоно, из которого по легендам когда-то появился весь народ эльфов, и куда однажды он и вернется. Так же на гармонично расположились различные диковинные цветы, выросшие прямо из дерева. Ну и, конечно, нельзя не заметить прямо по центру грандиозную, желтокрылую бабочку — символ Калиода, бога перерождения и загробной жизни.

Вздохнув, Никаниэль бережно надавил руками на крылья бабочки. Створки бесшумно разошлись в стороны, открывая взору длинную винтовую лестницу, освещенную факелами и уходящую глубоко под землю.

В самом низу перед Ником предстали двое стражей, в задачу которых входило не пускать дальше никого, кто не принадлежал бы королевскому роду. Ребенком ему всегда казалось, что охранники мавзолея даже не дышат. Вот и сейчас, завидев принца, они ни единым вздохом, ни даже движением глаз не выдали того, что знают о его присутствии.

За спиной гвардейцев находилась простая мраморная арка, миновав которую эльф оказался в просторном природном гроте, с огромным вытянутым озером, испускавшем голубоватое свечение.

Когда-то давно строители замка, наткнувшись на это место, обнаружили в воде источник магической силы неизвестного происхождения. Со временем удалось выяснить лишь одно: аура этого места каким-то образом сохраняла все вокруг, не давая процессу разложения вступить в свои законные права. Именно поэтому тут и устроили королевский мавзолей.

С двух сторон от озера в глубину уходили аккуратные ряды правителей Эльфхейма прошлых лет. Короли, их жены, дети, братья и сестры. Каждый, кто родился в семье Сердца Леса или кто породнился с ними лежал сейчас здесь в хрустальном гробу этой удивительной усыпальницы.

Ник шагал и шагал по знакомому с детства маршруту. Прапрадед, прадед, дед, свободное место для нынешнего правителя. Чуть дальше когда-нибудь будет лежать и он сам. Ребенком эта мысль порой даже казалась ему забавной, но сейчас он остро ощутил

насколько легко можно лишиться жизни и остаться навсегда лежать безвольной скульптурой в таком вот прозрачном саркофаге последнего пристанища.

А вот и Атейллас.

— Мама... — голос принца раздался в вечной тишине подземелья и растаял где-то под сводом, — прости, что так давно не навещал. Ты, как всегда, отлично выглядишь.

К горлу Никаниэля подступил предательский ком.

— Ты знаешь, столько всего случилось в последнее время. Я закончил уже третью ступень. С отличием. Скоро, наконец, смогу осваивать настоящую магию, а не все те фокусы, которым нас учили до этого. А еще я встретил девушку. Удивительную. Красивую, умную, нежную, как первый подснежник, распустившийся в лесу после долгой зимы. И знаешь, мам, мы с ней обязательно поженимся! И будем править Эльфхеймом мудро и справедливо — так же как вы с отцом.

Ник, говорил и говорил, выплескивая все то, что накопилось за прошедшие годы. А по его щекам бежали слезы, которые никому не суждено было увидеть.

Попрощавшись с матерью, Никаниэль сделал несколько шагов и вот он уже стоит перед новым гробом. Гробом которого тут раньше не было.

Элельен.

Принц медленно опустился на каменный пол и прижался лицом к холодному стеклу, стараясь быть как можно ближе к возлюбленной. Ему не нужно было слов. Не проронив ни звука, он долго сидел, обнимая безжизненный хрусталь и не желая вновь оставлять любимую.

И ни кто не мог нарушить их покой.

* * *

За полчаса до назначенного времени Никаниэль уже в нетерпении наматывал круги по площади у указанного фонтана. Он оделся в удобную и неприметную амуницию лесных скаутов. Широкий черный плащ с капюшоном, накинутый сверху, никак не стеснял его движений но, в то же время, защищал от нежелательных взглядов. И, зная куда идет, принц нацепил на шею пару заговоренных амулетов от злых чар.

Место для встречи было выбрано весьма подходящее — не то что бы трущобы (такого понятия вообще не существовало эльфийском языке), но после захода солнца редко кто празднично шатался по этой части города.

Окраина.

Тут жили простые рабочие да мелкие торговцы. Не владея магией и не имея в родственниках представителей знатных семей, им приходилось рано вставать, чтобы с первыми лучами солнца уже заняться своей работой.

Конечно, как и любому родившемуся на территории волшебного леса, им полагалось ежемесячное пособие от государства. И на это пособие, в принципе, можно было даже худобно прожить весь месяц. Некоторые так и делали. Но большинство, все-таки, предпочитало иметь какой-то дополнительный доход.

Да и эльфы, в целом, народ трудолюбивый. А регулярные выплаты позволяли не хвататься за любую подработку, а заниматься лишь тем, к чему лежит душа.

Неожиданно Никаниэлю пришла в голову запоздалая мысль, что его могут убить. Но он тут же сам ее отбросил. В Бьюнилирине уже больше семисот лет даже краж не было, не то

что убийств. Хотя черный ковен откуда-то же взялся? В любом случае, выбора не оставалось. Все ради Элельен.

Принц нервно посмотрел по сторонам и в очередной раз поправил и так идеально сидевший в ножнах меч. Кроме того он припрятал три потайных кинжала: в правом рукаве, в поясе и за голенищем левого сапога. К своей безопасности Ник подошел основательно, ведь кто кроме него спасет Элен?

— Эй ты, пс-с. — из-за дальнего дерева раздался громкий шепот на общем языке. — Да-да, ты, в капюшоне. Хорош вертеть башкой и топай сюда.

Ни разу за семьдесят восемь лет жизни никто так не обращался к Никаниэлю. Впрочем, он быстро сориентировался, одернул плащ и направился к незнакомцу.

Ник впервые увидел человека... Или не человека... Под широкой, потрепанной накидкой с равным успехом мог скрываться кто угодно. Это даже мог бы оказаться сам король, желай он проследить за сыном.

— Добрый вечер, уважаемый... — начал было принц, но его грубо перебили:

— Заткнись и слушай! Ты здесь только потому, что нас *очень* попросили. Так что прилепи язык к заднице, и не вздумай пикнуть, пока не скажу. Усек?

Никаниэль задохнулся от возмущения и стоял не в силах вымолвить хоть слово.

— Вот так. — ночной проводник принял молчание за слабость. — Сейчас, по-хорошему, нужно бы нацепить тебе мешок на голову, чтобы дорогу не видел. Но ты ведь, сученыш, из благородных? Все равно каким-нибудь колдунством путь прочухаешь. В общем, топай за мной, ушлепок. А проболтаешься кому, так ковен тебя из-под земли достанет и туда же и урлет, усек?

Сплюнув сквозь зубы, злословный тип ловко растворился в тени ближайшего здания.

Они петляли по пустынным улицам больше получаса. Несмотря на свои слова, незнакомец явно пытался запутать Ника. Но это был его родной город, и принц неплохо в нем ориентировался.

Сперва Никаниэль пылал от гнева. Ему еще никогда не приходилось испытывать такого унижения. Более того, он даже ответить не мог, полностью завися от идущего впереди человека.

Спустя некоторое время прохлада ночного города остудила его голову, и Ник понял, что, по большому счету, ничего страшного не произошло. Сейчас главное чтобы его привели куда нужно. Но встретиться они при других обстоятельствах...

— Стой. — проводник остановился перед неприметной дверью в стволе очередного дерева.

С трудом, но принц все же понял где оказался. Обувная мастерская почти на самом краю города. Только подвели его с черного хода.

— Надень. Так надо. — голос незнакомца резко стал очень серьезным. На его вытянутой руке лежала черная маска из гладкого, блестящего материала с прорезями для глаз и рта.

Убедившись, что указание выполнено, провожатый постучал, воспроизводя хитрый условный сигнал. А под конец еще и кошкой поскребся в дверь.

— Что есть музыка ночи? — раздалось из открывшегося на уровне глаз окошка.

— Безмолвие.

Судя по всему, пароль оказался верным, так как, коротко скрипнув петлями, дверь отворилась приглашая ночных визитеров пройти внутрь.

— Ну, я свою работу выполнил. Теперь можешь хоть сдохнуть, ушастый.

Не успел Ник опомниться, как проводник шагнул в тень, и вот от него уже осталась только легкая смесь запахов дешевого вина и табака, которую тут же унес прохладный осенний ветерок.

«Ну, выбора нет». — подумал Никаниэль и решительно шагнул через порог.

Едва дверь за ним захлопнулась, и засов с лязгом вернулся на свое законное место, как из темноты на свет факелов вышли две одинаковых фигуры в черных балахонах и точно таких же масках. Они молча обыскали принца, отобрав меч и поясной кинжал, и заставили сменить плащ на такую же как у них одежду.

Когда с переодеваниями было покончено, перед Ником раскрыли потайной проем и вручили факел, в свете которого он увидел винтовую лестницу, круто уходящую вниз.

— Дождись окончания ритуала. Потом сможешь задать свой вопрос Мастеру Смерти. — раздалось из-за двери перед тем, как она окончательно закрылась за его спиной, погружая спуск в крошечную тьму, освещаемую лишь дрожащим пламенем на просмоленном конце палки.

Чем глубже спускался Никаниэль, тем холоднее становилось вокруг. Но это был не просто обычный холод. Как и любой эльфийский дворянин, к тому же весьма успешно занимавшийся в школе меча и магии, он мог чувствовать потоки силы, разлитые в пространстве. И вот сейчас, с каждой преодоленной ступенькой, принц все сильнее ощущал эманации тьмы и зла, исходящие откуда-то снизу.

Кфханово семя! Неудивительно, что эту магию запретили! Кому в здравом уме вообще придет в голову каждый день прибегать к настолько мерзкой силе?

Преодолевая последние метры спуска, Нику казалось, будто он медленно погружался в холодную липкую грязь, кишевшую насекомыми.

Но вот лестница, наконец, закончилась, и перед ним предстал круглый подземный зал. Построенный в форме амфитеатра, он представлял собой пятиступенчатую яму, на самом дне которой располагался алтарь из черного обсидиана. На каждом уровне находилось несколько скамеек, способных разместить на себе максимум человек тридцать.

Сейчас на них сидело лишь семь фигур в таких же, как у Никаниэля, балахонах. У ног троих из сидевших в нижнем ряду, стояло по холщевому мешку. Еще трое с руками за спиной расположились наверху на равном расстоянии друг от друга. В низу же, у самого алтаря, что-то уверенно вещал тип с крупным медальоном в виде черепа на шее.

Судя по всему, именно он и нужен был принцу.

Никто не обратил на вошедшего внимания, так что Ник воткнул факел в специальное кольцо у входа, сел на край ближайшей скамейки и принялся слушать.

— ... изгнали, истребили всех братьев наших! Даже тех, кто не поддался соблазну и не участвовал в восстании! Никого не пощадили мерзкие приспешники света, стремясь заполучить власть над всем Альйоном!

Принц сразу понял, о чем идет речь. Он не раз слышал подобные проповеди об Ужасной Войне от светлых жрецов. Только тогда они звучали, конечно же, в диаметрально противоположном ключе.

— Но тьму так просто не истребить! Нет, братья! Тьма умна. Тьма многолика. Тьма терпелива. Тысячи лет наш орден по крупицам копил силы. Собирал утраченные знания. И вот сегодня мы готовы принять в наши ряды сразу трех неофитов! Во славу темных богов!

— Во славу темных богов! — нестройным хором отозвались присутствующие.

Но при чем тут давно забытые темные боги?

Неужели вся темная магия строится на их заемной силе? Или, как и со светлой, все зависит от выбранного пути каждого мага в отдельности? Может конкретно этот темный ковен практикует жречество?

Внезапно Ник осознал, что безумно мало знает о магии тьмы.

Пока Никаниэль терялся в догадках, первый неофит уже стоял на коленях возле алтаря.

— Какому богу ты хочешь присягнуть и какую магию постигать, брат мой? — вопрошал мастер, положив руку на голову последователя.

— Я хочу присягнуть Мукору — богу проклятий и порчи. Этими навыками я и хочу овладеть, мастер.

— Что же. Ритуал тебе известен, приступай.

Глава культа сделал шаг назад, освобождая пространство.

— О, великий Мукор, на могущество твоё уповаю. Ты тьма воплоти, ты страх и ужас. Отныне я твой верный раб. Прими же мое подношение и даруй мне свою силу!

С этими словами адепт мрака достал из своего мешка связанную немийскую кошку редкого жемчужного окраса — священного зверя Лаода, бога света. Держа жалобно мяукавшее животное за шкуру, он вытащил из ниши под алтарем железный крис — ритуальный кинжал с изогнутым лезвием, и с криком «Мукор!» полоснул по горлу жертвы.

Стоило неофиту взять в руки кинжал, как Никаниэль уже начал смутно догадываться, что должно произойти. Он тут же захотел вмешаться и спасти животное. Как и любой эльф, он выше всего чтит жизнь в любом ее проявлении и не мог просто так смотреть на убийство беззащитного существа.

Ник даже схватился за рукоять спрятанного в рукаве кортика, но в последний момент, вспомнил ради чего здесь находится. Костяшки пальцев, сжатых в кулаки, побелели от напряжения, но огромным усилием воли ему удалось остановить уже начатое движение и, сохранив внешнее спокойствие, остаться на месте.

Правда, смотреть на происходящее принц все равно не мог, а потому не увидел, как кровь священного животного, обильно стекая по роскошной шерсти, полилась на обсидиановый алтарь. Но она не скапливалась и не растекалась, а будто сразу впитывалась в его отполированную сотнями ритуалов поверхность. И с каждой каплей лоскуты тьмы, таившиеся до того по углам, начали стягиваться к ногам убийцы.

В полнейшей тишине, нарушаемой лишь звоном последних крупниц жизненной силы, падавших на алтарь, призванные лоскуты пришли в движение. Сперва они хаотично кружились вокруг неофита, но постепенно в их траектории возникла некая закономерность. Частички тьмы поднимались все выше вдоль тела адепта, периодически сталкиваясь и объединяясь в более крупные элементы.

И вот перед самым его лицом две последние кляксы срослись в одну и ринулись навстречу ритуалисту. Сплошным потоком тьма вливалась ему в глаза, нос и рот, стремясь как можно скорее проникнуть внутрь. Не в силах даже вздохнуть, тот выронил кинжал и труп из ослабевших рук. Он упал на колени, разевая рот в немом крике и судорожно царапая шею.

Едва последняя частица тьмы впиталась в тело новоиспеченного мага, как тот безвольно рухнул на пол, поджал колени и мелко затрясся. Стоило же конвульсиям прекратиться, как все в зале вскочило на ноги принялось радостно аплодировать, приветствуя и поздравляя соратника с обретением силы.

— Встань, брат мой. — вымолвил мастер, убирая крис обратно в нишу. — Чувствуешь ли ты благословение Мукора? Обрел ли ты то, что хотел?

Вместо ответа адепт махнул рукой в сторону трупа. На неподвижном теле несчастного животного мгновенно выступили язвы, а вся шерсть посерела и выпала, образовав на полу небольшой коврик. И вновь зал разразился аплодисментами, а из глаз Ника брызнули слезы, которые, к счастью, под маской никто не мог заметить.

Что за чудовища способны творить такое? Как можно желать обрести *настолько* гнусную силу?! И кем станет тот, кто попросит у них помощи?..

Никаниэль, всю жизнь готовившийся к сражениям, лишениям и ужасам поля брани, и даже уже успевший собственноручно прикончить трех разумных существ, оказался не готов увидеть подобное. Столкнувшись с чем-то настолько противным его естеству, с другой стороной простого и понятного мира, он безмолвно плакал, терзаемый тяжелыми мыслями.

Сможет ли Элельен простить его, узнав каким образом ее вернули к жизни? Сможет ли любить как прежде, зная с какой вопиющей мерзостью шел рука об руку Ник ради ее воскрешения?

Тем временем уже второй адепт алкавший темной силы замер на коленях у алтаря. Этот мечтал стать последователем Зулракха — бога-покровителя чернокнижников, чтобы обрести могущество призывать тварей из армии повелителя и управлять ими по своему усмотрению.

Прокричав клятву вечной верности и взяв из ниши все тот же крик, адепт вытащил из своего мешка детеныша единорога.

— Какое ценное подношение. — даже мастер оказался поражен увиденным. — Зулракх будет доволен.

Ошеломленный принц, тем не менее, даже не шелохнулся. Однажды наступив на горло своим принципам, каждый следующий раз делать это становилось все проще.

Жалобное ржание сменилось беспомощным хрипом, и ритуал обретения силы прошел по точно такому же сценарию. С той лишь разницей, что в этот раз под аплодисменты окружающих новообращенный чернокнижник смог призвать из иного мира мерзкую тварь, состоящую из сотни переплетенных зубастых щупалец и с огромным мутным глазом посередине.

Наблюдая за подобным, Никаниэль весь вспотел и сидел ни жив ни мертв.

«О, Лаод, владыка света», — мысленно взмолился Ник в отчаянии, — «озари мой путь в этом царстве мрака и дай мне сил выдержать это испытание...»

— Какому богу ты хочешь присягнуть и какую магию постичь, брат мой? — в третий раз за ночь задал свой вопрос глава черного ковена.

— Великий Мастер Смерти, — покорно склонив голову, отвечал последний неофит, — каждая ваша проповедь трогает меня до самой глубины души, ваше могущество и мудрость не знают границ. Я ваш верный слуга и ничтожный червь возле ваших ног.

— Так чего ты хочешь?

— Единственное чего я хочу на этом свете, это всегда следовать за вами. Я хочу пройти по вашим следам, по вашему пути... хочу присягнуть Мерфалу и, так же как и вы, стать некромантом!

Удивленный шепот пронесся по залу.

— Присягнуть Мерфалу... — задумчиво протянул мастер, скрестив руки за спиной. — Известно ли тебе, глупец, что Мерфал — могущественный, древнейший бог смерти. Его не задобрить жалким кошкой или рогатой кобылой. Ему нужно воистину достойное подношение. Но даже так, он может не принять его и забрать твою душу, обрекая ее на вечные мучения!

— Да, я знаю. — адепт развязал горловину своего мешка и сделал шаг назад. Ткань сумки опала, и в слабом свете факелов общему взору предстала маленькая эльфийская девочка лет шести.

Босиком, в легкой ночной рубашке, с заплаканными глазами полными страха и со спутанными белыми волосами — она настолько неестественно смотрелась в этом царстве тьмы, будто нежный цветок, случайно расцветший среди бескрайних льдов северного океана.

— Что ж, так может и получи...

— Нет!!! — Никаниэль сам не заметил, как вскочил на ноги и в один прыжок оказался у алтаря, закрывая своим телом до смерти перепуганную кроху.

Кое-как перетерпев два предыдущих жертвоприношения, убийства ребенка он не мог допустить ни при каких обстоятельствах. И теперь лихорадочно искал выход из сложившейся ситуации:

— Уважаемый Мастер Смерти, я глубоко извиняюсь, что прерываю ваш ритуал, и готов возместить любые причиненные вам неудобства, но мне очень нужна помощь. До меня дошли слухи, что вам под силу совершить ритуал высшего воскрешения и полностью вернуть к жизни умершего, если его тело сохранилось нетленным. Я готов...

— Ты-ы-ы-ы! — прошипел не успевший получить свою силу адепт. — Как смеешь ты вставать на пути моего могущества?

Занеся ритуальный крис, он двинулся к девочке в обход мешающего ему принца. Но Никаниэль перехватил руку с оружием и, сделав простую подсечку, отобрал кинжал, роняя неудачливого убийцу на пол. И, не давая окружающим опомниться, продолжил:

— Я готов оплатить вашу помощь золотом. Сто килограмм будет достаточно? Или вы предпочитаете драгоценные камни? А может вам нужны магические артефакты? Вы только скажите, я не поскуплюсь!

Казалось, что молодому эльфу удалось заинтересовать некроманта, но маска скрывала выражения его лица, и Никаниэль сильно ошибся.

— Не знаю, кто ты и как тебе удалось сюда проникнуть, — мастер говорил уверенно, но в его голосе чувствовалась едва сдерживаемая ярость, — но сегодня ты совершил самую большую ошибку в своей жизни. И последнюю. Убейте его!

Стоило этим словам сорваться с губ, как события тут же понеслись вскачь.

Сразу несколько темных заклинаний с противным свистом вонзились в тело принца. Не подготовься он к такому повороту, и сейчас лежал бы на полу, проклятый злыми чарами. А так, один из защитных амулетов рассыпался в прах, спасая своего владельца.

Не дожидаясь второго залпа, Ник перепрыгнул через алтарь, на ходу роняя последователя Мерфала и метая жертвенный крик в призванную чернокнижником тварь. Бросок угодил точно в цель — кинжал по самую рукоять вошел в единственный глаз чудовища и оно тут же оплыло, превратившись в шипящую смрадную лужу.

Двое охранников уже бежали вниз, на ходу обнажая мечи. Третий же куда-то запропастился, и искать его времени не было.

Никаниэль стащил с алтаря дрожавшую от страха девочку и, уложив ее на пол, сказал не шевелиться. А сам, вынимая из рукава свое потаенное оружие, повернулся лицом к мечникам.

Сражаться кинжалом против двух мечей, не забывая уворачиваясь от летящих в тебя темных заклинаний, невероятно сложно. К счастью маги действовали неорганизованно и, к тому же, боялись попасть по своим. Но, тем не менее, то одно то другое заклятие попадало в принца, исчерпывая защитный ресурс последнего амулета. Ник чувствовал, что тому осталось уже не долго.

Стараясь все время держаться так, чтобы сражаться одновременно только с одним противником, а второй оказывался бы у того за спиной, Никаниэль все же получил несколько весьма неприятных ранений, практически не нанеся врагам никаких повреждений. Бойцы из них были не очень умелые, но численное преимущество, да постоянный обстрел...

«Нужно срочно что-то делать, иначе тут я и останусь», — пронеслась в голове у Ника предательская мысль зарождавшейся паники.

Но тут ему наконец повезло и ближайший охранник неудачно махнул мечом, закрывая обзор напарнику. Уходя от атаки, принц, сделал длинный кувырок вперед и, пользуясь сложившейся ситуацией, полоснул второго бойца по голени.

Раненый воин рухнул на подломившуюся ногу, а Никаниэль с размаху вонзил кинжал ему в грудь и забрал меч из рук обреченного. Новообретенному оружию не пришлось долго скучать, и вот уже его новый хозяин блокирует им удар за ударом, не дающие даже подняться на ноги.

Ник оказался в весьма невыгодном положении.

Неспособный перемещаться он поймал сразу несколько злых чар и, в конце концов, его последний амулет не выдержал и рассыпался, оставляя владельца без магической защиты. Продолжая отбивать яростные атаки противника и не в состоянии перемещаться, принц мгновенно покрылся холодным потом в ожидании неминуемой смерти.

Но тут, наконец, сыграло свою роль отсутствие у врагов предводителя. Вместо звука смертельного заклинания Никаниэль услышал:

— Да на него наша магия вообще не действует! Я в него минимум трижды попал и хоть бы что! Спасайтесь, пока он нас всех тут не перебил!

Но на этом везение не закончилось, и со стороны лестницы раздался отдаленный топот

и крики «Сдавайтесь, именем короля!». Такого не ожидал ни кто, и шквал ударов на мгновение прервался, позволив Нику выхватить из сапога второй спрятанный кинжал. Отразив мечом очередную атаку противника, он тут же взмахнул левой рукой, сбивая с врага маску и оставляя на его лице длинный порез.

Охранник мгновенно разорвал дистанцию, что позволило принцу подняться на ноги и встать в классическую стойку мечника с кинжалом. Теперь он не сомневался в своей победе. Маги в панике носились по залу в поисках несуществующего укрытия. Противник всего один и к тому же ранен. А со стражей он уж как-нибудь договорится.

Ник сделал уверенный шаг навстречу врагу, но вдруг почему-то увидел на лице того гадкую ухмылку и взгляд, направленный себе за спину. Всем своим естеством Никаниэль ощутил приближающуюся опасность и рванул в сторону, но тут его затылок взорвался вспышкой чудовищной боли, и тьма бережно приняла в объятья разум падающего принца...

«Где я? Что случилось?», — сознание с трудом возвращалось к лежавшему на чем-то твердом Нику, — «Некромант! Подземелье!». Он рывком сел, но приступ ужасной головной боли тут же бросил его обратно.

Когда боль утихла, и принц снова обрел способность мыслить, он принялся вспоминать последние события:

Рассыпался второй амулет. Прибежала стража. Откуда она взялась? Следили? Тогда почему так долго ждали?..

Тот противный взгляд за спину... Кто же мог ударить?

Мастер еще должен был валяться в отключке, все маги разбежались... Девочка? Нет, это бред. Третий охранник! Кфхан! Как можно было про него забыть?!

Никаниэль издал болезненный стон и, наконец, открыл глаза.

Мало что изменилось.

Вокруг стояла крошечная тьма. Все что удалось разглядеть, это то, что он лежал на грубо сколоченной коеке в комнате примерно два на три и вместо одной из стен стояла решетка. Где-то в стороне висел факел, отсветы которого и позволяли видеть хоть что-то. Из одежды на нем остались лишь нательная рубаша и такие же штаны из небеленого льна.

Попытка наколдовать хоть какой-нибудь источник света была встречена новым приступом головной боли и несколькими минутами ожидания пока она утихнет.

Похоже сотрясение.

А еще принц пришел к неутешительному выводу, что из-за проклятой самодеятельности его похитили. Теперь короля ждало множество проблем связанных с вызволением непутевого отпрыска. Он лежал и надеялся, что все обойдется простым выкупом, в конце концов, какая выгода его убивать? Да и если хотели бы, то могли сделать это, пока тот валялся в отключке.

Не торопясь, потихоньку, Нику удалось сесть, не вызвав очередного взрыва в голове. Затем, держась за стену, он смог встать и приставными шагами добраться до решетки.

Коридор.

Темный коридор с редкими факелами на стенах. В обе стороны уходили камеры с такими же решетками, за которую принц сейчас держался двумя руками, чтобы не упасть. На полу же, у самых ног, он заметил помятую металлическую кружку с водой и половинку ржаного хлеба.

Хоть с голоду умереть не дадут.

Только сейчас Никаниэль ощутил сосущую пустоту в желудке.

Он медленно сел прямо на пол и, стараясь не спешить, съел все до последней крошки, запивая каждый кусочек малюсенькими глотками прохладной воды.

Лишь только закончив с трапезой, принц тут же ощутил приступ сильнейшей слабости. Ему едва хватило сил ползком добраться до койки, с трудом забравшись на которую, он вновь погрузился в тревожное забытие.

— Эй... Пс-с-с... — громкий шепот со стороны решетки с трудом пробивался в болезненный сон принца. — Ник! Эй, Ник! Да очнись же ты наконец, кфхан тебя полюби,

сколько мне тут стоять?! Ник!

«Какой знакомый голос...», — и тут сознание рывком вернулось к Никаниэлю, — «Син'Галад?!»

Не рискуя вновь свалиться от приступа головной боли, Ник медленно встал и, спеша в меру своих возможностей, подошел к решетке. Он безумно удивился, увидев тут брата, и его мысли метались в голове с места на место, мешая сосредоточиться.

— Син? Какого... Что ты тут... Ты что, заодно с ними?! Нет. Не может быть. Но как тогда ты тут оказался?!

— Ник, ты чего? Неплохо, видать, тебя приложили. Где ты сейчас, по-твоему?

— Не знаю... Где-то у похитителей... — неуверенно предположил принц.

— Каких, к кфхану, похитителей? Ты уже три дня как лежишь тут — в королевской тюрьме!

Видя полнейшее недоумение на лице брата, Син'Галад оглянулся куда-то за спину и спросил:

— Ник, что там случилось? Что ты помнишь?

— Твой человек привел меня на встречу ковена, — потрясенно начал Никаниэль, постепенно воссоздавая картину последних событий, — меня обыскали, дали маску. Лестница. Жертвоприношения темным богам... Син, когда они убивали животных, я как-то стерпел. Стерпел ради Элельен. Но я не мог позволить им убить ребенка!

Ник обеими руками схватился за решетку и, вскинув голову, смотрел прямо в глаза брата, по новой переживая события той ночи:

— Девочка. Лет шести. Такая кроха... Они хотели принести ее в жертву Мерфалу! Ты можешь себе представить?! Я... Я сам не понял как это произошло, но я бросился вниз и спас ее. Договориться с мастером не удалось. Потом был бой. Очень тяжелый...

Никаниэль нервно потер запястье:

— И когда победа была уже почти в кармане, меня огрели по голове, и очнулся я уже тут. А нет, постой! Стража! Там была стража! Я их не видел, но слышал, как они спускались по лестнице. Вот, вроде, и все.

— Мда. Прости меня, Ник. Я и подумать не мог, что тебе придется с таким столкнуться. Даже предполагал, что это будет вообще не настоящий ковен. Что просто какие-нибудь детишки знати решили поиграть в «темных магов», но чтобы такое...

Син'Галад выглядел действительно расстроенным и ждал от брата какой-нибудь реакции, но тот уже думал совсем о другом:

— Син, что я делаю в тюрьме? Как это могло получиться?

— Понимаешь, стража там действительно была. Оказалось, что канцелярия внутренних дел уже давно взяла их на заметку и даже умудрилась внедрить своего агента, который, к сожалению, погиб во время сражения. Так вот. Когда стражники, наконец, ворвались в зал и подавили сопротивление адептов, их глазам предстала весьма неприятная картина... Их любимый принц в плаще и маске кульгистов на коленях стоял перед алтарем, на котором лежала мертвая эльфийская девочка с кинжалом в груди. Твоим кинжалом, Ник. Тем самым. Которым убили Элельен.

Изумлению Никаниэля не было предела. Он молча открывал и закрывал рот, хватая воздух, и не в силах вымолвить и слова.

Как подобное могло случиться? Это шутка? Чей-то злой розыгрыш? Кфхан! Как это вообще возможно? Лучше бы его действительно похитили и требовали выкуп, чем так.

— Нет-нет-нет. Нет-нет-нет-нет-нет. — случившееся никак не укладывалось в голове принца. — Тот кинжал. Я не видел его с церемонии воскрешения! И амулеты! На мне же были защитные амулеты... Зачем бы они мне, если бы я был одним из них?!

— Ник, на тебе не было никаких амулетов.

Тьма! Они же рассыпались.

Схватившись за голову, Никаниэль упал на колени перед решеткой, пытаясь хоть как-то собраться с мыслями.

— Син, я не делал этого. Я не убивал ее! Ты мне веришь?! Ты веришь мне?

— Конечно верю, брат, конечно верю. Ты бы ни за что не пошел на убийство, даже ради Элельен. Но представь, как это выглядело со стороны. Отец приказал всем молчать, но игнорировать подобное он не мог. Поэтому, до выяснения обстоятельств, тебя поместили сюда. Похоже кто-то проболтался и поползли слухи. Большинство во дворце еще в неведении, но вот Кол'Тилан... он снова уверился, что именно ты убил его дочь и клянется, что уж теперь-то все так не оставит.

— Этого только не хватало... — обреченно простонал Никаниэль. — Как же быть?

Он схватился за решетку, до боли сжав кулаки в попытке хоть что-нибудь придумать.

— Для начала выпей вот это, — Син'Галад протянул брату небольшую колбу с синей жидкостью, — эта микстура должна унять головную боль. А пока она будет действовать, тебе не помешает нормально подкрепиться. Сомневаюсь, что тебя тут кормили разносоломи.

С этими словами он достал из заплечного мешка несколько кусков мяса и хлеба, завернутых в листья салата, и небольшой закупоренный кувшин коровьего молока. По-прежнему потрясенный принц с благодарностью принял предложенное и стал жадно набивать пустовавший все время беспамятства желудок.

Пока Никаниэль ел, его мысли вернулись в норму и, слизывая последние крошки с пальцев, он просил:

— А что говорят выжившие культисты? Они ведь видели, что я не убивал девочку, а наоборот — защищал. Им нет смысла причислять меня к своим рядам.

— Да ничего они не говорят. — раздраженно цыкнув, пробурчал бастард. — Едва они поняли, что со стражей им не справиться, как хором прокричали какое-то заклинание и тут же растворились, превратившись в мерзкие зловонные лужи.

— Кфхан! Тогда я должен поговорить с отцом и все ему рассказать! Он поверит мне и что-нибудь придумает.

— Вот как раз с ним тебе сейчас нельзя встречаться ни в коем случае. Если кто-нибудь об этом узнает, то это будет воспринято как поблажка обвиненному в темной магии.

Никаниэль грязно выругался на троллем. Однажды он услышал подобное от инструктора по фехтованию и сразу же запомнил звучное выражение.

— Но что же тогда делать? Сидеть здесь? Ждать суда? Еще неизвестно, чем это все обернется и на сколько затянется. А если сумасшедший Кол'Тилан подошлет убийц? Мне нельзя так рисковать. Я должен воскресить Элельен!

— Ты бы лучше о себе сейчас думал.

— Нет. Мне не нужна эта жизнь без нее!

— Тогда... тогда тебе нужно бежать. — спокойным тоном произнес Син'Галад, будто это самая обыденная вещь на свете.

— Бежать?! Бежать? Бежать... — Ник задумался. — А ведь не такая и плохая идея. Не как и куда?

— Как проблемой быть не должно. Кто мне сотни раз хвастался своей бесшумной поступью и навыками маскировки? А вот куда... Ну, в целом, тут тоже все довольно просто. Тебе нужен некромант. У орков, даже если там такой и есть, тебе делать нечего. Среди дварфов и драконилов повелители мертвых и в былые времена не были в почете. К варварам лучше не соваться в *любом* случае.

Принц внимательно слушал рассуждения брата.

— Не считая других рас, разбросанных по всему миру, остаются люди. Эти создания живут в лучшем случае лет восемьдесят. А часто не доживают и до шестидесяти. Это для нас Ужасная Война была всего несколько поколений назад, для них же — это давно уже поросшие быльем легенды, а то и вовсе небылицы. Так что если где и искать темного мага, способного воскресить твою любимую, то именно среди людей. Причем чем дальше от Эльфхейма, тем больше у тебя будет шансов. Но начать я бы все равно предложил с Тики.

— Город Теней...

— Город Теней, Ночной Базар, Свободная Лига — как только Тикку не называют. Но для тебя главное, что туда стекаются бандиты, преступники и отбросы со всего Альйона. А вместе с ними и информация. И даже если некроманта среди них не будет, то, возможно, кто-нибудь подскажет откуда начать поиски.

Никаниэль вскочил, желая крепко обнять брата, в очередной раз готового прийти ему на помощь, но между ними по-прежнему была решетка.

— Ах да. — проронил Син'Галад, доставая из кармана ключ и отпирая дверь камеры.

Ник удивленно уставился на своего спасателя, но тот лишь загадочно улыбнулся и пожал плечами.

— У меня есть для тебя кое-что еще. — на этот раз из заплечного мешка бастард достал комплект одежды, которую принц обычно носил во дворце. — А то еще напугаешь кого-нибудь своим исподним.

На этот раз ни что не помешало Никаниэлю крепко обнять брата, и он долго не отпускал его, понимая, что, возможно, в следующий раз увидятся они очень не скоро.

Пока Ник переодевался, Син давал ему последние наставления:

— О твоём аресте почти никто еще не знает, так что по дворцу можешь передвигаться спокойно. Обязательно зайди к казначею и возьми денег в дорогу. Наверняка придется раскошелиться. Во что лучше одеться и что с собой взять, уверен, ты знаешь лучше меня. Но постарайся все-таки сильно не задерживаться — всегда есть шанс случайно наткнуться на кого-нибудь сведущего, и тогда... Лучше об этом не думать. Ну, вот, вроде, и все.

— Син, пойдём со мной. Мои навыки и твои знания — вместе мы в два счета найдем некроманта, и отец не успеет даже разозлиться.

На лице бастарда отразилось сомнение. Он на пару секунд задумался, явно прикидывая варианты.

— Прости, Ник, если мы оба исчезнем из дворца, это будет выглядеть слишком подозрительно. К тому же, я хочу еще кое-что тут обустроить. Дать тебе побольше форы. Чтобы твое отсутствие заметили не сразу.

— Ну тогда прощай. — принц протянул руку и Син крепко пожал ее, глядя брату в глаза. — Еще раз огромное тебе спасибо! Пусть Лаод благоволит тебе.

— Удачи, Ник-нужник. — усмехнулся Син'Галад. — Поскорее найди своего некроманта и возвращайся спасать Элельен. Я буду ждать.

И Никаниэль, не оборачиваясь, отправился в сторону лестницы.

К комнате стражи он подкрался настолько тихо, что не спугнул даже мышь, умывавшуюся, сидя посреди коридора. Впрочем, беспокоился он зря — тюремщики мирно спали, уронив головы на стол.

На мгновение Нику стало интересно каким образом Сину удалось этого добиться, но сейчас, конечно же, ему было не до этого. Поинтересоваться можно и после возвращения.

Не ожидая больше препятствий, принц стремглав взлетел по лестнице и, одернув перед самой дверью одежды, придал лицу безмятежный вид и смело шагнул наружу.

Коридор встретил его вечерней прохладой.

«Где-то полвосьмого». — определил молодой эльф, глядя через окно на закатное солнце. Весьма удачное время. Народу во дворце много быть уже не должно... Сперва к казначею.

Уверенным шагом Никаниэль шел по дворцу, отвечая дежурной улыбкой на любезности случайных встречных. Он старался выбирать самые отдаленные коридоры, но все же пройти совсем незамеченным ему не удалось. И каждый раз его прошибал холодный пот — вдруг именно этот придворный эльф знает, в чем обвинен сын правителя.

Тем не менее, принцу везло, и ни кто на пути к казначейству, ни единым словом или жестом, не выдал своей осведомленности.

— Добрый вечер, уважаемый Илин, надеюсь я не отвлекаю вас от чего-нибудь очень важного. — любезно поздоровался с мастером финансов принц.

Пожилой эльф сидел за простым деревянным столом с множеством выдвижных ящиков

всевозможных размеров и что-то увлеченно писал. Впрочем, пожилым его назвать можно было лишь с очень большой натяжкой.

Илин не принадлежал ни к одному из знатных родов, а на эту должность назначил его еще прадед Никаниэля, увидев тогда в молодом эльфе кристальную честность и талант к финансовым операциям. Так что сейчас ему шел уже где-то одиннадцатый-двенадцатый век, и старше его во всем Эльфхейме был только архимаг Тоэрус Элегнор, благодаря магии разменявший уже полтора тысячелетия.

— О-о-о. Юный принц, — казначей аккуратно отложил перо и с улыбкой посмотрел на посетителя, — Что-то совсем забыли вы про старика Илина. Еще недавно, мальчишкой, вы то и дело забегали попросить монетку-другую на какую-нибудь детскую шалость. Как когда-то и ваш отец. — Илин по-старчески рассмеялся.

Никаниэль боялся, что казначею уже известен его секрет, но, похоже, даже не все члены малого совета знали о произошедшем.

— С тех пор прошло уже семьдесят лет, мастер. — улыбнулся принц.

— Да-да, совсем недавно... Так что же привело вас ко мне сегодня, юноша?

— Да вот, вновь понадобилась монетка-другая.

— И сколько же сегодня мне выдать Вашему Высочеству?

Эльфийский принц понятия не имел во сколько ему может обойтись проживание во внешнем мире. Да и некромант за ритуал мог потребовать немалую сумму, так что он решил брать с запасом:

— Две сотни золотых. Деньгами Союза.

«Ну я и хватанул. Мне их в тележке теперь везти что ли?»

— Большая сумма. — казначей задумчиво постучал пальцем по столу. — Прошу прощения за дерзость, Ваше Высочество, но не поведаете ли старику, зачем вам столько денег?

Конечно, Никаниэль не мог честно ответить на такой вопрос. Но и грубить Илину не хотелось. Так что он решился на блеф:

— Я наконец нашел то, что так давно искал мой отец! — король разменял уже восемь веков. Но должна же у него завалиться хоть одна несбывшаяся мечта!

— То самое? Не может быть! — всплеснул руками Илин. Принц же с огромным облегчением улыбнулся и, надев маску самодовольства, величественно кинул. — Какая радость. Правитель Талирион будет просто в восторге! Столько лет безуспешных поисков... Неужели в людских королевствах?

— Представьте себе.

— Кто бы мог подумать. Такая удача, такая удача... Тонти! — крикнул казначей куда-то за спину. — Принеси принцу две сотни союзных! Рыжем! — и уже Никаниэлю, протягивая бумагу и перо:

— Ваше Высочество, не считите за грубость, завизируйте получение, пожалуйста. Сами понимаете — бюрократия. Не гроши на конфетки берете все-таки.

Пока Ник оставлял августейший автограф, открылась одна из дверей в дальнем конце помещения. Оттуда вышел эльф, на удивление похожий на Илина, положил на стол два увесистых кожаных кошель с завязками и, непрестанно кланяясь, удалился.

«Так мало? Что у них там за деньги такие?»

— Правнук. Способный парнишка. — казначей пододвинул мешочки с деньгами к принцу. — Вы не смотрите так. Тут действительно двести золотых. Монеты у людей гораздо

меньше наших и стоят они весьма дешево. Особенно если учесть, что люди всегда стремятся добавить в них примеси. Но даже так, это все еще внушительная сумма. Надеюсь в скорости увидеть счастливого лицо нашего мудрого правителя.

— Всенепременно.

Вежливо попрощавшись, Никаниэль взял деньги и, покинув размечтавшегося мастера финансов, отправился за снаряжением.

В арсенале, по счастливому стечению обстоятельств, смотрителя на месте не оказалось. Так что, без труда миновав вытянувшуюся по струнке стражу, беглый принц облачился в надежный скаутский комплект для длительных путешествий, подпоясался мечом, привычными движениями закрепил по потайным креплениям кинжалы и споро собрал дорожную сумку, сложив в нее все самое необходимое. Конечно же, не остался без внимания просторный и прочный плащ, в котором можно спать даже прямо среди неистового ливня.

Там же, в отдельной комнате, Нику удалось найти сушеные овощи, вяленое мясо, сухари и другие продукты длительного хранения, которых он взял в расчете примерно на три недели пути.

По уже сложившемуся к этому моменту в его голове плану, Никаниэль действительно собирался отправиться в Тику. Но вот только совсем не прямым маршрутом.

Молодой эльф замыслил хитрость.

Вместо того чтобы прямо из столицы по кратчайшему пути отправиться на юго-запад, пересечь границу людских владений и, возможно, уже в следующем месяце быть на месте, он решил выдвинуться в противоположном направлении.

Син'Галад, конечно, постарается сделать так, что бы его пропажу из камеры заметили как можно позже, но, взяв из казны деньги Союза вместо эльфийских, Ник практически прямым текстом указал преследователям свою цель. Куда отправится любой совершивший побег, имея на руках людскую валюту? Конечно же в Тику.

Именно так, скорее всего, и подумают ищейки.

Поэтому принц решил сделать довольно большой крюк по территории Эльфхейма.

Сперва, выдвинувшись из Бьюнилирина на северо-восток, несколько дней идти в этом направлении, а затем, постепенно смещая направление путешествия на запад, выйти к берегу Северного моря в самой северо-западной точке страны. Там, в какой-нибудь деревушке или небольшом городке взять лодку и по воде, окончательно путая следы, переправиться в Восточные Королевства. А дальше уже по людским территориям добираться до Тики.

Ну и, само собой разумеется, что за все это время его не должен увидеть ни один эльф. Именно поэтому сейчас он и собирался в дорогу столь тщательно. Возможности пополнить запасы в попутных деревнях у него не будет.

Наконец, полностью укомплектовавшись, Никаниэль глубоко вздохнул и, решив, что тянуть дальше некуда, покинул арсенал.

К этому моменту за окном уже окончательно стемнело. Лишь редкие магические светильники освещали пустынные коридоры дворца. Шаги гулким эхо уносились далеко вперед, нагоняя тоску на и без того невеселого принца. Давно ли он бегал тут, размахивая деревянным мечом? Давно ли смеялся над старым наставником, дурашливо пытавшимся отобрать у юного королевича его «грозное оружие»? А теперь он как какой-то преступник вынужден тайно покидать родной дворец, родную страну...

Преступник...

А ведь Никаниэль, сбежав из-под стражи, и стал самым настоящим преступником. Но все это он делал лишь ради высшей цели. Для спасения возлюбленной он был готов пойти на что угодно и любым способом вернуть ее к жизни!

С такими мыслями Ник миновал очередной поворот и оказался возле тронного зала. Он

уже хотел было пройти мимо, но вдруг какой-то внутренний голос будто шепнул ему: «Зайди к отцу. Объясни ему. Он все поймет». И столь сильным оказалось это внезапное желание, что принц поддался возникшему порыву и распахнул двери.

Зал встретил его звенящей тишиной.

Ну конечно. В это время король наверняка уже спал. Что это вообще такое было?

Виня себя за импульсивность, Никаниэль уже собирался вернуться в коридор, как неожиданно зацепился взглядом за роскошные, инкрустированные драгоценными камнями ножны, висевшие в изголовье изящного резного трона.

Люминистилл.

Решение созрело мгновенно. Решительным шагом, Ник обошел престол, встал на цыпочки и поменял местами меч из своих ножен и древнейший артефакт рода Сердце Леса.

Конечно, он не надеялся, что никто не заметит подмены — слишком сильно различались рукояти. Но кто знает, какие темные силы повстречаются ему во время поиска некроманта. Если уж в самом Бьюнилирине — столице эльфийского государства и оплоте света всего Альйона — завелся черный ковен, то что же может встать на его пути в других странах?

Люминистилл же, по легендам, как раз обладал очень полезным свойством: если рядом оказывалось истинное зло, то он начинал сиять ярким божественным светом. И любое порождение мрака, телесное или бестелесное, мгновенно рассыпалось в прах, едва коснувшись древнего артефакта.

К тому же, созданный в незапамятные времена искуснейшими кузнецами dwarфов, этот меч обладал невероятной прочностью, при этом оставаясь значительно легче собратьев тех же размеров.

— Прости, отец. Я обязательно вернусь и верну меч на место. — прошептал Никаниэль и, не задерживаясь больше ни на секунду, покинул дворец.

Ночь встретила беглого принца прохладным дыханием ветра. Первые звезды уже украсили небосвод россыпью ярких бусин, но луна еще не явила миру свой светлый лик, позволяя сумрачным личностям безнаказанно проворачивать свои темные делишки.

Теперь среди них был и Никаниэль.

Скрываясь в тенях, он незаметно крался от здания к зданию, старясь полностью слиться с местностью. Годами тренированный бесшумный шаг не подводил и теперь. Даже чуткий слух кошки, вылизывавшей своих котят, не уловил приближения чужака. И, лишь почувствовав его запах, она выгнула спину и зашипела, защищая потомство.

Обходя ощерившееся животное, Ник думал о том насколько же проще скрываться в лесу, чем в городе. Пусть даже этот город и построен среди деревьев. Впрочем, судя по всему, ближайшие несколько недель ему предоставится масса возможностей соскучиться по этим просторным улицам. И, конечно, по мягкой теплой постели, по которой он уже начал скучать.

Отстраненные мысли не мешали принцу следить за обстановкой и, ловко укрывшись в корнях разросшегося миллорана, спрятаться от ночного патруля.

Стража в городе? Никогда такого не было. Скорей всего, это после происшествия с культистами. Нику призвал себя усилить бдительность, чтобы не попасться.

Добравшись до края Бьюнилирина, Никаниэль в последний раз обернулся, пытаясь

охватить взглядом весь город. Полной грудью вдохнул его ночной воздух, всей своей сущностью стараясь впитать родной образ. И, поскольку стен эльфийская столица никогда не знала, сразу же растворился в ночном лесу.

Хоть Бьюнилин и не был огорожен, это не значит, что эльфы не заботились о своей безопасности. Дело в том, что весь Эльфхейм представлял собой густой лес, и любой маломальски грамотный тактик назвал бы вас глупцом, захоти вы возвести стену посреди густых зарослей.

Для обороны стен необходим простор.

Чтобы приближение врага можно было заметить заранее. Чтобы была возможность накрыть подступающего неприятеля залпом стрел, катапульт, баллист и другой городской машинерии. Чтобы все перемещения противника были как на ладони. Ну и, конечно же, чтобы по деревьям через эти стены никто не смог перебраться.

Поскольку же эльфы идиотами не были, но и вырубать родные сердцу леса не хотели, они разработали свою собственную систему обороны.

За исключением высокородных дам, все рожденные на территории Эльфхейма, по достижению сознательного возраста, наряду с историей, чтением, письмом, и другими предметами, обучались владению мечом и луком.

И даже те, кто не выбирал своим призванием службу в армии, в обязательном порядке проходили курсы лесных засад и лесного боя, а так же овладевали навыками выживания в дикой природе. К тому же, раз в двадцать лет каждый эльф обязательно уходил на месячные сборы для тренировки и поддержания умений на должном уровне.

Таким образом, хоть из-за долгожительства они и являлись практически самой малочисленной расой на Альйоне, но в случае необходимости могли мобилизовать практически весь народ. Так же на разном удалении от городов обязательно устанавливали множество застав, засад и ловушек. И это не считая постоянного патрулирования, которое для эльфов, чувствующих себя среди деревьев как дома, считалось необременительной прогулкой.

Конечно же все это Никаниэль знал. И даже сам ни раз и не два охранял ближние и дальние подступы к городу, сидел в засадах, ставил, снимал и ремонтировал ловушки. Никаких поблажек для знати эльфы не делали.

Даже для принца.

И сейчас все эти знания играли ему на руку.

Леса вокруг Бьюнилина Ник знал как свои остроконечные уши. Даже сейчас, ночью, ему не составило никакого труда играючи миновать все ловушки, держаться как можно дальше от патрулей и по длинному радиусу обойти стационарные точки лучников, прячущихся в кронах.

К рассвету беглый принц был уже примерно в тридцати километрах от родного города. И не встретив за час ни одной заставы или дозора, забрался на высокое дерево с густой листвой где, устроившись в ветвях настолько удобно насколько это было вообще возможно, погрузился в чуткий сон беглеца.

Первые две недели пути прошли без происшествий. Действуя строго по плану, Никаниэль некоторое время двигался на северо-восток, постепенно начиная забирать западнее и углубляясь в менее обжитые территории древнего леса.

Запасы пищи принц расходовал экономно, стараясь обходиться, по большей части, собранными в пути растениями и съедобными плодами. Пару раз в силки очень удачно попался мелкий кролик и Ник, соорудив бездымный костер, варил их в походном котелке.

Все шло точно по плану. Погони видно не было. Погода стояла не то что бы идеальная, но весьма комфортная для подобного путешествия. Лишь однажды прошел небольшой дождь, от которого принц спрятался в удачно подвернувшейся заброшенной медвежьей берлоге.

Но вот, начиная с четырнадцатого дня пути, ему стали попадаться на редкость удручающие следы неуважения к столь почитаемой эльфами природе.

Сломанные и обрубленные ветки, кровь на земле и траве, и даже круглые клейма капканов, которые вообще строжайше запрещены уже ни одну тысячу лет, как жестокий и варварский метод охоты.

Браконьеры!

С одной стороны, можно было бы развести большой костер, и на дым обязательно сбежались бы егеря, которые, увидев неладное, сразу же организовали бы поиски нарушителей.

С другой стороны, этот же дым увидели бы и дичекрады. И к приходу егерей они оказались бы уже на полпути к дому.

А еще можно было просто плюнуть и продолжить свой путь к морю.

Конечно же Никаниэль не мог пройти мимо и оставить столь вопиющий случай без внимания.

Двое суток он выслеживал группу бандитов, идя по оставленным ими следам. И вот, на утро третьего дня, принц проснулся от очень непривычного, громкого, повторяющегося звука. Тем не менее, он сразу его узнал.

Топор! Вот варвары!

Хотелось сразу же броситься и наказать преступников, но разум взял верх. Аккуратно спустившись вниз по стволу дерева, Ник спрятал свои пожитки в его раскидистых корнях и, крадучись, отправился на звук.

Когда ползком, когда мелкими перебежками бдительный эльф медленно и осторожно приближался к источнику шума. Он опасался расставленных дозоров, но, похоже, браконьеры решили безопасностью себя не утруждать. Еще не дойдя до лесоруба, принц замер, услышав повелительный окрик:

— Шевелитесь, ленивые ублюдки! Завтра возвращаться, а заказ на отлов еще не закрыт! И если я найду членососа, спалившего ночью последнюю клетку, то отрежу его долбаные уши и засуну ему в... — окончание фразы заглушил треск наконец поддавшегося дерева.

Голос принадлежал высокому эльфу. Явно весьма не бедному. И явно не привыкшему работать самостоятельно.

Его длинные светлые волосы, собранные на голове в хитроумную конструкцию, украшались множеством причудливых заколок и шпилек, сверкавших на солнце

драгоценными камнями. Красные бархатные штаны смотрелись среди деревьев так же нелепо, как и подобранная в тон атласная рубашка, вышитая золотыми нитями и расстегнутая на три верхних пуговицы.

Вишенкой же на торте этой лесной несуразности стали темно-фиолетовые замшевые туфли с большущими кружевными бантами.

Впрочем, даже у столь странной личности, меч на поясе висел отнюдь не бутафорский. Затертая ребристая рукоять прямо так и кричала об опытности владельца. Хотя ножны можно было столь активно и не украшать.

Сколько же ему?

Дело в том, что взросление эльфов после столетнего юбилея проходило практически без внешних изменений. И разменявший шесть веков мужчина мог выглядеть примерно так же, как и пол тысячелетия назад. Этому же щеголю Никаниэль по каким-то своим признакам определил примерно три века с небольшим.

— Мессир, не стоит так нервничать. — к пижону подошел некто в зеленой полумаске, одетый в удобную лесную одежду. — Группы ловцов уже отправлены проверять ловушки в сопровождении других *хакки*, сожженную клетку скоро заменят, и к завтрашнему дню мы будем готовы выдвинуться обратно в Формитлор. Все будет точно по плану. Ведь именно за это Вы нам платите?

Надменно хмыкнув, франт по-хозяйски окинул взглядом уже потихоньку начавший сворачиваться лагерь и, резко откинув полог, вернулся в свой шатер. Самый большой и роскошный на всей поляне.

Кфхан! Хакки!

До этого момента Ник не сомневался, что истории про них — лишь очередная сказка.

Наличие воинов полумифической группировки лесных наемников только что весьма осложнило сложившуюся ситуацию. По слухам они рождались, жили и умирали в самых непролазных чащах Эльфхейма.

Настоящие демоны леса.

Молчаливые, бесшумные и безупречно выполнявшие баснословно дорогие задания в пределах своих территорий.

Но Ник не стал отступать от задуманного. Он лишь призвал себя утроить осторожность и принялся за сбор информации.

Медленно двигаясь вокруг лагеря браконьеров, порой форсируя целые участки исключительно по веткам, вообще не касаясь земли, Никаниэль обошел всю поляну по кругу, вернувшись туда, откуда начал.

Трижды ему приходилось замирать и сливаться с окружающей растительностью, пропуская возвращающихся с добычей ловцов. И один раз он чуть было не попался, практически нос к носу столкнувшись с лесорубом, отошедшим в кусты справиться малую нужду.

На оценку сил противника ушло примерно пол дня, и теперь беглый принц, тщательно жуя вяленое мясо с сухарями, прикидывал свои шансы и думал, как справиться с таким многочисленным отрядом.

Кроме щеголя в идиотской одежде и предводителя группы *хакки*, Никаниэль насчитал еще трех лесных наемников. Каждый из них сопровождал свои группы по пять ловцов, ходивших за добычей. А это уже двадцать противников. Не говоря уже о том, что в лагере обнаружился еще десяток следивших за животными в клетках, готовивших еду и

занимавшихся другими бытовыми делами. Ну и два личных телохранителя главаря.

Действительно большая проблема. Но было и одно смягчающее обстоятельство, благодаря которому принц все еще мог надеяться на успех. Рядовые члены отряда — как ловцы, так и обслуга — все они являлись полуэльфами.

Результат кровосмесительного союза эльфа и человека, полуэльфов презирали везде. Среди людей их считали недолюдьми, а чернь и вовсе принимала за демонов. И даже в Эльфхейме, где народ весьма толерантен и миролюбив на полукровок смотрели свысока и всячески принижали.

Жизнь простого полуэльфа тяжела, полна невзгод и унижений. Возможно, именно поэтому они чаще всего становились низкооплачиваемой рабочей силой, безропотными слугами или вовсе бандитами. В любом случае серьезного сопротивления от них ждать не приходилось.

Другое дело — главарь с телохранителями.

Охранники явно знали с какой стороны братья за меч и вышли победителями не из одного десятка поединков. С первого взгляда становилось понятно, что они могут доставить множество проблем в ближнем бою. Предводитель, судя по всему, вообще был из благородных. По крайней мере, свежесть добытого мяса он поддерживал тем же заклинанием охлаждения, которым Ник сохранил от разложения тела Элельен и Зулгаша до прибытия в столицу.

Хакки — и вовсе темные лошадки, о навыках которых можно было лишь догадываться. Но, на крайний случай, принц имел запасную идею как с ними совладать.

Кроме того, задачу молодому эльфу упрощало наличие у браконьеров обоза. Посреди лагеря, скрепленные друг с другом, стояли пять телег для перевозки добычи. А неподалеку от них находилось импровизированное стойло с шестью лошадьми, одна из которых, скорей всего, принадлежала главарю.

И хоть повозки были меньше и уже своих городских аналогов, и изготавливались они явно на заказ специально для этой вылазки, все же транспортировать их через лес где попало не выйдет. А значит выезжать им предстояло тем же маршрутом, по которому они добирались сюда.

Еще обходя вокруг лагеря, Никаниэль обнаружил приметную тропу с восточной стороны. Не было никаких сомнений, что завтра именно по ней потянется караван бандитов. Тем более что примерно в том направлении находился упомянутый лидером хакки Формитлор.

Отряхивая с одежды крошки, беглый принц уже имел представление, как и какими средствами, он будет бороться с нарушителями. Конечно, ему бы хотелось пленить всех браконьеров и сдать их правосудию, но, будучи реалистом, он понимал, что при раскладе один против тридцати двух, жертв избежать не удастся.

Приняв окончательное решение, Ник позволил себе забраться на облюбванное прошлым вечером дерево и вздремнуть до темноты, накапливая силы.

Ночь предстояла не из легких.

Когда Никаниэль проснулся, солнце уже зашло и теперь освещало закатный горизонт последними багряными сполохами. Растущий месяц ломтиком спелого лимона висел на небосводе, то и дело скрываясь за пеной налетающих туч, погружавших ночь в крошечную тьму.

«Повезло». — подумал Ник, осторожно подбираясь к лагерю браконьеров. — «Погода — как раз».

Большую часть пожитков он оставил в корнях подарившего ночлег дерева. С собой взял лишь то, что непосредственно могло пригодиться. Недостающие для осуществления плана вещи ночной защитник природы планировал добыть прямо в стане врага.

Никаких ловушек и секретов на пути к лагерю никто так и не поставил. А глядя на дозорных принцу захотелось хлопнуть себя ладонью по лбу: два полуэльфа сидели, у небольшого костра, периодически подбрасывая в него сучья, и потягивали что-то из баклаг. Нет, все бы ничего, но сидели они *лицом* к огню.

Мимо таких дозорных можно армию провести — не заметят. Даже если обернутся, сколько пройдет времени пока глаза привыкнут ко тьме? К сжалению, в этот раз Ник был сам себе армия.

Стараясь все же не шуметь, молодой эльф стремительной тенью скользил по лагерю браконьеров. Большую часть палаток уже собрали и погрузили на телеги, так что многие полуэльфы спали прямо на земле, завернувшись в потрепанные одеяла. На мгновение у Никаниэля проскочила в голове подлая мысль взять и перерезать им всем во сне глотки, но он быстро ее отогнал, не дав шанса укорениться в сознании.

Добравшись до шатра, определенного им как склад, Ник осторожно отогнул полог и в слабых отсветах костра убедился в своей правоте. То тут, то там внутри лежали ящики, тюки, мешки и коробки с припасами отряда. В отдельном углу обнаружился и арсенал.

То что нужно.

С этой мыслью принц взял со стойки короткий, изогнутый лук и закинул за спину колчан с парой десятков легких стрел. Нашелся на складе и моток прочной веревки. А вот запасную тетиву пришлось поискать. Оказалось, что она лежала в отдельном сундучке вместе с другими инструментами для ремонта луков.

Собрав все что хотел, Никаниэль дождался когда тучи вновь укроют ночное светило и, не потревожив ни спящих, ни дозорных, покинул лагерь преступников.

Место для засады Ник определил довольно быстро. На этом участке тропа делала весьма крутой поворот и каравану браконьеров хочешь не хочешь придется замедлиться.

«А может и вообще остановиться», — ехидно подумал принц.

Весь остаток ночи молодой эльф стягивал ветки, строгал прутья, копал ямки, одним словом — готовил теплый прием нарушителям. И лишь к самому утру, по уши извозившись в земле и траве, он вернулся в лагерь браконьеров для еще одного дела.

Солнце должно было вот-вот показаться из-за горизонта и уже бросало первые лучи на макушки самых высоких деревьев. Юркие птицы чистили перышки, еще не решаясь нарушить утреннюю тишину своими трелями. Глухо фыркал старый кабан, стряхивая с себя

присыпавший его ночью лесной сор. Час самого сладкого, блаженного сна для любого разумного существа Альйона.

Так решили и дозорные.

Сменившиеся у ночного костра двое полуэльфов уютно завернулись в плащи и посапывали, свесив головы на грудь. Верх безалаберности.

Они несомненно заслуживали суровое наказание. Вот только Нику их было ничуть не жаль. Отвязывая лошадей, он злобно представлял, как бы сам проучил провинившихся, будь они воинами его отряда.

Принц уже изрядно устал. Ему пришлось всю ночь устанавливать ловушки, а ведь самое сложное еще только предстояло.

Отойдя подальше, Никаниэль наколдовал несколько громких хлопков прямо позади импровизированной конюшни. Испуганные лошади, заржав, встали на дыбы и, не сдерживаемые более никакими веревками, понеслись куда глаза глядят.

Часовые вскочили и попытались их остановить, но куда там — бедные животные, наступив на парочку самых невезучих полуэльфов и своротив палатку, вырвались из лагеря, и их жалобное ржание постепенно растворилось в утреннем лесу.

Дальнейшие события Ник наблюдал, спрятавшись в густой кроне дерева, росшего неподалеку от тропы браконьеров.

На стоянке царил жуткий переполох.

Громко стонали неудачники, пришибленные разбежавшимися конями. Как минимум одному из них сломали ногу. Часовые метались из стороны в сторону, будя всех остальных и всячески имитируя бурную деятельность. Кто-то грязно ругался в уроненной палатке, тщетно пытаясь найти из нее выход. В клетках бесновались разбуженные звери, своими криками внося еще больше неразберихи в происходящее.

— А ну молчать! — усиленный магией голос вихрем пронесся по поляне. Из своего шатра в одних панталонах вышел вчерашний щеголь и он был в высшей степени недоволен. — Какого кфхана тут творится?!

— В-ваше Б-благородие, — постоянно кланяясь и заикаясь к предводителю подошел один из часовых, — к-к-коней что-то н-напугало и они... сбежали...

Вспышка зеленого света, и любитель поспать в дозоре тряпичной куклой отлетел на три метра в сторону. Воздушная стрела убивает наповал.

«Он и такое умеет?! Точно из благородных...» — Никаиэль раздосадованно сморщился. — «Кфхан! Будет сложнее, чем я думал».

— Кто дежурил вместе с ним?! — грозно спросил главарь, обводя взглядом изумленно притихший отряд.

Полуэльфы невольно сделали по полшага в сторону от второго часового, и ответ стал ясен без слов.

— Нет, нет, не надо, пожалуйста, Ваше Благородие, я все исп...

Еще одна воздушная стрела оборвала жизнь любителя вздремнуть в дозоре.

Совсем недавно злорадствовавший принц покачал головой, продолжая наблюдать за браконьерами. Будь он главным — тоже придумал бы наказание, но не убивать же...

— Немедленно найти лошадей! — властно скомандовал полуобнаженный фронт. — Через три дня мы должны быть в Формитлоре! Сами повозки у меня потащите, людское отродье!

Весь лагерь, как потревоженный муравейник, тут же пришел в движение. Даже

покалеченный полуэльф со сломанной ногой сосредоточенно куда-то пополз, лишь бы не попасться под горячую руку разгневанному вожаку. За несколько секунд поляна практически полностью опустела.

Благородный эльф раздосадовано сплюнул под ноги.

— А где шлялись твои хваленые хакки? — строго спросил он у предводителя лесных наемников, спокойной стоявшего все это время неподалеку.

— Хочу напомнить, мессир. — раздался уверенный голос из-под полумаски. — Что вы оплатили лишь минимальный контракт и в наши обязанности входит только прокладка маршрута и сопровождение ловчих отрядов. По сути, наша работа уже закончена и мы можем хоть сейчас отправляться домой.

Лидер браконьеров гневно сжал кулаки, но сказать ему было нечего.

— Впрочем. — продолжал демон леса. — В качестве залога дальнейшего плодотворного сотрудничества, мы сопроводим вас и обратно до Формитлора. И, конечно же, мессир, вы всегда можете расширить контракт, внося полную оплату золотом любой страны.

Никаниэль не видел лица предводителя хакки, но ни секунды не сомневался, что на нем сейчас застыла издевательская насмешка полная превосходства. Правда и щеголь сквозь зеленую полумаску ее тоже видеть не мог, а потому он лишь многозначительно хмыкнул и скрылся в своем шатре.

За сорок минут безуспешных поисков, а больше им просто не дали, полуэльфы смогли вернуть лишь одну единственную лошадь. И то потому, что она запуталась в густых зарослях плюща. Телохранители сразу же объявили, что на ней поедет их господин, а остальные пусть готовятся впрягаться в повозки и тащить их хоть на своем горбу.

Сидящий в засаде принц, наблюдал за окончательным сворачиванием лагеря. Браконьеры тщетно пытались скрыть следы своего пребывания, но по большому счету, особой необходимости в этом и не было. Шансы что в такой глуши кто-то случайно наткнется на место их стоянки стремились к нулю, а природа за пару-тройку лет сама заживит все рубцы нанесенные негодьями.

А вот животных было действительно жаль. От рук дичекрадов погибло множество местных зверей. В том числе и весьма экзотических. Интересно, какому извращенному гурману захотелось попробовать мяса пушистого длинноносика? Или кто заказал десяток шкур безумно редких красных летучих мышей? А ведь оставались еще и плененные твари, ютившиеся в тесных, грубо сколоченных клетках, уже распределенных по повозкам. Хотя последних Ник еще надеялся спасти.

Ближе к полудню браконьеры окончательно собрались и, наскоро перекусив, выдвинулись в путь.

Пока что все шло строго по плану принца. Порадовавшись удачному ходу дел, Никаниэль осторожно спустился со своего дерева и скрылся в чаще леса.

Поскольку единственного коня забрал себе главарь, телеги действительно пришлось тащить полуэльфам. Там где справлялась одна лошадь, рядовые браконьеры были вынуждены действовать вчетвером: двое спереди тащили за оглобли и еще двое толкали повозку сзади.

Так они и шли: впереди на коне ехал щеголь, вновь облачившийся в вычурные аляпистые одеяния, чуть позади с двух сторон двигались оба его телохранителя, дальше ехали все пять телег, запряженных полуэльфами. Замыкали же караван двое рядовых хакки, державшихся настороженно, но уверенно.

Остальных членов этой таинственной группировки видно не было, а все не участвовавшие в перемещении обоза понуро брели среди повозок, очевидно в ожидании очереди примерить на себя роль тягловой лошади.

Едва караван ступил на тропу и Никаниэль понял, что проволочек больше не ожижается, он стремглав помчался к месту своей засады, чтобы активировать часть ловушек. Для достижения максимального эффекта они должны сработать точно в срок.

Сделав то, что задумал, молодой эльф поудобнее устроился в ветвях прямо напротив нужного изгиба тропы и положил лук на колени. За прошедшую ночь он предусмотрел и подготовил все от него зависевшее, и теперь оставалось лишь дожидаться браконьеров и надеяться, что все пройдет по плану.

Тем временем Ник размышлял о том, как мог бы поступить его отец, обнаружив побег сына.

С одной стороны тот мог во всеуслышание объявить принца преступником и пустить по следу лучших ищек. Или скрыть все, приказав молчать осведомленным. Никаниэль ни секунды не сомневался, что Талирион его любит и не поверил в причастность сына к ритуальным убийствам, но король — есть король. Все же он правитель целой страны, а это накладывало определенные рамки на принимаемые решения.

Ник рассеянно разглядывал, севшего на его ветку дрозда.

Скорей всего какой-нибудь усредненный вариант.

Посвященным можно было сказать правду и организовать полномасштабное тайное расследование, а остальным объявить, что наследник престола срочно отбыл с дипломатической миссией. Куда-нибудь далеко. К дварфам, например, или вообще в Пантиок. До бывшей людской столицы только добираться несколько месяцев, и то если повезет.

А ведь еще Люминистилл...

Беглый принц неосознанным движением поправил в ножнах бесценную реликвию.

Мог ли он пару месяцев назад представить, что всего через несколько недель будет сидеть на дереве в неведомых эльфхеймских дебрях, обвиненный в кфхан знает чем, и дожидаться каравана браконьеров, чтобы спасти несчастных животных?

Никаниэль грустно усмехнулся.

А ведь тогда еще была жива Элен... Элен, Элен, как же сильно ее не хватало сейчас Нику. Ее уютного тепла, сердечной доброты, звонкого смеха. Рядом с ней ни одна горькая мысль не могла омрачить принцу жизнь дольше пары ударов сердца.

Элен, Элен, Элен...

Мысли об утерянной возлюбленной окончательно испортили настроение эльфа и, прогнав взмахом руки пернатого соседа, он весь обратился во внимание, высматривая лесных нарушителей.

Солнце едва начало клониться к горизонту, когда из-за деревьев показался помпезный всадник и весь, следовавший за ним, караван.

Кфхан! Что-то они раньше, чем нужно. Двужильные, что ли?

Плавным движением, чтобы не привлечь внимания, Ник поднял лук наизготовку. По его расчетам браконьеры должны были приехать несколько позже, и примерно в это же время он ожидал срабатывания одной из стандартных скаутских ловушек.

«Придется импровизировать. Их как-то нужно задержать примерно... вот... тут!» — в этот момент он спустил тетиву, пуская в полет первую стрелу.

Выстрел оказался предельно точным. Снаряд, пробив насквозь бедро в красной бархатной штанине, вонзился в бок последней лошади отряда. Несчастное животное, уже и так натерпевшееся за этот день, возмущенно заржало, встало на дыбы и, сбросив своего наездника на землю, ускакало дальше по тропе.

Не давая браконьерам опомниться, Никаниэль пустил вторую стрелу, попавшую в грудь одного из телохранителей, прикрывшего собой господина, и прокричал:

— Вас обнаружил четвертый егерский корпус имени Его Величества Талириона! Сдавайтесь!

«Ну! Сработайте уже!» — мысленно приказывал Ник своим ловушкам.

К сожалению, безрезультатно.

Треклятая магия!

Принц спрыгнул на землю и, меняя позицию, на бегу выпустил очередную стрелу, имитируя еще одного егеря. Попасть не удалось, но среди полуэльфов начала зарождаться паника.

— Дерьмо, да их там двое всего! — подал голос, пришедший в себя от шока подранок. — Быстро принесите мне их головы! Нет! Одного приведите живьем! Я лично сдеру с него кожу! Кфхан, как же больно! Что стоите, сукины дети?! Отродья! Немедленно выполнять!

Отодвинув второго телохранителя с обнаженным мечом, он лично бросил в сторону нападавших парочку убойных заклинаний.

Естественно Никаниэля там уже не было.

Молясь всем богам, чтобы его ловушки скорее сработали, он на мгновение остановился и выпустил последнюю стрелу. Звонко тренькнув, снаряд вонзился в оглоблю второй телеги в десяти сантиметрах от одного из полуэльфов.

Сейчас! Пожалуйста!

Возможно, наконец, закончилось время действия магии, сдерживавшей ловушки, а может быть кто-то из богов услышал мольбы несчастного смертного, но не успел браконьер даже испугаться, как из леса их отряд накрыл целый ливень стрел.

— Вы окружены! Сдавайтесь! — добавил принц, внося еще больше смятения в ряды врага.

Это стало последней каплей.

И без того деморализованные с самого утра полуэльфы, побитые жизнью и своим предводителем, побросали все что есть и с криками бросились врассыпную.

Именно на это и рассчитывал Ник. Из украденной тетивы, веревок и стрел он прямо в ветвях ближайших деревьев соорудил импровизированные одноразовые луки. Такая уловка не способна навредить даже белке, но может служить хорошим отвлекающим маневром.

Едва отряд разбойников выдвинулся из лагеря, Никаниэль оценил скорость их движения и, активировав ловушки, зафиксировал те комками глины, подморозив ее магией охлаждения. Разумеется, он старался рассчитать все так, чтобы стрелы вылетели одновременно и напугали проезжающий мимо караван, но небольшая ошибка чуть не спугала ему все карты.

На самом деле таких ловушек было всего пятнадцать, но, как известно, у страха глаза велики, и испуганным полуэльфам показалось, что их действительно обстреливает некий четвертый королевский корпус егерей имени Талириона.

Стрелы бестолково падали среди повозок, неспособные причинить какого-либо вреда. Лежавший на земле щеголь грозными криками пытался вразумить отряд, но его никто не слушал. Браконьеры сошли с тропы и побежали в лес.

Прямо навстречу остальным ловушкам Никаниэля.

Мгновение, и пространство наполнилось воплями покалеченных полуэльфов. Кому-то в бедро вонзился остро наточенный отогнутый сук. Кто-то по колено провалился в яму с кольями. Самые невезучие оказались подвешены вверх ногами и с вывихнутой лодыжкой оглашали лес истошными криками. Ни одна из ловушек, по идее, не была смертельной. Принц лишь хотел поймать как можно больше браконьеров и передать их на честный суд.

Но тут с тропы, перекрывая лесной гомон, раздался голос раненного франта:

— Хакки! Расширенный контракт! Пятнадцать золотых! Убейте всех егерей!

В этот момент только отменная реакция спасла Ника от неминуемой смерти. Едва заметив боковым зрением какое-то движение справа, он резко отклонился и длинным прыжком ушел в сторону. А прямо у него над головой воздух со свистом рассек короткий ятаган одного из лесных наемников.

Никаниэль выхватил меч и следующий удар противника уверенно встретил блоком. Он хотел обратиться к воину в маске, но тот яростно вел атаку, не давая принцу вымолвить ни слова. Изогнутое оружие наемника стремительно мелькало у него перед глазами, приближаясь под самыми немислимыми углами, заставляя постоянно защищаться и не давая возможности перейти в контрнаступление.

Еще одним важным фактором оказалось то, что Люминистилл из-за своей длины совсем не подходил для боя в лесной чаще. Стоило лишь один раз неудачно взмахнув зацепить дерево и эльфам королевства пришлось бы оплакивать потерю наследника престола.

В то же время короткий и изогнутый ятаган хакки был будто бы создан для лесных сражений и Ник оказался в весьма затруднительной ситуации. Но даже так, скупыми, аккуратными движениями, боясь задеть окружавшие его стволы, он уверенно отбивал все выпады молчаливого воина.

Необходимо было срочно что-то предпринять. Пока на шум сражения не сбежалась половина леса.

Похоже, наемник думал в том же ключе.

Видя, что ему не удастся пробить оборону своего противника, он сделал то, чего Никаниэль никак не мог ожидать. Внезапно прервав серию атак, хакки подскочил к ближайшему дереву и резким, коротким ударом сбил со ствола кусок коры, который все тем

же движением вместе с лесным сором отправил в полет прямо в лицо принцу.

Одновременно с этим он взмахнул левой рукой, бросая во врага три коротких металлических иглы, спрятанных до этого в складках рукава. И, не замедлившись ни на мгновение, вновь бросился в атаку.

Такого маневра в своей жизни Ник не встречал еще ни разу.

С трудом, но ему удалось отбить иглы основанием клинка почти у самой гарды, левым кулаком встретить кусок коры и даже подготовиться к дальнейшему отражению атаки, но вот сор все-таки попал ему в глаза.

Мгновенно покрывшись холодным потом от предчувствия неминуемого и пытаясь хоть как-то проморгаться, практически ослепленный принц пятился назад, нелепо отмахиваясь мечом от своего противника.

Конечно это не могло продолжаться долго и вот, сделав очередной неуклюжий шаг, Никаниэль споткнулся об корень и, как ребенок, упал на пятую точку. В тот же миг его горла коснулась холодная сталь ятагана — еще один хакки незаметно подкрался сзади...

Со слезящимися глазами, так и не проморгавшийся принц стоял перед лидером браконьеров. Из неглубокого пореза на шее сочилась кровь. С трех сторон его окружали рядовые члены хакки, надежно зафиксировавшие пленника. Раненного франта поддерживал телохранитель, а предводитель наемников стоял неподалеку, с любопытством разглядывая отобранный у «егеря» меч.

— Один? Всего один сраный эльф разогнал мой отряд?! — главарь банды был вне себя от ярости. — Как, кфхан побери, я теперь доставляю товар вовремя?! — его глаза метали молнии, способные сразить наповал средних размеров дракона. — Убейте немедленно! Нет! Дайте мне его меч и я проткну его его же оружием!

Щеголь требовательно протянул руку, но его приказ выполнять никто не торопился.

— Мессир. — раздался бесстрастный голос из-под зеленой полумаски. — Кажется кто-то совсем недавно кричал про расширенный контракт. Хочу вам напомнить, что Хакки работают *только* по предоплате. И то что мы вообще поймали этого юношу не получив ни монеты задатка обусловлено лишь сложившимися на тот момент обстоятельствами. А сейчас потрудитесь в полной мере оплатить озвученную ранее сумму.

Предводитель наемников смотрел прямо в глаза своему нанимателю.

— Э-э-э, кхм, — спесь мгновенно слетела с лица браконьера и он даже немного побледнел, — видите ли, золото, оно...

— Я хочу нанять звено Хакки! — Никаниэль решил, что сейчас возможно последний шанс переломить ситуацию в свою пользу.

— Мальчишка! Кого ты собрался нанять?! Ты, считай, уже труп, да я...

— Пятьдесят золотых и вы передаете всех браконьеров егерям, а животных отпускаете на волю!

— Сколько?! — не веря своим ушам, франт ошарашенно переводил взгляд с пленника на наемника и обратно. — Сколько-сколько? Что за бред?! Не может у него быть с собой таких...

Но его никто не слушал.

— Сто. — невозмутимо озвучил цену главный хакки.

— Сто. Но деньгами Союза. — принц попытался пошевелиться, но держали его крепко. Дозволяющий кивок головы и ему разрешили засунуть руку за пазуху. Оттуда он достал чуть звякнувший кожаный кошель и сразу же бросил предводителю наемников.

— Не-не-не. Какого кфха...

Стремительный взмах меча и голова щеголя отделилась от тела. И настолько стремительным было движение хакки, что лишь после этого он поймал брошенные ему деньги.

— В счет разницы курса. — ответил на незаданный вопрос наемник, отталкивая фонтанирующее кровью тело. — Мерзкий тип. Как же он меня раздражал.

Отпальцевав приказы подчиненным, тут же растворившемся в лесу, хакки лично пленил даже не попытавшегося сопротивляться телохранителя и протянул Никаниэлю флягу с водой.

— Промойте глаза, мессир.

Приобретя, наконец, способность нормально видеть, Ник поблагодарил наемника и устало сел прямо на землю. А после и вовсе лег на спину, расслабив мышцы и чувствуя как напряжение постепенно покидает утомленное тело.

Солнце едва коснулось горизонта. По небу неспешно плыли пушистые облака, будто играя в ленивые догонялки. Приятно холодил кожу легкий ветерок... Так и хотелось закрыть глаза и заснуть часиков эдак на шестнадцать.

Но, конечно, позволить себе такой роскоши беглый принц не мог.

Пленных животных уже освободили из заточения и сейчас их места в клетках занимали поникие полуэльфы, которых одного за другим приводили из леса хакки. У некоторых травмы от ловушек выглядели весьма скверно и молодой эльф жалел, что не придумал другого способа их остановить.

— Любопытное у вас оружие, мессир. — ничего не выразившим голосом произнес глава наемников, крутя в руках Люминистилл. — Да и внешность ваша весьма необычна для эльфа. Не желаете продать мне этот меч? Что насчет пятисот золотых? Местными, естественно.

Никаниэль приподнялся, опершись на локоть:

— Прошу прощения, уважаемый...

— Лу. У хакки нет имен, но для удобства вы можете звать меня Лу, мессир.

— Видите ли, Лу, этот меч достался мне от отца, — принялся на ходу сочинять не готовый к такому повороту Ник, — ему от его отца, а тому от его. А уж первый владелец, по преданию, то ли выменял его у дварфа, то ли выиграл в карты у человека... В общем, теперь это вроде как семейная реликвия и мне бы не хотелось прерывать такую традицию.

Не видя никакой реакции со стороны наемника, принц продолжил:

— А что на счет внешности... Наверное у богов было хорошее настроение в день когда я родился и они решили таким образом пошутить. Но я не жалуясь. От девок-то отбоя нет!

Лучше уж прослыть богатым простаком. Не хватало еще выдать свою настоящую личность. Оставалось надеяться, что в подобной глуши никому нет дела до облика членов королевской семьи.

— Что ж, очень жаль. — сухо обронил хакки, возвращая меч. — Сдается мне не обычное это оружие. — и продолжил, самостоятельно меняя тему. — А вам поспать-то хоть сегодня удалось, мессир? Вчера же весь день вокруг нашего лагеря ходили. Да еще и ловушки все эти установить надо было — хлопотное дело.

От неожиданности Никаниэль рывком сел:

— Так вы все это время меня видели?!

— Мессир, хакки в лесу нет равных. Должен признать, ваши скаутские навыки весьма высоки, но они не идут ни в какое сравнение даже с начинающими демонами леса. Я уж не говорю про средних или, тем более, высших членов нашей организации. Мне был известен каждый ваш чих в радиусе пятидесяти метров от лагеря.

— Так что же вы...

— Не вмешался? Не остановил? Видите ли, мессир, хакки работают исключительно в рамках оплаченного контракта. А этот. — Лу кивнул в сторону обезглавленного тела. — Торговался за каждый медяк и оставил в итоге только самые основные пункты. Ну и, как я уже говорил, он не нравился мне лично.

— Да, таких никто не любит...

Несколько минут они провели в тишине, думая каждый о своем. Ник, например, прикидывал удалось ли бы ему избежать всех этих жертв, зайдя он ночью не в складскую палатку, а сразу к Лу, с деловым предложением.

Впрочем, знал бы где семечко упадет — взрыхлил бы землю.

Их размышления прервал рядовой хакки, жестами сообщивший что-то главарю и сразу же удалившийся, не удостоив нанимателя и взглядом.

— Ну вот почти и все, мессир. Животные отпущены, браконьеры все выловлены и ждут своей участи, егеря будут здесь часа через четыре. Желаете их дождаться?

— Пожалуй нет. — ответил принц, поднимаясь на ноги. — Столько дел, столько дел. А я еще и только что обеднел на целую сотню золотых.

— Еще один момент, мессир. В этих повозках полно элитного мяса. По нашим законам, хоть мы вас и пленили, вы считаетесь захватчиком каравана и вся добыча принадлежит вам. Конечно все вам не унести, но можете взять одного-двух полуэльфов в качестве носильщиков и несколько дней питаться не хуже местного лорда.

— Нет уж спасибо. — от одной мысли об этом Никаниэля слегка передернуло. — Не смогу я есть мясо, добытое таким способом. Будем считать, Лу, что я дарю вам эти телеги и все что вы в них найдете. В знак нашей дружбы, так сказать.

— Весьма щедро с вашей стороны, мессир. — таинственный эльф коротко склонил голову в благодарственном кивке. — Хакки этого не забудут.

Предводитель наемников первым протянул руку и эльфы обменялись крепким рукопожатием.

Ник хотел уже уходить, как тут его окликнул связанный телохранитель:

— Эй, уважаемый! Не хочешь нанять меня? Я вижу ты конкретно против браконьеров, вреда лесу и все такое, но я-то тут не при чем. Меня наняли чисто охранять красавчика. Ну да, не получилось, но поверь — драться умею. Я простой наемник, такой же как эти в масках. Всего пятнадцать серебра в месяц и я стану твоей второй парой рук, ног и глаз.

От неожиданности предложения беглый принц даже несколько растерялся. С одной стороны ему до смерти надоело шататься по лесам в одиночку. Не поговорить ни с кем, ни пошутить, спину, опять же, прикрыть некому. Но с другой стороны готов ли он вот так взять и поверить первому встречному эльфу?

Скорей всего, еще месяц назад он бы с радостью согласился, но с тех пор столько всего случилось...

— К сожалению вынужден отказаться. — ответил Ник. — А виновен ты или нет, пусть решает суд.

Никаниэль отвернулся и прямо по тропе отправился забирать спрятанные пожитки. Сделав несколько шагов, он услышал, как у него за спиной телохранитель разочарованно цыкнул и прошептал: *«Имбос все равно не простит тебе смерти сына, говнюк»*.

Стемнело.

Яркая россыпь звезд бесчисленными мерцающими искорками украсила ночной небосвод. Луна — одинокий путник, возобновила свой бесконечный бег. А под ней, точно такой же одинокий, молодой эльф устало переставлял гудящие от напряжения ноги.

Забрав свои вещи, Никаниэль сразу же отправился в путь, стараясь уйти как можно дальше, пока не прибыли егеря со своими расспросами. Уж с ними встретаться беглому принцу точно не хотелось.

Он не спал уже третьи сутки. Глаза слипались. Мысли путались. Но он твердо дал себе слово не прекращать движение еще как минимум до утра и собирался это слово сдержать. Так и шел, не глядя по сторонам и думая лишь об одном — как сделать следующий шаг.

Вдруг боковое зрение выхватило из ночного сумрака неясный светящийся силуэт. Не отдавая себе отчета, Ник сменил маршрут и направился к нему. Тень то приближалась, то отдалялась. Порой принцу казалось даже, что он слышит голос,звавший его по имени.

В какой-то момент он подошел настолько близко, что будто бы смог разглядеть черты лица. Образ показался ему смутно знакомым. Никаниэль протянул руку, чтобы коснуться, но неожиданно споткнулся и кубарем покатился под откос. Приземлившись на что-то мягкое, он попытался подняться, но тут силы его окончательно покинули и долгожданный сон окутал утомленное сознание принца.

Очнувшись, Ник долго не мог понять, где находится. Сверху пробивались редкие лучи дневного солнца, с трудом освещая окружавшее пространство. Вокруг эльфа валялись разбросанные вещи. Часть съестных припасов была, очевидно, сгрызена. А сам принц возлежал на куче прелой листвы.

«*Медвежья берлога? И как я сюда попал?*» — пытаясь восстановить в памяти последние события, Никаниэль машинально проверял ничего ли не пропало и складывал все обратно в сумку.

Ночной призрак! Или это лишь сон?.. Но он казался таким знакомым...

Сделав пару глотков воды из фляги, принц покинул гостеприимную берлогу.

Чуть в стороне он установил силки в надежде хоть как-то пополнить запасы еды и сделал зарядку, разгоняя кровь по заспанному телу. Затем он вновь спустился вниз и посвятил пару часов медитации по расширению магических каналов. Чтобы не происходило, а занятия магией забрасывать нельзя ни в коем случае!

К сожалению, за это время в ловушку никто не попался и, подкрепившись из заметно оскудевших припасов, Ник по движению солнца определил направление и вновь двинулся в путь.

Первые несколько дней прошли примерно так же, как и до встречи с браконьерами. Никаниэль с утра до вечера шел, делая перерывы лишь на медитацию и приемы пищи. По ночам он забирался на деревья, чтобы коротким чутким сном восстановить силы для следующего дня.

На пятый день ему повезло поймать в силки куницу, а на восьмой наткнуться на полноводный ручей. С поисками воды и до этого проблем не возникало, но тут удалось полноценно искупаться и постирать часть одежды. Вот только погода больше не желала, как прежде радовать беглеца.

Все чаще на небе стали собираться мрачные тучи, орошая землю противным холодным дождем. К счастью, отменное скаутское снаряжение было на такое рассчитано и пока что надежно спасало своего владельца от ненастья.

Но беспокоила Ника отнюдь не испортившаяся погода. И даже не таявшие прямо на глазах запасы провианта. В какой-то момент Никаниэль поймал себя на том, что стал все чаще оглядываться назад. Беспочинное чувство тревоги непрошеным гостем надежно поселилось в его сердце. Порой эльфу даже казалось, что кто-то стоит прямо у него за спиной и сверлит взглядом затылок. Тогда он вновь оборачивался, чтобы снова никого там не увидеть.

«Кфхан! Да так и свихнуться не долго! Какого демона тут происходит?!» — думал принц, в очередной раз не обнаружив никого позади себя.

Следят хакки? Нагнали егеря? Нашли королевские ищейки? Нет. Ни первым, ни вторым это не нужно, а последние никак не могли вычислить беглеца в такой глуши.

И, тем не менее, неприятное чувство ни как не хотело проходить, а наоборот только усиливалось с каждым днем. Да и участвовавшие дожди настроения отнюдь не добавляли. Наконец, измученный паранойей, эльф не выдержал и принял кардинальное решение о смене маршрута.

В какой-то момент он просто взял и повернул строго на запад, стремясь как можно быстрее оказаться на людских территориях. Не то чтобы ощущение слежки резко пропало, но осознание значительного сокращения пути до Тики грело принцу душу.

В последние дни дождь превратился в непрекращающийся ливень. Казалось, небо решило отыграться за каждый солнечный день лета и сейчас бесконечным потоком холодной воды заливало зеленые леса Эльфхейма.

Звериные тропы, по которым до этого пробирался Никаниэль, окончательно раскисли и превратились мокрые, разбухшие, грязные канавы, пытавшиеся при каждом шаге отобрать у неразумного путника ботинок. Приветливые лиственные деревья ближе к границе сменились непролазными хвойными зарослями, перемежавшимися цепким колючим кустарником, где принц умудрился разодрать свой казалось бы бессмертный плащ.

При всем при этом чувство опасности никуда не исчезло, а наоборот с каждым днем усиливалось, заставляя Ника без передышек пробираться на запад. Не осталось времени даже на медитации. Еда уже два дня как закончилась, заставляя беглеца на ходу питаться редкими съедобными растениями и молодыми еловыми побегами.

— Ну хоть от жажды мне тут явно умереть не светит. — ворчливо буркнул Никаниэль, в очередной раз выливая из сапога воду.

Час назад он чуть было не угодил в весьма неприятную лесную ловушку. Но этот эпизод совсем его не разозлил, а наоборот — даже обрадовал. Ведь это означало, что кордон уже близко, а значит — скоро он покинет Эльфхейм и окажется на шаг ближе к воскрешению Элельен.

Принц знал, что границы страны регулярно патрулировали специальные отряды. Они скрытно перемещались вдоль рубежа, следя, чтобы ни один иноземец тайно не проник в священный эльфийский лес. Распоряжения же задерживать эльфов, пытавшихся покинуть Эльфхейм, у них, насколько знал Ник, вроде как не было.

На самом деле редко кому из ушастых приходило в голову попутешествовать. А это

означало лишь одно — его точно остановят. Хотя бы просто из любопытства. Или от скуки. В любом случае лучше на глаза никому лучше не попадаться. И так пришлось засветиться перед хакки.

Передвигаясь не быстрее хромой черепахи, Ник замирал после каждого сделанного шага, стараясь слиться с местностью. Он до боли напрягал глаза и уши в надежде обнаружить патруль раньше, чем это сделают они. И вот, ближе к полуночи, аккуратно перешагивая очередную ловушку, Никаниэль заметил, как впереди промелькнули две тени.

Принц тут же прижался к ближайшему дереву и замер, боясь шелохнуться. Он весь обратился во внимание. Противный дождь барабанил по капюшону, скрадывая большинство звуков и затекая под плащ сквозь прорехи. Но, в то же время, благодаря ему, из-за туч не было видно ни луны, ни звезд. Лес погрузился в почти непроглядную тьму.

«Парами! Точно. Они же работают парами!» — внезапно вспомнил Ник, как-то услышанную во дворце информацию. — *«Четверка патруля, разбитая на две пары. Вот только это были первые двое или вторые?»*

Выждав четверть часа, эльф хотел уже было двинуться дальше, как вдруг на том же самом месте пронеслись еще две стремительные тени. Поблагодарив самого себя за выдержку и дав патрулю уйти подальше, принц стал как можно быстрее двигаться в сторону королевства людей.

Хотя на самом деле скорость его увеличилась не сильно. Концентрация ловушек на том участке оказалась прямо таки запредельной! Там было все: замаскированные ямы, ложные бугры, силки, крюки, колья, сигнальные артефакты, самострелы и многое другое — весь арсенал эльфийского оборонного мастерства.

С невероятным трудом, мелкими шажками, а иногда и вовсе ползком, преодолевая одно препятствие за другим, весь покрытый потом и грязью Никаниэль продвигался вперед. Он был сосредоточен как никогда и даже мысли о вероятной слежке отошли на второй план. Шаг, шаг, шажочек, еще чуть-чуть и... внезапно полоса препятствий окончилась.

Ник огляделся и заметил, что лес вокруг стал каким-то другим. Как будто менее живым. Да что там лес — даже дождь вокруг него и тот ощущался по-другому.

— Выбрался! — облегченно выдохнул сбегавший принц и тут же скрылся среди окружавших деревьев, опасаясь наткнуться на людской дозор.

Удивительно, но Никаниэль так и не увидел никаких следов людских пограничников.

Либо они скрывались лучше эльфийских, либо не охраняли вовсе — рассуждал принц, крадучись пробираясь среди деревьев.

Если первое вряд ли могло оказаться правдой, то второе, скорей всего, так и было. На свою территорию эльфы гарантированного никого пускали, да и сами по чужим странам обычно не шастали. А других расы, собственно, в Эльфхейме и не жили. И даже если один-два длинноухих раз в десять лет незаконно пересекут границу, то не держать же людям ради этого отдельную армию?

— Да и все-равно ни один человек эльфа в лесу не то что не поймает — не увидит даже. — на ходу усмехнулся Ник.

Несмотря на не прекращавшийся дождь и подступавшую усталость, настроение у принца постепенно ползло вверх. Во-первых, ему удалось успешно пересечь границу, а это уже хорошее начало на пути к воскрешению Элельен, а во-вторых, преследовавшее его последнее время чувство опасности наконец пошло на убыль.

Ну и как тут не обрадоваться?

Уже ближе к утру Никаниэль нашел подходящее укрытие и, игнорируя урчащий желудок, позволил себе несколько часов спокойного сна.

Когда он проснулся, солнце стояло уже высоко и ярко освещало окружающий пейзаж. Дождь так и не перестал, но ослаб настолько, что на него можно было не обращать внимания. По сравнению с последними днями — легкая морось. В небе сияла радуга, и щебет лесных птиц наполнял душу покоем и умиротворением.

Поддавшись настроению, Ник выбрал место посуше и посвятил час работе с магическими каналами. Медитация прошла без помех, но, по завершению, на лице принца отразилось некоторое замешательство.

— Странно. Вроде все как обычно, но что-то явно не так...

Посидев еще пару минут, прислушиваясь к внутренним ощущениям, он так и не понял, что же привлекло его внимание и, глотнув воды из фляги, отправился в дальше.

По-хорошему нужно было бы найти какое-нибудь селение, достать одежду и еды в дорогу. Узнать путь до Тики. Лошадь пришлось бы весьма кстати. Да хоть просто узнать куда попал!

Дело в том, что, резко сменив несколько дней назад маршрут, Никаниэль не то чтоб потерялся, — умение определять стороны света эльфы впитывали с молоком матери, — он представлял, где находится.

Примерно.

Покажи ему сейчас кто-нибудь карту, он бы с легкостью указал место своего нахождения — круг радиусом километров двадцать.

Ну ладно, полукруг — границу-то он все-таки пересек. Но вот дальше... К тому же географию людских королевств эльфы изучали весьма поверхностно.

Во времена Ужасной Войны люди жили в едином государстве — Лионтии. Огромная страна, по размеру превышавшая весь Эльфхейм вместе с орчими степями почти в два раза. Но люди не способны долго жить в мире и всего через пятьсот лет Лионтия разделилась три отдельных королевства — Западное, Центральное и Восточное.

Но и они просуществовали недолго. Каждое из них распалось на множество отдельных баронств, графств и княжеств — «королевств» — постоянно грызшихся между собой за очередной клочок земли. Причем правитель каждой отдельной территории считает себя королем и законным наследником всей Лионтии.

Границы то и дело менялись. Королевств наплодилось сотни. Они могли объединяться в союзы и распадаться, завоевываться соседями и отделяться вновь, провозглашать независимость и подписывать вассалитет, чтобы вскоре опять поднять восстание.

И так десятки раз за жизнь одного правителя Эльфхейма.

С точки зрения эльфов все это больше походило на бессмысленную мышиную возню и потому они не особо следили за всем, что там происходит.

Единственное, что могло бы заинтересовать длинноухих долгожителей это ракатош. Регулярные съезды в Пантиоке — бывшей столице Лионтии, а ныне отдельном городе-государстве. Раз в сто лет все правители людских королевств собирались там на совет в попытке возродить былое величие. А если точнее, то просто кричали друг на друга, не слушая никого вокруг.

Так исторически сложилось, что у эльфов, как у древних союзников людей, имелось право присылать своего представителя на это собрание. Но уже при царствовании Талириона им ни разу не пользовались.

Да и зачем? Ведь приезжая на каждый следующий ракатош посол видел абсолютно новых правителей, зачастую не являвшихся даже потомками предыдущих. И все связи проходило налаживать заново.

В общем, хоть люди и эльфы и считались политическими союзниками, на самом деле никаких совместных дел они уже давно не вели. Разве что редкие торговые договоры с пограничными королевствами.

И вот в каком из них оказался Никаниэль — еще только предстояло выяснить. Пока он знал лишь, что находится где-то южнее Северного Королевского тракта — одной из двух широких, мощных магистралей, пересекавших всю территорию бывшей Лионтии с запада на восток. Проложенные еще во времена единства людской расы, когда-то они сильно облегчали путешественникам жизнь.

Продолжая двигаться строго на запад, вскоре принц вышел к узкой тропе. Вопросы в какую сторону по ней идти не возникало. Тика располагалась у южной границы, и, не раздумывая ни секунды, Ник повернул налево. Только вот идти он решил не прямо по дороге, а чуть в стороне. Просто на всякий случай.

Скрыв свои длинные уши капюшоном, запахнув изорванный плащ и подобрав палку поудобнее, Никаниэль шел в нескольких метрах от тропы, стараясь не терять ту из вида. Он уже почти привык, что окружающий лес ощущался совсем не так как родной эльфхеймский.

Внешне все вокруг выглядело точно так же: деревья, кусты, трава, птицы и насекомые — один в один, как на родине. Но все равно крошечный червячок сомнения продолжал копошиться на задворках сознания.

Несмотря на пустой желудок, настроение у принца заметно улучшилось. Он шел легкой, непринужденной походкой, слегка опираясь на посох и чуть ли не насвистывая на ходу. Но, тем не менее, продолжал зорко следить за окрестностями и через пару часов заметил в придорожных кустах двух явно прятывшихся людей.

Если не считать человека Син'Галада (а, возможно, тот и вовсе не был человеком), эти двое стали первыми людьми, встреченными Никаниэлем за всю его жизнь. Привычным

бесшумным шагом Ник, не потревожив ни веточки, подкрался к ним почти вплотную и, спрятавшись за деревом, принялся разглядывать.

Со спины они могли бы сойти за братьев. Практически одинаковое телосложение, у обоих короткие светлые волосы, загорелая кожа и сильные, жилистые руки.

Несмотря на прохладную погоду, одеты они были довольно легко: холщевые безрукавки, подпоясанные веревкой штаны и простецкие ботинки из мягкой кожи. Вся одежда выглядела весьма потрепанной и грязной. Но главной отличительной чертой стали короткие топоры, которые те крепко сжимали в руках.

Ник никак не хотел верить в очевидное и предположил, что это дровосеки, присевшие отдохнуть после тяжелого трудового дня.

Тут, чуть дальше по тропе, показалась фигура одинокого путника, неспешно бредшего в сторону «дровосеков».

Один из людей толкнул в бок напарника и кивком головы указал на дорогу, а затем они оба стали активно жестикулировать куда-то в кусты напротив. Оказалось, что там притаились еще двое таких же молодцев. А путник тем временем подходил все ближе, даже не подозревая, какая незавидная участь ему уготована.

Первые встреченные люди и сразу разбойники, — сетовал Никаниэль, выходя из-за дерева:

— Эй, уважаемые, где тут ближайшая таверна?

От внезапности бандиты вскочили и чуть не столкнулись лбами, оборачиваясь посмотреть кто к ним подкрался. Принц, наконец, увидел их лица. Впрочем, это мало что ему дало. Слишком привыкший к эльфийской утонченности и изяществу, он оценил людей как «чуть смазливее чем орки».

Возраст тоже определить не удалось. Люди, не способные разменять даже один жалкий век, казались столь долгоживущей расе бабочками-однодневками. Ведь от рождения до смерти любого эльфа у тех могло смениться поколений двадцать.

Одно можно было сказать точно — они юны даже по меркам своей расы. Едва пробившаяся поросль над верхней губой, полное отсутствие бород и шрамов — все это говорило о том, что они лишь недавно перешагнули возраст совершеннолетия, каким бы он ни был у людей.

Хотя тут Никаниэль недалеко ушел от этих ребят. Свое совершеннолетие в пятидесятилетний юбилей он отпраздновал всего двадцать восемь весен назад.

— Тьфу ты! Винни сбежал. — раздосадовано сплюнул первый.

— Кровавый Джон теперь нас к себе не при-имет. — проскулил второй, наблюдая, как улепетывает их несостоявшаяся жертва.

Увидев перед собой лишь грязного путника в изорванном плаще, ребята заметно расслабились и принялись решать, что теперь делать:

— Ну так давай вот этого завалим!

— Но Кровавый Джон сказал...

— Да какая ему разница! Он хочет убедиться, что мы не слабаки и не бабы, и не боимся испачкать руки в крови. Ну! Давай!

С эти криком парень, явно подбадривая сам себя, замахнулся топором и бросился вперед.

Вопиющая неосмотрительность.

Не сдвинувшись с места, Никаниэль спокойно подпустил нападавшего поближе и коротким движением стукнул посохом по занесенному топору.

От удара нападающего развернуло, он потерял равновесие и шлепнулся на задницу прямо к ногам своей жертвы. Пока же тот ошеломленно пытался понять, что произошло, Ник добавил ему, ткнув палкой по голове и пнув пониже поясицы.

— Ой-ой-ой-ой. — заверещал бандит, на четвереньках отползая обратно к товарищу. — Эй, парни, вы так и будете там сидеть? А ну быстро сюда!

Из кустов с противоположной стороны дороги неуверенно вышли еще двое и вся банда встала в ряд. Вновь прибывшие чем-то походили на предыдущих, только ниже, с волосами более темного оттенка и явно слабее.

«Да это же вообще совсем дети! Что тут происходит?» — недоумевал принц.

— Ребятки, поиграли и хватит. — обратился он к людям на общем языке. — Где тут у вас ближайшая деревня?

— Да вон там, чуть дальше по дороге. — махнул в сторону рукой молодой разбойник. И тут же получил подзатыльник от старшего:

— Заткнись! Нам убить его надо, а не подружиться! Или хочешь как остальные?

Молодой насутился:

— Не хочу...

— Тогда сейчас разом на него навалимся и уже вечером будем пировать с Кровавым Джоном! А ну! Раз! Два! Три!

— Ребят, может не на... — начал было Никаниэль.

— А-А-А-А-А!!! — с дружным криком все четверо, подняв над головой топоры и мешая друг другу, рванули вперед.

Ник абсолютно не понимал, что происходит, но решил, что калечить и тем более убивать их точно не нужно. А потому не стал доставать ни меч, ни кинжалы, а лишь поудобнее перехватил посох и встал в боевую стойку.

Первый нападавший получил палкой в живот и, согнувшись в рвотных позывах, упал на землю. Второго, уворачиваясь от неуклюжего выпада топора, эльф схватил рукой за пятку и резко дернул вверх, опрокидывая противника на спину. И сразу же добавил деревяшкой по лбу.

С оставшимися все оказалось еще проще. Взяв посох двумя руками, параллельно земле, Ник сделал несколько шагов им на встречу и, столкнувшись, опрокинул юнцов на землю. Ударами палки он выбил у них из рук топоры и отшвырнул те подальше.

Из-за спины раздался очередной боевой клич и принц, не глядя, ткнул веткой за спину, отправляя парня на землю уже в третий раз за день.

— Да ну его к кфхану этого Джона с такими пирогами! — крикнул несостоявшийся разбойник, улепетывая со всех ног. Остальные, прихрамывая и потирая бока, поспешили вслед за ним.

Никаниэль подобрал утерянные топоры и выдвинулся в след за «бандитами». Первое знакомство с местными жителями вышло совсем не таким, как он представлял себе заранее.

Вскоре прибыв в деревню, Ник застал толпу крестьян человек двадцать пять-тридцать, собравшихся у самой околицы. Все они вооружились вилами, серпами и другими подручными инструментами. Одно сразу бросалось в глаза — ни одного мужчины. Только старики, женщины и дети, но явно с боевым настроением. Четверо поколоченных юношей тоже стояли среди них.

— Если ты от Джона, то мы больше его не боимся! — от толпы отделился старец с косою, но близко подходить не решился. — Это ж где это видано ради двух топоров отроков колотить! И ни крошки ему больше не дадим, угу! Так ему, гаду, и передай.

«А-а-а. Тут, кажется, все понятно. Бандиты несостоявшиеся свалили потерю инвентаря на бандитов всамделешных». — понял принц, встретившись с молящим взглядом отрока-задиры. — «Подыграем».

— Что вы, что вы, уважаемый. Я простой путник, путешествую по Королевствам. И Джонов никаких знать не знаю. Спутали вы меня с кем-то.

— Что же и бандитов по дороге, скажешь, не встречал, м-м? — с подозрительным прищуром старик уставился на Никаниэля.

— Как не встречал? Встречал, конечно. И не раз. Времена-то сейчас какие... Вот и недалеко от вашей деревни выскочили на меня двое с топорами.

— И-и-и?

— Ну поколотил я их, топоры отобрал и дальше пошел. Нынче, если хочешь спокойно по дорогам ходить, нужно уметь постоять за себя. — рассказывал Ник, вынимая из сумки топоры. — Не ваши ли?

По толпе пронесся вздох восхищения и облегчения. Люди опустили оружие и заметно

расслабились. Но расходиться никто не торопился. Все с любопытством разглядывали отважного странника. Тем более что капюшон скрывал лишь голову, да остроконечные уши, а утонченное эльфийское, хоть и слегка осунувшееся, лицо невольно приковывало взгляд местных жителей.

— Наши, наши. Как есть наши. — кивал старец, принимая инструмент и передавая его себе за спину. — Ты прости, мил человек, от бандитов теперича совсем жилья не стало. То корову уведут, то девку попорят. Теперь еще и молодежь стращать удумали, мол если к ним не присоединятся, то лучше из дому вообще не выходить. Тимошу вот намедни до полусмерти избили... А какой видный парень был.

Дед хлопнул себя ладонью по лбу:

— Ой! Да что же это я? Ты, поди, с дороги-то устал, проголодался, а я тебя на холоде держу-морожу. Что потом люди про наше гостеприимство скажут? Проходи, мил человек, проходи, гостем будешь.

— А вы чего столпились, окаянные? А ну по домам живо, али дел никаких нет больше? — крикнул он односельчанам, беря Ника под руку. — Я Нор, староста Габильнута. А тебя как звать, юноша?

— Никан... — чуть было не назвал свое настоящее имя принц. — ...ор. Никанор. — быстро спохватился он.

Нор поселил Никаниэля у себя дома. Не сказать, что это было самое роскошное строение во всей деревне, — такая же одноэтажная хибара, как и остальные семь домов, — но статус все-таки чувствовался.

Едва пройдя в сени молодой эльф сразу обратил внимание на начищенный до блеска меч, почетно висевший на стене прямо напротив входа. Принц вопросительно посмотрел на старосту.

— Эй, Мари! — крикнул тот куда-то вглубь. — Накрывай на стол! У нас гости!

Повернувшись к Нику, старик ответил на незаданный вопрос:

— Все верно, Никанор, до того как осесть здесь, я много лет служил наемником в отряде Черного Сокола. Эх и славные были деньки! Битвы, девки, вино рекой! Как-то раз меня даже удостоили личной записи в анналах отряда.

Губы старосты подернула мечтательная улыбка.

— Но вот, лет двадцать назад, понял я, что слишком постарел мечом махать. Да и вернулся сюда, к Мари. Ох и навеселились мы с ней, когда отряд тут проходом был! Огонь-баба! А вернувшись, оказалось, что меня уже и дети заждались. О как оно сложилось. Теперь меня от крестьянина и не отличишь совсем.

Прокашлявшись, дед скинул плащ и протянул руку за никаниэлевским, но тот вежливо отстранился:

— Прошу прощения, уважаемый Нор, но по заветам моей религии, которым я неукоснительно следую, мне нельзя находиться в обществе с непокрытой головой. Да вот только шляпу мою уже неделю как ветром унесло. Так и приходится ходить в капюшоне.

На всякий случай, он решил пока не афишировать принадлежность к эльфам. Неизвестно как люди относятся к другим расам.

— Религия это серьезно! Уж каких только чудных обычаев я за свою службу не повидал. Один мой товарищ, храни боги его душу, вообще ел исключительно стоя на одной ноге. Тоже говорил: «религия»! Так и помер бедолага — поперхнулся.

Сняв со стены широкополую, темно-зеленую шляпу с завязочками и отряхнув ее от пыли, старик протянул убор Нику:

— На, владей. Все равно уже давно тут без толку весит. А так, глядишь, хоть свет увидит.

— Спасибо, староста. — молодой эльф слегка поклонился. — Вот только есть еще кое-что. Мне, право, неудобно, но, как видите, одежда моя вся истрепалась да испачкалась. Неприлично в таком виде к столу-то идти.

— Да уж вижу, чай не слепой. Пойдем, покажу, где спать будешь, да заодно одежду тебе подберем.

Разувшись, мужчины прошли в тесную комнатку с кроватью, где Нор достал из сундука туго затянутый куль и бросил его Нику:

— На вот. Эт сына моего старшего. Вы с ним как раз примерно росту одного будете. А ему, мож, и не понадобится... — дед несколько замялся и добавил. — Одевайся, да скорее к столу. Там, небось, уже готово все.

Дождавшись пока пожилой наемник выйдет, Никаниэль разделся, спрятал меч и сумку под кровать, завернул набор скаута в остатки плаща и ловким пинком отправил их туда же.

Не без труда развязав куль, Ник обнаружил в нем несколько комплектов различной домотканой одежды. Быстро, чтобы не заставлять хозяев ждать, молодой эльф облачился в просторные зеленые штаны и длинную белую рубашку с вышивкой. Скрыв остроконечные уши шляпой, он вышел из комнаты и направился в сторону голосов.

Едва принц вошел в комнату, все разом смолкли и девять пар глаз изучающе уставились на гостя. Во главе стола вместе с пожилой женщиной сидел Нор. Справа и слева от них расположились две женщины помоложе. Одна из них как раз обнимала за плечи молодую, златовласую девушку. Но больше всего Никаниэля удивила четверка сорванцов, напавших на него днем.

— Семья, знакомьтесь — это Никанор — отважный путешественник в одиночку навалявший прихвостням Кровавого Джона и вернувший топоры в нашу деревню. — встав с места, взял слово староста. И тут же принялся представлять домочадцев. — Это Мари, жена моя. Умница и красавица. Вот Элет и Хэси, мои дочь и сноха. Ну и внуки: Тим и Дим, Рон и Роб, и, конечно же, лапушка Анет — услада очей моих.

Едва встретившись взглядом с Ником, Анет вспыхнула, как помидор и поспешно уткнулась лицом в плечо матери. Да и две пары близнецов поникли головами и явно чувствовали себя не в своей тарелке.

— Проходи, гость дорогой, располагайся, — не обращая внимания на поведение внуков, Нор указал рукой на место напротив себя, — мы люди простые, чем богаты — тем и рады. И, это, давай без лишних церемоний, уж больно есть хочется.

И, не откладывая в долгий ящик, открыл стоящий в центре стола чугунок, тут же окутавшийся паром, и зачерпнул себе пару поварешек густого, ароматного варева.

Принца не надо было долго упрашивать. Он уже несколько дней питался исключительно травой и теперь его желудок недвусмысленно намекал, что пора бы эту диету прекращать. А витавшие в комнате запахи свежего хлеба, вареной картошки и различных солений наполняли слюной рот настолько быстро, что голодный эльф едва успевал ее сглатывать.

Следуя примеру хозяина, Никаниэль наполнил свою миску и мгновенно опустошил ее, закусывая блюдо свежими овощами, явно только что собранными с грядки. Собственно, он так быстро съел свою порцию, что не успел даже понять, что же это было. Осталось только приятное чувство, что ничего вкуснее он в жизни не пробовал.

— Вот это да, молодой человек, а аппетит у тебя что надо! — хохотнув подметил Нор, хрустя соленым огурчиком. — Не стесняйся, накладывай еще. Сегодня праздник! Давненько у нас добрых гостей не было. Парни, я вижу вы не голодны, — все четверо мальчишек угрюмо размазывали еду по мискам, — Роб, сгоняй-ка к Винни. Пусть выделит нам кувшин первача, да посвежее! Скажи, потом сочтемся.

Услышав про Винни, Роб оглянулся на братьев, побледнел и, тщательно отводя взгляд от Ника, с готовностью покинул стол и убежал, хлопнув входной дверью.

— Винни у нас винодел. — усмехнулся староста, накладывая себе картошки. — Все мечтает вино сделать. Да только откуда ж в наших краях винограду взяться? Вот и гонит он из всего подряд, да настойки разные настаивает. Но все едино вином называет. От того и прозвали его — Винни. Тоже сегодня, кстати, говорит, джоновцев видел. Да вот только правда это, аль опять ему по синему глазу померещилось, никто не знает. Ты к картошечке грибков возьми маринованных — маслята в том году сказочные уродились!

И не подумав возражать, молодой эльф, приправил картошку маслятами, посыпал

укропом и, отломив кус свежего домашнего хлеба, умял это блюдо так же быстро как предыдущее.

Вскоре вернулся Роб, осторожно неся глиняный кувшин с завязанным тканью горлышком. Парень отдал алкоголь деду и, поманив братьев, вместе с ними покинул трапезную.

— Ну, гость дорогой, уважь старика. — староста принялся разливать мутную жидкость по чаркам, не забыв и про женщин.

— Прошу прощения, уважаемый Нор, но я... — начал было принц.

— Никаких но! — резко перебил его хозяин дома. — Мы твои традиции уважили, вот и ты наши уважь. По завету Лаода немножко надо. Для здоровья. Священный свет! — и залпом выпил свою чару, занюхав рукавом. — Хорошо пошла!

Никаниэль не помнил у бога света ни одной заповеди, связанной с выпивкой, но спорить с гостеприимным дедом не стал и тоже пригубил напиток.

На удивление, несмотря на противный запах и подозрительный внешний вид, вкус оказался весьма приятным. Ник почти никогда не пил крепких напитков и не был их поклонником, но даже он смог оценить навыки Винни, сумевшего придать своему зелью эти необычные травяные нотки.

Нор же, тем временем, уже налил вторую:

— Пусть павшим на полях сражений

Лежится мягко и легко.

Живым же хватит пусть везенья

Дойти до дома своего.

В комнате мгновенно повисла гнетущая тишина, которую, впрочем, тут же нарушил сам хозяин:

— Ладно, бабаньки, не раскисайте. Хорошо все будет. Это, Ник, — можно я буду звать тебя Ник? — старая солдатская тризна. У солдат принято чтить память об умерших товарищах и желать удачи друг другу. Ведь каждый опытный воин знает, что как бы хорош ты ни был в бою, отвернется от тебя удача — и никакой доспех от смерти не защитит.

Староста окунул в чарку большой палец, тут же стряхнул с него капли на пол и, медленно выщедив настойку, устало опустился на лавку.

Никаниэль, в силу своей молодости, больше верил в ловкость рук и в остроту клинка, чем в удачу. Но и он не раз слышал, как эльфийские войны в пять, в шесть, а то и в десять раз его старше, перед серьезным сражением желали друг другу счастливой звезды на небосводе. А потому, ни секунды не задумываясь, повторил жест старого вояки.

Нор с уважением посмотрел на гостя.

А вот Ника мгновенно развезло. Долгие дни в суровых условиях, постоянные недосыпание и недоедание, напряжение — все это в одночасье сменилось горячей сытной едой, чистой одеждой и теплом домашнего очага. Да еще и крепкая выпивка в придачу.

Принц понял, что еще несколько секунд и он уснет прямо тут, лицом в квашеной капусте. А потому он встал, вежливо поблагодарил за гостеприимство и нетвердой походкой пошел к выделенному спальному месту, где мгновенно заснул, едва коснувшись головой подушки.

Никаниэль проснулся с первыми лучами солнца. Он отлично выспался и чувствовал себя просто превосходно. Бесшумно, чтобы не разбудить людей, в одних штанах и шапке он вышел из дома.

Обнаружив за углом бочку с дождевой водой, эльф умылся и напился. Затем он неспешно сделал зарядку, давая мышцам прийти в тонус и разгоняя кровь по телу, вновь освежился у бочки и, устроившись на лавочке перед крыльцом, принялся за работу с магическими каналами.

От медитации его отвлек знакомый голос юного «бандита»:

— Ты ведь не на много старше нас. Где так драться научился?

Перед принцем стоял Дим. Ну или Тим. Кто этих близнецов разберет? Парень с нескрываемым восхищением разглядывал прекрасно развитые мышцы обнаженного торса Ника.

— А сколько, по-твоему, мне лет? — вопросом на вопрос ответил принц, пользуясь подвернувшейся возможностью выяснить на сколько он выглядит в глазах людей. Наверняка потом пригодится.

— Пятнадцать. Может шестнадцать. Но это вряд ли. — ответил близнец, придирчиво осмотрев гостя. — Нам с Тимом по тринадцать, Рону и Робу почти одиннадцать. Вчетвером мы даже с отцом справляемся, а его драться дед учил. А тот наемником был, слышал? А ты нас как котят раскидал! Как так?!

«Я в тринадцать еще в солдатиков играл, а они...»

— Мой отец в свое время был лучшим мечом Пантиока. — принялся на ходу сочинять Ник. — Он не раз занимал первые места на турнирах и лично принялся обучать меня, еда я научился ходить.

— Ух ты! Вот это да! Лучший меч столицы! Кто бы мог подумать? — от удивления глаза Дима чуть не вылезли из орбит. — А что дальше?

— А дальше... дальше в Пантиоке случился очередной дворцовый переворот, отца обвинили в измене и казнили, а мне пришлось бежать. Вот с тех пор я и скитаюсь по королевствам, ищу свое место в жизни.

Никаниэль развел руками и выдавил из себя грустную улыбку.

Исходя из того что он знал о людях, эта история должны была звучать весьма правдоподобно. И, судя по всему, тут он попал в точку.

— Проклятые короли с их проклятой борьбой за власть! — зло вскрикнул парень, сжав кулаки. В его глазах стояли слезы. — Вот чего им вечно не хватает?! Зачем они это делают?! Ты, значит, такой же, как мы? От папы с дядей уже полгода вестей нет...

— А что случилось?

— Ты не знаешь? Ах да, ты же не местный... Король наш — граф Ранцис IV, полтора года назад решил, что соседнее баронство, что дальше на юг вдоль волшебного леса, должно тоже ему принадлежать. Собрал всех кто может держать оружие да и напал. А барон Рифин, говорят, союз с кем-то заключил и уступать не собирается. Так и воюют.

Дим рукавом вытер слезы и, разглядывая пальцы на ногах, тихим голосом продолжил:

— По началу, изредка, но весточки от отца с дядей нет-нет, да и приходили. А теперь уж мы не знаем, что и думать. Мож в плену они, мож ранены, а может и вовсе... Да еще и

бандиты теперь совсем распоясались! Раньше они тихо по лесам сидели и лишь изредка на дорогах безобразничали. А как мужиков по деревьям не стало, так совсем страх потеряли! Что хотят то воруют!

— Это ты про Кровавого Джона?

В этот момент, невольно прервав их диалог, на крыльцо вышла Анет. Но, едва увидев полуобнаженного Ника, мгновенно покраснела и, приснув, убежала обратно в дом.

Дим залиvisto расхохотался.

— Что это с ней? — недоумевая, спросил эльф.

— А то ты не знаешь. — уперев руки в боки, будто обвиняя, проговорил парень. Но, не видя никакой реакции, продолжил. — Анка ночью в комнату к тебе пробралась, растолкать пыталась. Но ты дрых как медведь в берлоге и на красу нашу ноль внимания! Вот умора! Эх, вот бы и мне такую смазливую мордашку — все девки мои бы были!

Ник пообещал себе не брать и капли в рот до возвращения домой. А если бы к нему так орк подкрался?

— Э-эм, погоди, — осенило вдруг принца, — а ты откуда знаешь, что она ко мне ночью приходила?

Дим заметно смутился:

— Ну, понимаешь, мы с ребятами после ужина решили проследить за тобой. Вдруг ты засланец джоновский и замыслишь что недоброе. Так до утра по очереди тебя и караулили. Это теперь-то я вижу, что ты свой парень. В общем, прости нас, если сможешь, за слежку и за... э-э, ну... и за вчерашнее. Не со зла мы. И спасибо что не выдал...

Внук старосты окончательно ступешался и стоял красный как вареный рак, ковыряя ногой землю. Ник тоже не знал что сказать.

От неловкой ситуации их спас крик Марии, созывавший всех к завтраку.

За трапезой эльф поблагодарил всех за гостеприимство, попросил остаться еще на одну ночь ну и какой-нибудь еды в дорогу. Добрые люди обещали снабдить его всем необходимым бесплатно, но Никаниэль настоял и весь день помогал деревне по части грубой мужской силы. Где-то забор поправил, где-то еще что. Соответствующих навыков у него не было, так что получалось у него так себе, но он искренне старался и люди это видели.

С вечера собрав все необходимое и заранее попрощавшись с гостеприимными хозяевами, Ник собирался отправиться в путь с самого раннего утра. Но его планам не суждено было сбыться.

Посреди ночи принца разбудили голоса, о чем-то громко спорившие в сених. Не забыв надеть шляпу, он вышел на шум и застал старосту, пытавшегося снять со стены меч и близнецов, не дававших ему этого сделать. В углу тихо плакала Элет, а Мари и Хэси гладили ее по волосам и старались успокоить.

— Пустите меня, окаянные, — натужно твердил Нор, тщетно силясь сбросить с себя внуков, — пустите, я им всем покажу. Я покажу им всем, пустите...

Слезы текли у него по щекам, но сил справиться с парнями у него не хватало.

— Куда ты пойдешь, дедушка? — пытался образумить его один из младших близнецов. — Ты уже ходишь-то с трудом. Какой тебе меч? Мы сами вчетвером справимся, не маленькие уже!

Никаниэль подошел и помог угомонить старика. Тот обессиленно сел прямо на пол и затих, обхватив голову руками.

— Что случилось, парни? — вкрадчиво поинтересовался Ник.

— Анку джоновцы похитили. — проронил Дим, снимая со стены дедов меч. — Тим их остановить пытался, да вон что вышло.

По лицу Тима расплывался здоровенный багровый синяк.

— Никанор, ты же умеешь драться, помоги нам, пожалуйста! — практически хором прокричали подскочившие к молодому эльфу Рон и Роб.

— Без него справимся. — буркнул Тим. — Это наше дело. Нечего чужих впутывать.

Конечно же благородный принц не мог оставить приютившую его семью в беде. Тем более, что Анет была весьма миловидна и даже чем-то напомнила ему Элельен в детстве. Хоть и очень отдаленно.

— Слушайте меня! — решительным тоном скомандовал Никаниэль. — Со мной пойдут Тим и Дим. Берите меч, топор и веревку. Наденьте что-нибудь поплотнее. Рон и Роб, вы останетесь присматривать за домом и женщинами. И никаких возражений!

Быстро переодевшись в скаутский комплект и подпоясавшись Люминистиллом, Ник вышел во двор. Его голову венчала уже практически ставшая родной шляпа, а меч и необычную в здешних краях одежду он прикрыл потрепанным дорожным плащом.

Снаружи, активно жестикулируя, спорили все четверо парней. Едва заметив гостя, младшие близнецы тут же подскочили к нему и наперебой принялись уговаривать взять их с собой. В руках они держали уже знакомые принцу топоры и были настроены весьма решительно.

Воспитанный быть лидером эльф не стал тратить время на ненужные дискуссии и остудил пыл ребят всего одним вопросом:

— А кто защитит деревню и женщин, если бандиты вдруг вернуться пока нас не будет?

Не найдя что ответить, Рон и Роб согласились с возложенной на них миссией охраны селения и с серьезными лицами принялись делить зоны ответственности, а Никаниэль отправился к старшим близнецам.

Вняв совету, Тим и Дим облачились в плотную зимнюю одежду подпоясанную веревкой. От прямых ударов она их, конечно, не защитит, но в какой-то ситуации может все-таки спасти жизнь.

Дим мужественно сжимал в руках топор, а дедов меч достался Тиму. Парни явно нервничали, но изо всех старались этого не показывать и выглядеть так, как в представлении мальчишек должны выглядеть brave воюки — уверенно и непоколебимо.

Получалось у них не очень. Тим так и вовсе покрылся испариной. Хотя, возможно, это из-за нешуточного удара по голове, полученного совсем недавно.

На самом деле Никаниэль волновался и сам. Не считая засады на браконьеров, его реальный боевой опыт ограничивался лишь памятной битвой с орками. А тут ему предстояло противостоять целой банде. Да еще и нести ответственность за чужие жизни. Впрочем, как раз к этому его готовили с рождения.

— Ну что, бойцы, накажем злодеев, спасем принцессу — героями будете! — попытался подбодрить ребят Ник. Конечно он не был уверен, что справится с шайкой деревенских разбойников, но годы тренировок давали ему определенные шансы. С начала же их еще предстояло как-то найти. — Где этот Джон хоть обитает-то и сколько у него людей?

— Тут не очень далеко в лесу есть заброшенная штольня. — ответил Дим. Идея стать героем ему явно пришлась по душе и молодой человек заметно успокоился. — По слухам Кровавый Джон все добро там держит.

— Раньше их трое в банде было. — добавил Тим, отводя от Никаниэля взгляд. — Сейчас больше, наверное. Может возьмем все-таки Рона с Робом? Вдруг их там много уже?

— Не возьмем. Рано им еще. Сами справимся. — отрезал беглый принц. — Ведите уже, план по дороге обсудим.

При свете недавно выглянувшего из-за туч месяца тройка спасателей пробиралась через ночной лес. Опытный эльф двигался как всегда бесшумно, а вот его спутники, казалось, поставили себе целью наступить на каждую сухую ветку и пнуть каждый упавший с дерева лист. Оставалось надеяться, что этот оглушительный треск не привлечет к себе внимания раньше времени.

— Послушай, Тим, что ты там позавчера кричал про вступление к Джону? — прервал

затянувшееся молчание Никаниэль. — Мол кого-то нужно убить или что-то вроде того.

Парень заметно смутился и уже было открыл рот, чтобы ответить, но брат его опередил:

— Ты не суди его строго, Никанор. Когда джоновцы Тимошу избили, мы все сильно испугались. Никому не хотелось быть изувеченным. Вот Тиму и пришла в голову мысль вступить к Джону. Мол нас же четверо, сможем деревню изнутри самой банды защищать. Мяса поедим наконец. А там, глядишь, с Джоном случится что-нибудь и мы домой вернемся... Это я сейчас вижу, что идея бредовая, а тогда, со страху...

Дим покраснел не хуже вчерашнего. Любому кто его сейчас бы увидел, стало сразу понятно, что парню безумно стыдно и он сильно сожалеет о случившемся и о минутах своей слабости.

— Да я не об этом! — нечто подобное беглый принц и предполагал, но вопрос он задал с абсолютно другой целью. — Нам же нужно как-то подобраться поближе к Джону. Прорываться с боем — далеко не лучшая идея, да и Анет может пострадать. Тут нужна хитрость. Так что там на счет вступления?

— А, ты об этом? — облегченно вздохнул Дим. — Ну так все же знают, что если хочешь вступить в какую-нибудь банду, нужно доказать что ты такой же как они и можешь приносить пользу. Ограбить кого-нибудь, например, ну или как-нибудь по другому угодить лидеру. А ты хочешь..?

— Я хочу обойтись малой кровью. Подберемся поближе к Кровавому Джону, разделаемся с ним, а остальные сами разбегутся. Вы веревку взяли? — спросил у ребят Ник.

— Конечно. Тим, покажи. — Тим достал из-за пазухи моток нетолстой льняной веревки. — Мама на ней белье сушит. Подойдет?

— Подойдет.

— А зачем она нам нужна?

— Ну вы же хотели к Джону вступить, вот и вступите.

Видя недоумение на лицах близнецов Никаниэль пояснил:

— Раз для того, чтобы присоединиться к банде нужно как-то выделиться, ты вы приведете Джону пленника — меня, а я попрошусь откупиться. Веревка же нужна для правдоподобности. Что я за пленник такой, если даже не связан?

От удивления парни даже остановились:

— А дальше что?

— Убьем или захватим Джона, спасем вашу двоюродную сестру, и, пользуясь суматохой, будем прорываться домой.

— Ух ты! Ты это давно придумал? — Дим смотрел на Ника с нескрываемым восхищением, а Тим, почему-то, с недоверием.

— В общем, еще в деревне.

— Вот это да! — Дим хлопнул брата по плечу. — С таким планом, да с Никанором на нашей стороне мы точно сегодня будем героями!

— Не скирдуй солому поперед молотьбы. — пробурчал второй близнец, осторожно потирая фингал. У него энтузиазма было явно поменьше.

К штольне добрались лишь к утру.

Солнце только-только протянуло свои первые лучи из-за горизонта, освещая черный провал тоннеля в основании высокого, покрытого мхом холма. Очевидно здесь был выход некой скальной породы.

А может этот холм — все что осталось от некогда огромной горы, стоявшей тут эпохи

назад. В любом случае кому-то повезло найти здесь полезные ископаемые и сейчас, после их выработки, пустующую шахту облюбовали бандиты Кровавого Джона.

В густых зарослях орешника, недалеко от входа, трое мстителей обсуждали последние детали плана:

— ... ну и дальше по обстоятельствам. Все, Дим, вяжи. — Никаниэль протянул молодому человеку соединенные запястья.

— Ой, пусть лучше Тим. У него пальцы ловчее и с веревками он лучше обращается.

— Хорошо. — Ник обернулся ко второму близнецу. — Только не туго — мне нужно будет иметь возможность быстро освободиться и прийти вам на помощь.

Тим лишь кивнул и принялся за дело. Его пальцы ловко мелькали, накидывая петли и формируя ложные узлы и хитрые переплетения. Спустя пару минут все было окончено. В руках у Тима остался длинный конец веревки, а запястья принца были «надежно» связаны.

Ник убедился, что может легко освободиться из этой конструкции и дал сигнал выдвигаться.

— погоди, Никанор, — остановил его вдруг Дим, — а как же ты будешь сражаться без оружия?

— Ну какое оружие у пленника? На месте добуду. Пойдем уже.

О мече под плащом и кинжалах ребятам знать не обязательно.

Ко входу в штольню подошла процессия из двух вооруженных близнецов, ведущих за собой связанного пленника в грязном, изорванном плаще. Узник вяло передвигал ноги, постоянно спотыкаясь. Его голова в широкополой, надетой набекрень шляпе свешивалась к самому подбородку, будто он пытался разглядеть свой живот или просто безумно устал. Именно такую картину увидели стоявшие на страже бойцы банды Кровавого Джона.

Если их, конечно, можно так назвать.

Вход в логово охраняла пара подростков на вид даже более юных, чем Рон и Роб. По сути, совсем еще дети. На головах у дозорных красовались мятые шлемы с наносниками. Головной убор был им сильно велик и постоянно сползал на глаза, из-за чего его все время приходилось поправлять. Даже дырявый печной горшок на пугале смотрелся бы более внушительно.

Бойцы несли службу не без оружия. Оба опирались на широкие, грубо отесанные дубины в половину своего роста. Угрозы эти поленья в руках детей не представляли никакой. Скорей всего те и поднять-то бы их не смогли.

«Интересно, они их сюда волоком тащили или это недвижимый реквизит местных стражей?» — внезапно подумалось Нику.

— Стой, кто идет? — пропищал тоненький голосок из-под сползшего на лицо шлема.

— Паро-о-аль. — зевая и протирая глаза, лениво протянул второй.

— А ну встать смирно, когда со старшими разговариваете! — внезапно рявкнул на дозорных Тим, видимо понахватавшийся от деда. — Не видите что ли — пленного Кровавому Джону ведем!

От неожиданности юные бандиты вздрогнули и их несуразные головные уборы синхронно съехали им на глаза.

Не обращая более на них внимания, Тим уверенно пошел внутрь, увлекая за собой брата и «пленного».

— Ловко ты их. — усмехнулся Дим, поджигая стоявший около стены старый факел. — Даже я сам поверил. А не нужно ли было спросить куда идти?

— Ну так вперед, куда же еще? Наверное... — менее уверенным голосом добавил Тим.

— Ладно, пойдемте. — скомандовал Никаниэль. — Нечего время терять.

Шахтеры прошлого сработали на совесть. Неизвестно сколько лет или даже веков штольня простояла заброшенной, но за все это время в ней не было ни единого обвала. Опорные балки, как и прежде, надежно поддерживали свод, а ровно отесанные камни не норовили упасть путникам на головы. И только вездесущий запах пыли и запустения выдавал солидный возраст рукотворного тоннеля.

Но, даже несмотря на кажущуюся надежность, эльф — дитя природы — чувствовал себя здесь неуютно.

Практически сразу от входа подземный коридор начал постепенно забираться вправо, одновременно углубляясь под землю. К счастью ответвлений в нем не наблюдалось, и заблудиться или промахнуться тут не получилось бы при всем желании.

Уже довольно скоро из-за очередного поворота послышались голоса, затем показался свет, и группа спасателей очутилась в просторной, освещенной пещере. Когда-то это был большой естественный грот, который позже расширили и облагородили. Сейчас сюда с

легкостью поместился бы дом деревенского старосты вместе со всеми пристройками.

С потолка на значительной высоте свисали сосульки сталактитов, но пол и стены строители выровняли. Похоже, раньше эту пещеру использовали как некий перевалочный пункт. В разные стороны от нее уходило целых три тоннеля разных размеров, а чуть сбоку, у самой стены, зиял чернотой круглый провал вертикальной шахты со спускавшимися вниз ступенями.

Логово бандитов ломилось от всевозможного добра. Коробки, тюки, ящики, свертки — все валялось вперемешку и без какого-либо видимого порядка. Из одной особо крупной кучи барахла и вовсе торчала сломанная оглобля, на которую как раз опирался огромный, полуобнаженный, краснокожий громила.

Судя по всему это и был Кровавый Джон собственной персоной. Похоже кто-то из его предков умудрился согрешить с огром и вот спустя несколько поколений малышу-Джону достался не только внушительный рост в полтора человеческих; не только выдающиеся бугры мышц и полное отсутствие волос; но и кроваво-красный оттенок кожи, за который его, видимо, так и прозвали.

Неподалеку от главаря стояли двое взрослых мужчин. Еще семь парней разного возраста расположились на грудах холщевых мешков. И вся банда свеселыми шутками увлеченно следила за происходящим в дальнем углу действием.

Там, на ворохе овечьих шкур, раскинув руки, лежала обнаженная девушка. Ее некогда прекрасное тело покрывали кровоподтеки и ссадины, губы разбиты, челюсть вывихнута, а верхом ней пыхтел, двигая тазом, однорукий калека. И, судя по отсутствующему взгляду девы, он был сегодня далеко не первым.

— АНЕТ!

Крик Дима, полный боли и ярости, разнесся по пещере. Молодой человек, не раздумывая, рванулся на помощь, но брат удержал его на месте.

— А-а-а, Тим. — обернувшись на крик, краснокожий бугай расплылся в ехидной, желтозубой ухмылке. — Прости, мы тебя не дождались. Уж больно красивая девка. Была. — добавил он, почесывая в паху. — Но ничего, сейчас Пугало кончит и мы, так и быть, пустим тебя. Без очереди!

Кровавый Джон громогласно расхохотался, хлопая себя ручищей по колену. Остальные члены банды, будто стая гиен, мерзко захихикали, вторя своему лидеру.

— Кстати, Тим. — продолжил громила, утерев слезы. — Где же твои братья? Ты обещал привести троих новых членов. Баба это, конечно, хорошо, но банде нужно расти. Особенно если мы хотим захватить Габильнут! И что это за хмырь в шляпе? Еще одна игрушка?

Тим уже было набрал в грудь воздуха, чтобы ответить, но тут Дим, перестав вырываться, оттолкнул руку брата и, грубо схватив его за рукав, закричал ему прямо в лицо:

— Так ты все это время был с ними?! С ними, да?! «Давайте вступим к Джону». «У нас нет другого выбора». «Защитим деревню». Ты уже и тогда был с ними, да? Посмотри, что они сделали с Анет! Ублюдок!

Дим с размаху ударил брата кулаком по лицу и сразу же замахнулся для второго удара, но Тим перехватил его руку и громким шепотом зашипел:

— Очнись, брат! Разуй глаза — мы в полном дерьме! Отец и дядя мертвы, деревня вот-вот загнется, нам не хватит запасов пережить эту зиму! Кто бы не победил в этой дурацкой войне, мы уже проиграли! Остается либо покорно умереть, либо взять судьбу в свои руки. С Джоном сила! С Джоном мы защитим семью, защитим деревню!

— Защитим также как Анет?!

— Сестрица могла бы быть и поговорчивее... — пробормотал Тим, отвернув голову в сторону.

— Да как ты... Ты... — Дим едва мог вздохнуть от возмущения. — Предатель!!!

С этим криком разъяренный молодой человек замахнулся топором и проломил бы брату голову, но в последний момент тот успел подставить меч и отвести оружие в сторону.

— Дим. Стой. Послушай. — взывал к близнецу Джоновец, отбивая удар за ударом. Но тот ничего не желал знать и продолжал яростно размахивать топором. — Ах так?! Получай!

— О-о-о. Семейные разборки! — подал голос Кровавый Джон. — Сегодня у нас день развлечений. В круг их, в круг! И пусть сильнейший пополнит наши ряды!

Едва Никаниль увидел бедняжку Анет, то сразу понял, что план придется менять и попытался освободить руки. Но в этот самый момент Тим, останавливая рывок брата, дернул за веревку и затянул все узлы на руках принца.

Кфхан! Неужели он с самого начала так и задумывал?

Ник изо всех сил пытался распутать хитросплетение на запястьях.

Дим не обманул — его брат действительно оказался весьма искусен в этом деле. Как связанный эльф не старался, ему не удавалось отвоевать для рук ни миллиметра.

Никаниэль вполглаза следил за перепалкой близнецов, не оставляя попыток освободиться, но едва вся банда пришла в движение, он понял что медлить больше нельзя и настало время что-то предпринять.

Под изумленными взглядами преступников, только что стоявший спокойно пленник, разбежался и прыгнул в черный провал вертикальной шахты.

— Сопля, Хвост, убедитесь что он сдох там. — раздался сверху голос Кровавого Джона.

Разумеется беглый принц не собирался кончать жизнь самоубийством. Ведь ему еще предстояло оживить возлюбленную. Спасение Анет и Дима тоже легло на его плечит. Так что едва отправившись в полет, он применил заклинание левитации и теперь плавно планировал в зияющую пустоту подземелья.

Как Ник и предполагал, увиденные им ранее ступеньки, действительно оказались началом винтовой лестницы, ровной спиралью уходившей глубоко под землю. Миновав несколько витков, эльф приземлился на выступ с противоположной стены шахты и, неуклюже взмахнув связанными руками, замер в кромешной тьме, чуть не свалившись еще ниже.

«Во имя Лаода, как же я так вляпался?» — думал Никаниэль, выжывая из-за голенища потайнойкинжал. — *«Ведь нормальный же парень на вид. Ну не извинился, отводил взгляд, но я думал, это из-за меня. Стыдится, стесняется... А он вот как...»*

Изловчившись, принц зажал оружие между коленей и принялся перепиливать веревку.

«И главное как он мог так поступить? С собственной сестрой. Вот ведь подонок!»

Путы наконец поддались и клубком поверженных змей упали к ногам победителя. Грубым пинком Ник отправил их в полет ко дну шахты, спрятал кинжал на место и, растирая запястья, на ощупь отправился наверх.

— Вот и чего вечно Сопля и Хвост?

— Да, чуть что — сразу мы.

— Подумаешь разок попытались Крушитель стащить. Мы же даже поднять его не смогли. Чего он опять?

Сверху, навстречу Никаниэлю беспечно двигались два юных бандита. Их обиженные, детские голоса звонким эхом отражались от стен шахты и улетали дальше, теряясь где-то в глубине. Они даже не были вооружены, и лишь одинокий факел освещал им путь в кромешной тьме.

Каждый раз, когда разбойники оказывались на противоположной стороне, беглый принц замирал, сливаясь с чернотой провала. Ему совсем не хотелось, чтобы случайно бросив вниз взгляд, его заметили живым и невредимым, да еще и уверенно движущимся к пещере.

Но, похоже, волновался он совершенно зря, и внезапная встреча на очередном витке застала джоновцев врасплох.

Эти двое выглядели едва ли старше дозорных у входа в штольню. Но раз их приняли в банду, значит какой-то грешок за ними числился. На всякий случай Ник решил уточнить:

— Эй, что вы сделали, чтобы Джон вас к себе взял?

— Стащили овцу у соседей.

— И дом им сожгли.

— Ага. Вместе с соседями. — гордо ответили «бойцы», не осознавая ситуации.

Стремительным прыжком разозленный эльф подскочил к юным поджигателям и резко стукнул их головами друг об друга. Не став сбрасывать их вниз, принц уложил бандитов на ступени и, подхватив чуть не улетевший во тьму факел, решительно двинулся дальше.

Повезет — выживут. Может поумнеют.

Добравшись до пещеры, Никаниэль осторожно выглянул, проверяя обстановку. Поблизости никого не наблюдалось.

Из-за ближайшей горы хлама раздавались радостные крики и улюлюканье.

Медленно вынув Люминистилл из ножен, Ник осторожно двинулся на голоса, стараясь ничего не задеть и не привлечь к себе внимания раньше времени. Никакого плана у него не было, так что сперва не мешало бы оценить обстановку.

Оказалось, что следуя команде босса, все члены банды встали в круг, где сейчас и сражались близнецы. Оба уже заметно устали и имели несколько ранений из которых постепенно сочилась кровь.

Парни явно умели обращаться с оружием, но дедов меч своей длинной давал Тиму преимущество, благодаря чему тот держал брата на дистанции, не давая приблизиться и вынуждая постоянно защищаться.

Такая нечестная схватка не могла продолжаться долго, но, перед тем как вмешаться, нужно было сперва разобраться с еще одним делом.

Оказалось, что все-таки кое-кто предпочел битве в круге другое развлечение. Пугало. Однорукий калека так и не слез с Анет, продолжая наслаждаться стройным телом юной девы. Или хотя бы тем, что от него осталось.

Широкой дугой обойдя логово бандитов, осторожный эльф незаметно подкрался к ложу из овечьих шкур и, не чувствуя ни капли угрызения совести, резко вонзил кинжал в спину насильнику. Прикрыв рукой рот умирающего, он спихнул агонизировавшее тело на пол и склонился над девушкой.

— Анет, Анет ты меня слышишь? Мы пришли спасти тебя. — зашептал принц ей прямо в ухо.

Взгляд девушки оставался полностью безучастным.

Кфхан! Твари!

Никаниэль завернул внучку старосты в одну из шкур и, отпихнув ногой тело калеки, бережно уложил ее на пол так, чтобы девушку не увидели со стороны круга. Затем заботливо провел ладонью по лицу несчастной и отправился на помощь Диму.

Ник успел вовремя.

Едва он вновь подкрался к поединочному кругу, как Тим, успешно проведя прием, выбил топор из рук брата и направил на него дедов меч.

— Я победил! Сдавайся. — пытаюсь отдышаться, произнес он. — Вступай к нам!

Дим молча плюнул брату в лицо и яростно смотрел на него, будто пытаюсь прожечь

взглядом.

— Раз так...

В этот момент эльф пронзительно свистнул, привлекая к себе внимание, выхватил из ножен стоявшего перед ним мужчины меч и бросил его безоружному Диму. Вся банда замороженного наблюдала, как оружие, описав идеальную дугу, приземлилось прямо в протянутую ладонь парня. Стоило ему коснуться руки, как братья синхронно наклонились, выставили вперед мечи и, сделав шаг навстречу, идентичным движением вонзили их друг в друга.

В полной тишине близнецы свалились набок и лежали на полу будто бы обнявшись. Под их телами медленно расползалась лужа крови.

Только теперь бандиты заметили чужака. Пещера мгновенно наполнилась негодующими криками, но громче всех, несомненно, звучал голос Кровавого Джона:

— Как ты посмел, мудила, вмешаться в священный бой в круге?! Мне наплевать зачем Тим приволок тебя сюда! Мне наплевать, как ты выбрался из шахты и что сделал с Соплей и Хвостом! Но за круг ты ответишь! Черпак, Везунчик, отберите у него эту пырялку и тащите ублюдка сюда!

От толпы, отхлынувшей от Ника после завершения боя в круге, отделилось двое мужчин — единственные обладатели усов в банде Джона. Именно мечом Везунчика Дим заколол брата, но разбойник не терял времени и успел добыть себе новый.

«Да близнецы и те оружие более умело держали». — думал Никаниэль, наблюдая за приближавшимися бандитами. С лиц обоих не сходили ехидные ухмылки. Их было двое и они не сомневались в своей победе над одним, пусть и вооруженным, противником.

Выставив перед собой Люминистилл, принц сделал шаг вперед. Оказавшись в зоне досягаемости, Черпак и Везунчик медленно и неумело взмахнули мечами. И столь корявыми были их движения, что прошедший десятки лет за тренировками эльф успел выполнить за их замах целую связку приемов.

Сперва он рывком сократил дистанцию, затем выпадами влево и вправо ударил по клинкам противников почти у самой гарды, отбивая их в стороны, возвратным движением рубанул Везунчика наискосок через всю грудь и, перехватив поудобнее меч, вонзил его в Черпака снизу вверх, пронзив того наискосок.

Со стороны могло показаться, что Никаниэль будто художник, рисовавший картину. Вся его атака выглядела как единое движение, отточенное до совершенства. Ни одного лишнего жеста. Симфония смерти.

Впрочем, ничего удивительного. К своим семидесяти восьми Ник упражнялся с мечом дольше, чем жил на свете любой из этих бандитов. А они, судя по всему, тренировками себя особо не утруждали.

Эльфийский принц вытащил Люминистилл из тела врага и вызывающе оглядел банду. Кровь разбойников стекала по его мечу, капая на пол и уже образовала небольшую лужицу.

В полной тишине подземелья раздался громогласный крик:

— КРУ-У-У-УГ!

Не смея перечить приказу лидера, оставшиеся бойцы распределились по пещере, образовав широкий круг. Приблизиться к столь стремительному бойцу им явно не хотелось. А почему они держались подальше от Джона принц понял, едва взглянув на краснокожего гиганта.

В правой руке главаря непринужденно покоился массивный двуручный меч. Настолько больших клинков Ник не видел даже у орков. В принципе, приноровившись, он мог бы использовать его как узкую кровать и спать на нем в походах. Вот только таскать с собой такую махину было бы весьма проблематично.

Меч находился в весьма плачевном состоянии. Покрытый пятнами ржавчины, с щербинами — он всем своим видом умолял хозяина привести его в порядок. Никаниэль будто бы даже слышал, как страдает в руках дикаря это некогда великолепное оружие.

Но каким бы потрепанным не выглядел клинок, он все еще представлял для противников смертельную опасность.

«Не порежет, так раздробит. А то и вовсе расплющит...» — думал эльф, наматывая на левую руку свой рваный плащ. — «Придется побегать».

— Вижу, тебе нравится мой Крушитель. — горделиво усмехнулся Кровавый Джон, легко покачивая огромным мечом. Он оценил умения противника и сумел взять свои эмоции под контроль. — В какой-то степени я тебе даже благодарен за возможность вновь ощутить его тяжесть в своих руках. Не часто попадаются враги достойные быть им разрубленными.

Молодой эльф не стал даже пытаться решить дело миром. Он прекрасно понимал, что настолько матерый преступник лишь посмеется над его словами, а потому зачем бесцельно сотрясать воздух? К тому же требовал отмщения безжизненный взгляд Анет, так и стоявший у него перед глазами. Почти такой же недавно был у Элельен...

Не видя никакой реакции у наглеца в шляпе, краснокожий гигант перешел в атаку. Сделав шаг вперед, он широко взмахнул Крушителем, намереваясь одним ударом закончить бой и разрубить своего противника пополам.

Ник тоже был не прочь разобраться поскорее. Он поднырнул под молодецким замахом Джона, резко сократил дистанцию и нанес рубящий удар в грудь бандита.

Под звон столкнувшихся мечей и восхищенные выкрики зрителей Никаниль вновь отскочил на безопасное расстояние.

Оказалось, что, проведя атаку, Кровавый Джон умудрился успеть подтянуть свое монструозное оружие обратно и заблокировать выпад противника свободной частью рукояти. Хват двуручного меча одной рукой позволил ему провернуть такой неожиданный прием.

Какую же силу нужно иметь, чтобы столь быстро такой громадиной размахивать?!

Обменявшись первыми ударами, бойцы не спеша ступали по кругу, по-новому оценивая предстоящую схватку.

В этот раз первым с места сорвался принц. Он резко рванул влево, вынуждая противника подготовиться к атаке с правого бока, но практически сразу, пользуясь врожденной ловкостью, изменил направление и подскочил к гиганту с другой стороны.

Но и там его ждал сюрприз.

Навстречу несущемуся к врагу Нику летел кулак размером с его собственную голову. Чувствуя, что увернуться он уже не успеет, эльф затормозил насколько смог и подставил под

удар противника меч, повернув его плашмя и уперевшись левой ладонью с другого края.

Чувство было такое, будто его на полном скаку сбил конь.

Пролетев несколько метров, Никаниэль врезался спиной в одного из бандитов образовывавших круг и у они вместе упали на пол пещеры. С трудом поднявшись на ноги, беглый принц смотрел, как Кровавый Джон не спеша приближается, кривя рот в ехидной ухмылке.

Руки гудели, а внутренние органы водили хоровод, пытаюсь понять, где же чье место и как его занять.

Внезапно принц почувствовал неприятный укол между лопаток. В этот же самый момент лицо главаря перекошило, и он стремительно бросился вперед. Ник отшатнулся в сторону, уклоняясь от возможной атаки, но Джон бежал не на него.

Взмахнув своим чудовищным оружием, потомок огров превратил тело одного из парней в два кровавых ошметка, разрубив его от правой ключицы до левого бедра.

— Не смей. Мне. Мешать. — роняя каждое слово будто булыжники оземь, прорычал предводитель.

Заведя плохо слушающуюся руку за спину, эльф вытащил из-под лопатки простой разделочный нож. К счастью неопытный бандит не смог полностью пробить дубленую кожу элитного скаутского доспеха эльфийской работы и лишь слегка поцарапал принцу плоть. Но даже так — приятно было мало.

Отбросив нож в сторону, Никаниэль приготовился продолжать бой.

— Так ты еще жив? — удивился Джон, стряхивая с Крушителя кровь. — Хорошая на тебе шкурка. — и вновь пошел в наступление. — Наручи из нее сделаю.

В этот раз он решил действовать более надежно и принялся крутить классическую мельницу. Один из базовых приемов, изучаемый всеми знатными эльфами в числе первых. Достаточно лишь вращать оружием, рисуя перед собой восьмерки и заводя его то слева, то справа от себя.

Естественно Никаниэль знал и методы противодействия. Проблема была лишь в размере меча противника. Да и руки до сих пор предательски подрагивали.

Джон наступал.

Шаг за шагом он неизбежно приближался, периодически делая широкие взмахи, каждый раз вынуждая своего противника уклоняться. Войдя во вкус, он все ускорял темп, и ветер от его размашистых движений заставлял дрожать огонь ближайших факелов.

Время от времени принц выхватывал из груд бандитского хабара какой-нибудь предмет и бросал его в жернова «мельницы». Конечно, он не надеялся таким образом победить, но зато, швырнув очередной ковшик, он понял, что, наконец, достаточно восстановился для более активных действий. И, дождавшись выпада противника, со всей силы нанес удар по приближающемуся мечу.

По идее именно так и нужно прерывать мельницу, но Нику удалось лишь слегка изменить траекторию вращения. Правда уже к следующей атаке громила вновь ее восстановил, будто ничего и не было.

Новый выпад, новый удар по клинку — и вновь никакого эффекта.

Выпад — удар.

Выпад — удар.

Раз за разом эльф применял давно отработанный прием, а Кровавый Джон и не думал прекращать вращение. Казалось он наслаждался бессилием своего противника,

неспособного прорваться в ближний бой.

А вот Никаниэль явно начал сдавать. Его движения становились все медленнее. Он даже иногда пропускал вдоль корпуса выпады Крушителя, оставляя их без попытки сбить врага с ритма.

Оставшиеся в живых члены банды, затаив дыхание, следили за уникальным зрелищем. Они не раз слышали истории о навыках главаря, но вот увидеть их воочию им довелось впервые.

Так не могло долго продолжаться и, уклоняясь от очередной атаки гиганта, принц поскользнулся на разлитой по полу крови и потерял равновесие.

Джон радостно взревел.

Наклонившись, он вытянулся вперед, намереваясь пронзить верткого противника насквозь. Но именно на это и рассчитывал Ник.

Позволив врагу проткнуть намотанный на левое предплечье плащ и ощутив лезвие Крушителя в опасности близости от руки, эльф развернул чужой клинок параллельно земле и нанес мощный удар мечом сверху, ломая оружие на две неравные части. Мгновенно, воспользовавшись инерцией чужой атаки, Ник совершил полный оборот, вгоняя отломанную часть Крушителя Джону чуть ниже уха и падая на пол вместе с поверженным колоссом.

«Получилось!» — тяжело дыша, Никаниэль поднимался на ноги. — «Все-таки получилось!»

На самом деле беглый принц не пытался сбить противнику мельницу. Раз за разом нанося удары по мечу гиганта, он метил в одну и ту же точку — туда, где заметил самую глубокую щербину. На это и был расчет — максимально ослабить оружие врага и, наконец, сломать.

Но даже так, проводя последнюю атаку Ник сильно рисковал. А что если бы Крушитель все-таки выдержал? Но кузнецы древности не подвели, и Люминистилл справился со своей задачей.

Но почему так тихо?

Оглянувшись вокруг, эльф понял, что все оставшиеся члены банды смотрят на него с неподдельным ужасом в глазах.

— Демон...

— Настоящий демон...

— Джона убил проклятый демон...

Хлопнув рукой по голове, Никаниэль понял, что в пылу сражения с него слетела шляпа старосты. Теперь она болталась на завязочках на спине, являя всему свету егодлинные, остроконечные уши.

Почему «демон»? Впрочем...

— А ну проваливайте с глаз моих! — что есть мочи закричал принц, тряся в воздухе мечом. — Пока я вас всех тут к праотцам не отправил! — сил сражаться еще и с остатками своры бандитов у него могло уже и не хватить.

Крича и толкая друг-друга, грозные воры и убийцы бросились к выходу из пещеры, даже не думая о том, чтобы прихватить с собой хоть что-нибудь из награбленного.

Через минуту логово опустело и Ник, вернув Люминистилл в ножны, отправился туда, где вповалку лежали близнецы.

Едва подойдя к братьям, Никаниэль услышал протяжный стон.

Кто-то из них еще жив?!

Не забыв надеть на голову шляпу, эльф склонился над людьми и расцепил их смертельные объятия. Оказалось, что лишь Диму действительно удалось убить брата, пронзив того насквозь. Бандитский меч торчал из спины Тима, не давая телу опрокинуться навзничь.

Сам же Тим, похоже, или промахнулся или вовсе не собирался убивать родственника, но он смог попасть лишь в ногу Дима, проткнув тому правое бедро в опасной близости от мужского достоинства.

Беглый принц ощутил некоторое облегчение от того, что старосте не придется оплакивать смерть обоих внуков. Он подложил под голову раненного найденный тут же тук и принялся приводить парня в сознание.

— Что случилось? — с трудом промычал бледный от потери крови Дим и тут же скривился от боли в ноге.

Это мгновенно его отрезвило.

— Где бандиты? Где Анет? Где Тим?

Тут он повернул голову и увидел брата. Слезы ручьем полились из его глаз, но это были не слезы боли...

— Я... я не хотел. Он бежал на меня, у меня не было выбора!

Несчастный парень с мольбой смотрел на Ника, ожидая от того слов поддержки или утешения, но молодой эльф впервые оказался в подобной ситуации. Ком горечи подкатил к его горлу, не позволяя даже открыть рот.

Сам Никаниэль уже успел на себе испытать что такое смерть близкого. Он всю жизнь готовился биться плечом к плечу с товарищами, защищая границы родины от орчьих набегов и совершая ответные рейды. Он учился рубить врагов, получал раны на тренировках и не единожды лежал в лазарете, ожидая помощи жрецов и лекаря. Каждый эльфийский воин понимал, что может когда-нибудь не вернуться домой. Но то воин. Он знает на что идет. А тут...

Принц отвел глаза, не в силах выдержать полный страдания взгляд подростка.

— Нужно вытащить меч. — хриплым голосом произнес Ник и принялся за дело. Он был готов заняться чем угодно, лишь бы вновь не смотреть в эти наполненные болью и скорбью глаза.

Одним из своих кинжалов эльф осторожно срезал окровавленную штанину и осмотрел рану. Судя по всему, кость оказалась не задета. Повезет — будет жить.

Ник сильно сомневался, что в такой глуши найдется жрец Лаода или Аракая, да и на стоящего лекаря рассчитывать явно не приходилось. Поэтому, хоть его познания в медицине и были весьма посредственными, он решил действовать самостоятельно.

По-прежнему не глядя в глаза Диму, Никаниэль развел неподалеку, прямо на полу костер и аккуратно положил в него бандитский меч. Пока оружие прокаливалось, он осмотрелся в округе и без труда нашел бутылку крепкого алкоголя, несколько более или менее чистых тряпок и кувшин с обыкновенной водой. Все это он подтащил поближе к раненному и взялся за дело.

Сперва принц дал парню сделать несколько глотков бандитского пойла, затем и сам хлебнул для храбрости, а остатками обильно полил рану. Дим шипел, но держался.

После этого эльф намочил водой пару тряпок и тщательно их отжал. А еще одну туго свернул и дал юноше зажать ее зубами.

— Да поможет нам Лаод!

С этой краткой молитвой Никаниэль резким, но весьма точным движением выдернул меч из ноги пациента. Дим замычал. Его тело изогнулось от боли. Лицо, мгновенно покрывшееся испариной, исказила еле сдерживаемая мука. Но сознания он не потерял и, тяжело дыша сквозь стиснутые на кляпе зубы, вновь опустился на спину.

А Ник продолжал.

Отбросив окровавленное оружие в сторону, он вытащил из костра раскаленный меч и аккуратно прижал его к ране с внешней стороны. Плоть зашипела. Резко запахло жареным мясом. Дим закричал, вновь выгнулся, упершись руками в землю, и безвольно упал на пол, не выдержав подобного издевательства над своим телом.

Вспотевший эльф вскользь подумал, что для парня так даже лучше. Его и самого колотило, но он должен был закончить начатое.

Взяв себя в руки, начинающий коновал аналогичным образом прижег рану и с противоположной стороны бедра. Затем он наложил заклинание охлаждения на заранее отжатые лоскуты и аккуратно примотал их оставшимися тряпками к искалеченной ноге Дима.

Ника откровенно трясло.

«Кто же знал, что будет так сложно!» — думал он, проверяя, пережил ли вообще парень эту процедуру. — «Чтоб я еще раз ругал лекаря! Лаод свидетель!»

Убедившись, что пациент жив, эльф вытер с пола кровь, и хотел было улечься рядом, но вспомнил еще об одном. С трудом переставляя непослушные ноги, он доковылял до вороха овечьих шкур и склонился над внучкой старосты:

— Анет, ты меня слышишь?

Девушка была в сознании, но ее абсолютно пустые, безжизненные глаза смотрели будто бы сквозь спасителя, сквозь потолок пещеры — куда-то невероятно далеко. Туда, где нет ни боли, ни страданий. Где детей не убивают и не заставляют убивать. Где нет лжи, предательства, страха. Где все создания живут в мире и гармонии друг с другом и с окружающим миром.

А есть ли вообще такое место?

Никаниэль осторожно вправил девушке вывихнутую челюсть, нежно провел по золотистым волосам и, наклонившись к самому лицу, тихо прошептал:

— Поспи, дорогая. Тебе обязательно нужно поспать. Скоро ты будешь дома.

Бережно подняв завернутую в шкуру деву, уставший эльф нашел в себе силы донести ее до Дима и уложить их рядом.

Спать хотелось безумно. Практически бессонная ночь, дорога до заброшенной штольни, сумасшедшая схватка на грани жизни и смерти, рискованная операция — все это сильно вымотало беглого принца, причем как физически, так и духовно. Потому стоило лишь ему примостить голову на сгиб левой руки, как он мгновенно провалился в тревожный, полный смутных кошмаров и образов сон.

Но нормально выспаться ему, к сожалению, не удалось. В очередной раз уклоняясь во сне от смертельно опасных выпадов Кровавого Джона, Ник услышал какое-то неясное

дребезжание и последующий громкий шепот:

— Ты что творишь, Хвост, хочешь разбудить тут всех?!

Никаниэль открыл глаза. В пещере царила практически полная темнота. Факелы давно прогорели, а несколько оставшихся ламп не могли полностью разогнать густой мрак подземелья.

— Конечно нет, Сопля, но нам обязательно нужно найти Джона. Лучше мы сами сознаемся, что упустили пленника, чем ему это скажет кто-то другой. Разве нет?

— Конечно да, дебил! Но хорош тут все крушить пока не... Ой-ой-ой а ч-ч-что это?!

Значит поджигатели выжили. Везучие.

Злой спросонья эльф, с Люминистиллом наголо, предстал перед последними остатками банды Кровавого Джона. Юные разбойники, раскрыв рты, неверяще взирали на тело своего главаря в огромной луже крови и даже не видели, что рядом с ними стоит некто с мечом.

— Кхм-кхм. — привлек их внимание Ник.

От неожиданности «бойцы» синхронно упали на пятые точки.

— Это... это т-ты его? — заикаясь, спросил один из них с возрастающим ужасом в глазах.

— Я, я. И всех остальных тоже я. А теперь и ваша очередь. — Никаниэль занес над головой меч и двинулся вперед.

Даже при оставшемся тусклом свете стало видно как побледнели джоновцы. Внезапно они завопили и, оставив на полу две мокрых лужи, помчались прочь, не разбирая дороги.

— Ты правда всю банду вырезал? — раздался из-за спины хриплый голос Дима.

— Только часть. Остальные разбежались. — беглый принц вернулся к раненному. — Как себя чувствуешь?

— Дерьмово. — просипел парень и закашлялся. — Воды. — попросил он.

Напившись, Дим откинулся на служивший ему подушкой тюк и вновь погрузился в беспомощное забытие.

Ник сходил еще за двумя шкурами. Одной он укутал начавшего дрожать юношу, а другой укрылся сам.

Больше их сон никто не тревожил.

Никаниэлю показалось, что он проспал часов эдак двадцать.

Не открывая глаз, Ник осторожно потянулся.

Слегка побаливали ушибы и порез на спине, но, в целом, здоровый сон и молодость сделали свое дело — тревоги и волнения отошли на второй план и принц чувствовал себя просто великолепно.

— Проснулся наконец? — раздался неподалеку хриплый но вполне свежий голос Дима. — Воды дай, пожалуйста, а то я в этой темноте даже собственного носа не вижу.

Эльф открыл глаза и, действительно, ничего не изменилось. Тьма вокруг стояла кромешная. Факелы уже давно прогорели, а после, в какой-то момент, к ним присоединились и лампы. Теперь ни единого луча света не освещало пещеру.

Откинув служившую одеялом шкуру, Никаниэль наощупь добрался до кострища. Там он отыскал оставленное неподалеку огниво и, вскоре, костер, сложенный из всякого бандитского хлама, весело трещал, даря окружающим свет и тепло.

— Что с Ан? — тревожно спросил Дим, вдоволь напившись. — Она молчит, не двигается и даже на имя не отзывается. А еще ее взгляды... Что с ней?

— Понимаешь, Дим, — тяжело вздохнув, принялся объяснять принц, — после того, что ей пришлось пережить, она, как могла, спряталась от внешнего мира. Отгородилась. Заперлась. На сотню засовов закрыла дверь наружу. Возможно, только это и помогло ей выжить, когда джоновцы один за другим издевались над ней.

В бессильной злобе внук старосты с размаху ударил кулаком об пол. Из глаз его текли слезы, а плотно сжатые губы с трудом сдерживали рвущийся наружу крик.

Раненный парень, на животе, цепляясь руками за камни, подполз к сестре. Прижавшись лбом к ее лицу, он тихо прошептал:

— Прости меня, Ан. Это я виноват. Если бы я лучше слушал Тима, если бы я понял его мысли...

Ник хотел было подойти, но, не найдя слов утешения, развернулся и отправился искать провизию бандитов. На сердце у принца скреблись кошки. Как просто все было в Эльфхейме — постигаешь искусства в школе меча и магии, готовишься к битвам с орками, радуешься жизни, а тут...

Все из-за твари, убившей Элельен!

Всплывший перед глазами образ любимой окончательно испоганил настроение молодого эльфа. Подобрал котелок, которым гремели ночью Сопля и Хвост, Никаниэль, побросав в него найденные рядом овощи и вяленое мясо, отправился к костру варить похлебку.

Процесс приготовления прошел в полной тишине. Дим нежно гладил волосы сестры, уложив ее голову себе на колени, Ник предавался воспоминаниям счастливых дней, проведенных с возлюбленной, и только костер весело потрескивал, жадно пожирая подаренные ему доски.

Сварив суп, беглый принц разлил его по грубым глиняным мискам и тут же съел свою порцию. Организм остро нуждался в восполнении сил. Дима тоже упрашивать не пришлось. С кормлением Анет возникли проблемы, но брату удалось напоить ее хотя бы бульоном.

— Готовишь ты, прямо скажем, так себе. — дружелюбно пошутил юноша, сыто

откинувшись на ворох грязных тряпок.

— Простите, Ваше Благородие, в следующий раз предоставлю такую возможность вам.

— Боюсь тогда, что трупов в этой пещере может стать на три больше. — зевнув, пробормотал Дим и тут же, устроившись поудобнее, уснул.

Правильно. Пусть поспит, наберется сил. Тела бандитов вот-вот начнут разлагаться, и к этому моменту хотелось бы уже быть подальше.

Сам же Никаниэль, подбросив еще дров в костер, сел поровнее и посвятил свободное время работе с магическими каналами. Увлечшись, он не заметил, как прошло уже несколько часов, и лишь шум дыхания Дима, изо всех сил пытающегося раздуть угли, прервал затянувшуюся медитацию.

Эльф не стал изобретать колесо и накормил всех еще одним, точно таким же супом. А после, возле ставшего уже привычным костра, состоялся импровизированный совет.

— Дим, — собравшись с мыслями начал беглый принц, — я понимаю, что тебе тяжело из-за ранения, но нам пора уходить. Скоро трупы станут разлагаться, так что нужно хотя бы перебраться наружу пещеры. Остаться здесь мы все равно не сможем.

— Да, Никанор, конечно. Сейчас немного переварим и можно выдвигаться. Матушка с дедом уже, небось, все локти искусили. А уж что там тетя Элет про Анет успела надумать, я и представить боюсь. — Дим резко погрузнел. — Правда реальность вполне может оказаться еще хуже... В любом случае, нельзя заставлять их так волноваться. Нужно идти домой.

— Но, Дим, твоя нога еще не...

— Да на мне как на собаке заживает! — весело перебил Ника парень. — До деревни точно дойду. А в родном доме и стены помогают.

В качестве демонстрации внук старосты с трудом, но поднялся на ноги и даже сделал несколько неуклюжих шагов. После чего вернулся на место и с вызовом посмотрел на старшего товарища.

«Да я бы после такой раны недели две пластом валялся, а этот уже через день кузнечиком скачет?» — с удивлением подумал Никаниэль. — *«Неужели у людей такая сильная регенерация? Или, может, это его личная особенность?»*

— Хорошо. — не стал спорить эльф. — Значит сразу идем в деревню. Тогда я понесу Анет, а ты — дедов меч. Думаю, это будет тебе по силам.

— Анет. Понесу. Я. — забивая каждое слово, будто гвозди в крышку гроба, проговорил Дим.

Ник хотел было возразить, что ему еще рано, и он с таким не справится, но, встретившись с юношей взглядом, понял, что тот уже все решил и спорить бесполезно. Дим сам понесет сестру домой. И сделает это во что бы то ни стало.

В его взгляде с легкостью читались решимость, уверенность и непоколебимое желание стоять на своем до последнего, а потому Никаниэль не стал даже пытаться его переубедить, а просто молча кивнул и пошел собирать необходимые в дороге вещи.

Вот так. Мальчик стал мужчиной. Хотя чему удивляться, учитывая через что ему пришлось пройти за последние пару дней. Люди. Они же живут еще меньше орков. Но как же, кфхан побери, ярко они живут!

В первой же встреченной деревне Нику довелось испытать эмоций больше, чем за годы жизни во дворце. Эльфы все делали чинно и размеренно. Торопиться некуда. Не принято показывать эмоции. Даже дворцовые интриги запросто могли строиться с расчетом на

триста-четыреста лет.

У людей же все наоборот. Нет времени строить долгоидущие планы. Их жизнь происходит здесь и сейчас. Они принимают решения и тут же воплощают их. Эмоции бьют ключом и, часто, по голове. Никаниэлю было сложно понять такой подход к жизни, но что-то в нем определенно ему нравилось.

Запалив факел и найдя в грудях бандитского барахла широкий удобный плащ взамен изорванному, эльф вернулся обратно к костру. Дим все так же сидел на полу, нежно глядя золотистые волосы двоюродной сестры.

Завидев Ника, он неуклюже поднялся и вновь уверенно посмотрел ему прямо в глаза, готовый отстаивать принятое решение. Но беглый принц и не собирался спорить. Он молча наклонился, взял на руки практически невесомую Анет и протянул ее молодому мужчине.

— Послушай, Ник. — вдруг обратился к спутнику Дим, когда они уже собирались выдвинуться в путь. — А что за странные доспехи ты носишь? Откуда они?

— Давай это останется нашим секретом. — улыбнувшись, ответил эльф.

Едва выйдя наружу, Никаниэль осознал насколько сильно давило на него подземелье. Прожив всю жизнь в лесах, под открытым небом, среди деревьев и цветущей природы, он не мог понять как некоторые расы, вроде дварфов, могли годами, а то и десятилетиями, не покидать своих пещер.

Вдохнув полной грудью свежий воздух и улыбнувшись яркому полуденному солнцу, беглый принц отбросил не нужный более факел и обернулся. У него за спиной, с по-прежнему безучастной Анет на руках, стоял Дим.

Юноша был бледен. Его лоб покрывала испарина.

Но горящие, полные решимости глаза и точно такая же радостная улыбка без сомнения указывали на то, что он тоже рад наконец выбраться из злополучной штольни.

— Может передохнешь? — особо не надеясь на согласие, предложил Ник.

— Дома передохну. К вечеру нужно быть в деревне. — устало произнес Дим и решительно двинулся вперед, подволакивая раненую ногу.

Несмотря на то, что в прошлый раз сюда они шли в темноте, имевший скаутскую подготовку эльф прекрасно ориентировался на местности. Сначала он даже хотел быстро сбегать в Габильнут и привести помощь, но, в итоге, поразмыслив, отказался от этой идеи.

Во-первых, где-то тут бродили остатки разбежавшейся банды, а, во-вторых, на запах крови из чащи могли выйти дикие звери. Да и травмированный парень запросто мог в любой момент потерять сознание.

А потому Никаниэль шел чуть в стороне от хромавшего по лесу Дима, держа в руках найденный в бандитском логове довольно неплохой лук. Меч же старосты, он вложил в трофейные ножны и, не мудрствуя лукаво, заткнул за пояс.

Принц не знал, захочет ли Нор точно так же хранить на стене оружие, испившее крови его собственного внука, но принести назад его нужно было обязательно, а дальше пусть решает сам.

Так они и шли.

Дим монотонно ковылял вперед, глядя строго перед собой, чтобы только лишь не врезаться в дерево. Ник же зорко смотрел по сторонам, готовый в любой момент подхватить Анет из внезапно ослабевших рук.

Ближе к вечеру у внука старосты все-таки открылась рана. Повязка на ноге начала постепенно окрашиваться в красный цвет. Встревоженный эльф заикнулся о перевале, но был просто проигнорирован, продолжающим идти парнем.

Будто в трансе тот делал шаг за шагом, не обращая ни на что внимания. Шаг здоровой ногой, подтянул раненную, шаг здоровой, подтянул раненную, шаг-подтянул, шаг-подтянул — снова и снова, не прекращая и не останавливаясь. Пот ручьями стекал по бледному лицу Дима, плотно сжатые губы лишь изредка приоткрывались, чтобы с хрипом выпустить воздух и тут же вновь сомкнуться.

Но больше всего принца поразило взгляд. Глаза молодого мужчины горели твердостью и решимостью дойти во что бы то ни стало. Дойти. И донести сестру до самого дома, где тепло и любовь родных и близких вырвут девушку из мира грез и помогут вернуть жизнь в прежнее русло.

«Удивительно! Где же тот сопливый мальчишка, который только что канючил из-за

сорвавшего покушения на односельчанина? Какая разительная перемена! Это же теперь совсем другой человек!»

Никаниэль не переставал поражаться произошедшей метаморфозе. Прямо на его глазах, всего за несколько дней Дим прошел весь путь взросления, оставив детство в далеком, недостижимом прошлом и став полноценным мужчиной, способным принимать решения и нести за них ответственность.

«А что на счет меня? Вернусь ли я назад тем же эльфом, что отправился в путь? Что если я уже изменился и сам этого не заметил? Хотя какая разница! Главное вернуть Элельен».

Несмотря на все эти мысли, Ник продолжал зорко следить за окрестностями и вскоре, в сгущающихся сумерках он разглядел два невысоких силуэта едва различимых на фоне деревьев.

Рон и Роб.

Как и приказал беглый принц, ребята несли дозор, защищая родную деревню. И теперь они первые узнали о возвращении Дима с Анет. Едва завидев брата, близнецы тут же подскочили и наперебой принялись задавать вопросы о произошедшем, но, не видя никакой реакции от продолжающего монотонно шагать Дима, убежали вперед, оглашая вечерний лес радостными криками.

У дома старосты их встречала уже вся деревня.

Народ шумел и волновался. Но, по мере приближения, восторженные возгласы постепенно сменялись тревожным шепотом. Люди наконец заметили состояние Анет и Дима. Да и отсутствие второго близнеца невольно заставляло предполагать самое худшее.

Из толпы вырвались две женщины и бросились навстречу.

Элет и Хэси.

Практически оперевшись в них, Дим вдруг закрыл глаза и рухнул как подкошенный.

Неизвестно сколько времени он уже двигался только на морально-волевых, но он дошел! Дошел и принес сестру домой. В безопасность.

Элет успела поймать дочь, подхватив ее из внезапно ослабевших рук племянника. Самого же Дима поддержали одновременно родная мать и вовремя среагировавший принц. Вдвоем они бережно уложили раненного на землю, и тут Хэси задала вопрос, которого Никаниэль боялся больше всего:

— Никанор, что случилось? И... где Тим?!

В пронзительном взгляде женщины читались борьба с подступающим отчаяньем и одновременно робкая надежда на то, что, может быть, все обойдется. А надежда, как известно, умирает последней.

Не найдя в себе сил произнести страшные слова вслух, беглый принц, глядя в глаза несчастной женщины, лишь молча покачал головой.

Она все поняла.

Безумный крик горя пронесся над Габильнудом. Так могла кричать только женщина, потерявшая своего ребенка.

Рыдая, она упала на лежащего на земле Дима, прижимая к себе единственного оставшегося в живых сына.

Чувствуя себя лишним, Никаниэль, подавив предательски подступивший к горлу ком, медленно поднялся на ноги и направился напрямик к дому старосты. Люди молча расступались перед ним, освобождая дорогу и спеша утешить женщин, а за спиной по-

прежнему раздавался плач Хэси и крики Элет, пытавшейся привести в чувства дочь.

Не тратя ни секунды, обескураженный эльф торопливо собрал свои пожитки, подхватил узелок с едой, который собрали ему в дорогу гостеприимные хозяева еще до похищения Анет и стремительным шагом покинул деревню.

Беглый принц ощущал себя в полном раздрае. Шквал людских эмоций захлестнул его с головой и никак не отпускал. Эльфы весьма редко проявляли свои чувства. Только в моменты очень сильных потрясений. В остальное же время они традиционно сохраняли хладнокровие и невозмутимость.

Тут же на Ника обрушился целый фонтан ярких, ни чем не прикрытых людских переживаний. Решимость Дима, радость близнецов, отчаянье Хэси, и даже искреннее сочувствие жителей деревни за судьбу односельчан — все это он невольно пропустил через себя и теперь никак не мог справиться с вихрями и водоворотами в своей душе.

И именно поэтому он не мог остаться в деревне еще хотя бы на минуту. Просто не выдержал бы потока эмоций, льющихся со всех сторон.

Спустя несколько часов непрерывной ходьбы и душевных терзаний молодой эльф более или менее успокоился и присел на большой замшелый камень перекусить. Последний раз он ел еще в пещере среди трупов, и вот чувство голода, наконец, взяло верх над беспокойным разумом.

Но стоило ему развернуть заботливо запакованные продукты и вдохнуть божественный аромат домашней пищи, как вдруг у него за спиной затрещали кусты и из них вывалился запыхавшийся Рон. Ну или Роб — кфхан этих близнецов разберет.

— Уфф, ну ты, конечно, мастак по лесу бегать! Еле догнал! — произнес парень, едва отдышавшись. — Будто это ты в этом лесу родился и каждую кочку тут знаешь, а не я вовсе.

Ник выжидательно смотрел на подростка.

— Слушай, ты, это... Возьми меня с собой! — выпалил юноша, глядя прямо в глаза принцу. — Я тоже хочу стать таким же сильным, как ты. Хочу увидеть мир, хочу путешествовать, а не торчать в этой глуши до самой старости. Или пока не умру в очередной бессмысленной войне, как отец...

Конечно же эльф даже не рассматривал ребенка себе в спутники и тихим голосом спросил:

— Значит ты готов бросить деревню, сестру, маму, брата сейчас, после того что случилось?

— Так а что, собственно, случилось-то? Анку же вы с Димом вернули. А Тим, я так понял, чуть позже придет, нет?

Внук старосты стоял и хлопал удивленными глазами.

Вздыхнув, Ник поведал юноше, о том, что именно произошло с того момента, как он вместе со старшими близнецами отправился спасать красавицу Анет. Без особых подробностей, но в красках. И про то, что случилось с их сестрой, и про предательство Тима, и про бой с Джоном, и про самоотверженность Дима — про все.

Мальчик слушал затаив дыхание и только эмоции, сменяя одна другую, плескались в широко открытых от удивления глазах.

После окончания истории он молча постоял несколько секунд, серьезно кивнул и скрылся в тех кустах, откуда и вылез. Принц же вновь глубоко вздохнул и продолжил прерванную трапезу.

Как и планировал до инцидента с похищением, Никаниэль не стал идти в Тику по прямой дороге вдоль границы с Эльфхеймом. Вместо этого, покинув Габильнут, он взял строго на запад, решив стороной обойти военные действия между Рифином и Ранцисом IV.

Не то чтобы он до дрожи в коленках боялся внезапных стычек с солдатам любой из воюющих сторон, но вот получить случайную стрелу в спину не имел ни малейшего желания. А от случайностей на войне, как известно, не застрахован никто.

Один из особо набожных учителей академии любил рассказывать, как однажды, отбив очередное нападение орков, отряд уже собрался праздновать победу, как вдруг стоявшее неподалеку дерево, подточенное во время боя каким-то заклинанием, с треском упало на командира подразделения. Вовремя среагировав, тот успел отскочить, но особенно крупный сук все равно начисто оторвал бедняге левую ногу.

По счастливой случайности именно в тот день с отрядом нес службу жрец Аракая II ранга, и ногу удалось спасти. Но ведь жреца могло бы и не быть.

Так что, здраво рассудив, что кроме него Элельен спасти некому, осторожный эльф сделал выбор в пользу более долгого, но зато мене опасного маршрута. Тем более, что свернув в людские королевства, значительно раньше запланированного он и так шел сильно опережая изначальный замысел.

Несколько дней прошли в ставшем уже привычном ритме.

По утрам Никаниэль обязательно уделял время работе с магическими каналами, потом до вечера шел, ориентируясь по солнцу и другим лесным приметам, а на ночь забирался на дерево покрупнее, где забывался чутким сном скаута.

Как Ник не старался экономить провизию, но подаренные ему семьей старосты припасы подошли к концу. Уже пару дней он вновь, как и во время бегства из Эльфхейма, питался исключительно тем, что смог добыть своими руками. Единственным исключением стало то, что тут ему не было нужды прятаться и принц не таясь разводил костры, чтобы согреться и приготовить пищу.

И вот, в очередной раз позавтракав лесными орехами и запив их чистой водой из лесного ручья, Никаниэль двинулся в путь и практически сразу вышел на широкую лесную тропу.

Не сказать чтобы тот путь был весьма популярен у местного населения, но время от времени там явно кто-то проходил, а иногда, судя по следам, даже проезжали небольшие повозки. В общем тропа зарастать не успевала, а значит куда-то да вела. И, поскольку ее направление практически совпадало с необходимым, эльф принял решение следовать дальше по ней.

Ярко светило солнце.

И хотя лето уже прошло, природа все еще дарила остатки тепла этому королевству. Даже налетевший вдруг прохладный ветерок лишь потрепал полы взятого в пещере плаща, а вовсе не заставил в него закутаться.

Не было еще и полудня, когда зоркий взгляд Ника выхватил из лесного пейзажа одинокую фигуру стоящую вдалеке у самой дороги. Сперва принц хотел свернуть с маршрута и обойти препятствие лесом, но, рассудив, что вообще неплохо было бы спросить дорогу, решительно двинулся прямо.

По мере приближения беглый принц разглядел, что человек стоял, опершись на алебарду. А прямо перед ним, перегородив путь, лежало крупное сухое бревно.

Засада? Опять бандиты?

Поправив скрывавшую уши шляпу, Никаниэль присмотрелся повнимательнее.

Зачем тогда оставлять кого-то у тропы? Ведь логичнее было бы выскочить неожиданно, когда жертва доберется до препятствия.

Так и не определившись, эльф продолжал идти, мысленно подготовившись в любой момент прыгнуть в сторону, уходя от возможных лучников в ветвях.

Вскоре его заметил и воин с алебардой. Им оказался парень лет шестнадцати от силы. Тот, приняв бравый, вид резко выпрямился, поправил съехавший набок небольшой, практически плоский шлем и стоял, изучая внезапного путника. За спиной же у него оказалась небольшая землянка возле которой спокойно курил трубку немолодой мужчина в точно таком же шлеме.

«Что-то на разбойников они не очень тянут». — подумал Ник, подойдя вплотную к бревну и внимательно осматривая окрестности.

— Ну, чего встал, деньги гони! — расслабленно бросил алебардист.

Бандиты!

Принц хотел уже было прыжком уйти в сторону, но тот вдруг добавил:

— Или первый раз границу переходишь?

Никаниэль мысленно хлопнул себя ладонью по лбу — пограничная застава.

В свете последних событий он совсем забыл, что людские королевства тоже должны как-то охранять и разграничивать свои территории, и ему везде мерещились грабители и разбойники. Впрочем, даже если бы не это, землянка, бревно и два солдата плохо вязались в его голове с охраной независимости целой страны.

— Честно говоря, первый раз. — улыбнувшись, наконец ответил эльф. — Так сколько с меня?

— Десять серебра! — нагло бросил пограничник, с хитрой улыбкой уставившись прямо в глаза путнику.

Ник по-прежнему понятия не имел о расценках на территории людей, но даже ему показалось, что это многовато. Тем не менее он полез рукой за пазуху, случайно задев при этом меч.

В этот самый момент, мирно куривший в сторонке мужик, резко бросил трубку, подскочил к напарнику и отвесил ему такой подзатыльник, что у того аж шлем с головы слетел.

— Просим прощения, Ваше Благородие! — пожилой стражник низко поклонился и сильно ткнул в бок молодого, заставляя сделать то же самое. — Не извольте гневаться. Обознались-с.

— А как же... — начал было парень, но, получив еще один тумак, умолк.

— Проходите, пожалуйста, Ваше Благородие, проходите. Для вас бесплатно-с. — продолжая кланяться, лебезил мужчина.

Так и не поняв, что происходит, Никаниэль медленно обошел перегородившее путь бревно и пошел дальше по дороге. Спустя несколько шагов он обернулся, но те двое так и стояли в глубоком поклоне, не произнося ни звука. И лишь значительно позже до чуткого эльфийского слуха донесся диалог двух пограничников:

— Ну и какого это было, дед?

— А такого! — отвечал старший, отвесив напарнику еще один подзатыльник. — Ты хоть понял, кто это был?

— Нет, а кто?

— Кто-кто. Конь в пальто! Меч видел?

— Нет.

— И я нет. А он был! Ты когда про деньги сказал; то же мне, кстати, «десять серебра»! А что не десять золотых? Когда проход пару медяков стоит!

— Так он же...

— «Он же», «он же». — передразнил мужик. — Так вот, ты когда про деньги ляпнул, «он же» сразу за мечом и полез. У него ножны полу плаща оттопырили. А если у такого юнца уже на поясе меч висит это что значит?

— Благородный... — уныло протянул салага.

— То-то и оно. Так что порубал бы он тебя на десять маленьких пограничников — по одному за каждый серебряк — а король наш, Валхард Теофан, еще и спасибо бы ему потом сказал. Так что, учись, молодой, пока я жив.

Что было дальше не слышал уже даже Ник.

Все-таки даже у эльфийских ушей есть свой предел. Но, по крайней мере, теперь хоть стало понятно, что случилось. Пусть это и было лишь недоразумением.

А еще из улышанного беглый принц узнал одну важную вещь о королевствах. Ведь если в Эльфхейме меч был у каждого первого, и большинство даже в какой-то степени умели им владеть. То тут, похоже, подобное оружие являлось либо редкостью, либо и вовсе привилегией знати.

Ник сделал мысленную зарубку иметь это в виду и не забывать о подобных различиях.

Так, размышляя о том, какие еще расхождения могут встретиться между культурами людей и эльфов, Никаниэль не заметил, как лес сменился полем. А к вечеру тропа и вовсе вывела его к какому-то постоялому двору.

Строение выглядело весьма неприглядно. Покосившиеся, почерневшие от времени, деревянные стены злобно щерились пустыми проемами зарешеченных окон. На большинстве еще сохранились ставни, а отсутствующие, похоже, заменять никто не собирался. Довершали картину большие участки зеленого мха, давно обосновавшиеся по углам.

Изнутри не доносилось ни звука.

Стоило эльфу подойти ко входу, как двери распахнулись, и огромный бородатый мужик с проседью, как котят за шкурку, выкинул наружу двух вусмерть пьяных доходяг.

— И даже не думайте, тля, что я налью вам еще хоть каплю в долг, выродки! — злым, грубым голосом пролаял здоровяк, сплюнув в сторону. — А ты еще кто? — рявкнул он, заметив Ника.

— Посетитель? — на самом деле, после этой сцены Никаниэль вообще не был уверен, хочет ли он заходить внутрь. Но ему уже до колик надоело питаться травой и спать на деревьях. Да и несколько вопросов задать тоже не помешало бы. А то из-за происшествия на границе он так и не смог ничего узнать.

— Ну заходи, тля, чего сопли жуешь? — сменив гнев на милость, бросил бугай, уходя обратно внутрь. — Но в долг не наливаю!

— Да не очень-то и хотелось. — пробубнил принц, но так чтобы его не слышали.

Обстановка внутри оказалась подстать внешнему виду. Пол, застеленный прелой соломой; четыре грубо сколоченных стола никогда не знавших тряпки и липкие даже на вид; несколько лавок; барная стойка — вот и все убранство, гостеприимно встречавшее путников на местном постоялом дворе.

Последние лучи заходящего солнца, свободно проникавшие сквозь пустые провалы окон, служили единственным источником света. Но не похоже чтобы мужчина вообще в нем нуждался. Уверенно лавируя между предметами мебели, он занял место за стойкой и выжидательно уставился на клиента. За его спиной, у дальней стены, медленно булькал мутным варевом котел, установленный в небольшой покосившийся камин.

Больше внутри не наблюдалось ни души.

— Добро пожаловать в «Хмурый Флин». — пробасил владелец, недобро глядя из-под кустистых бровей. — Хмурый Флин — это я.

Приняв решение, эльф глубоко вдохнул и, чуть не закашлявшись от не самой приятной смеси витающих в воздухе ароматов, твердым шагом двинулся на встречу Флину.

Подойдя к стойке, Ник сумел подробно разглядеть владельца заведения. Крупный, мускулистый мужчина лет пятидесяти. Скорей всего всю жизнь проведенный в сражениях или разбое, о чем говорили большое количество татуировок и шрамов, один из которых вообще пересекал весь лоб наискосок.

Да и в целом, лицо у него выглядело так, будто его высекли топором из корявого пня и забыли отшлифовать. Угловатые линии. Квадртанный подбородок, частично скрытый под седеющей бородой. Довершали картину мощные выпирающие скулы.

Какая-нибудь малахольная старушка могла бы отдать богам душу от одного вида такой образины, доведись ей случайно столкнуться с ним в темном переулке. Хотя, что делала сама старушка в том переулке — вопрос оставался открытым.

— Ну. — прервал молчание Флин, первым закончив разглядывать путника. — Чего

тебе?

— Мне нужна комната на две ночи и горячая еда.

С остальными вопросами беглый принц решил разобраться на следующий день.

— Деньги вперед.

Вот кфхан! И сумму не назвал. Как будто все должны быть в курсе расценок.

К счастью, за время своего странствия Никаниэль уже придумал план действий на подобный случай. Вытащив одну золотую монету, а других денег у него просто не было, Ник прижал ее пальцем к столешнице и медленно выдвинул на середину, не отпуская.

При этом он внимательно следил за выражением лица корчемника. А там было на что посмотреть.

За мгновение на нем сменилось несколько противоречивых эмоций: удивление, недоверие, надежда и, наконец, алчность. Глаза Флина так и светились жадной наживы. Огромная лапища хозяина двора, словно ковшом накрыла золотой кругляш вместе рукой принца.

Но подготовившийся эльф не торопился отдавать монету. Глядя прямо в горящие жадностью глаза он добавил:

— И недельный запас пищи с собой в дорогу.

Никаких изменений.

— Двухнедельный. И побольше мяса.

По-прежнему глухо.

— А еще лошадь.

Наконец что-то изменилось.

— И полный комплект конной амуниции.

Флин наконец поднял взгляд на клиента и Никаниэль понял, что если и не добил до золотого, то оказался где-то рядом.

Принц убрал руку, позволив хозяину заполучить монету. Тот тут же схватил ее, придирчиво отсмотрел со всех сторон, попробовал на зуб и бережно спрятал в недра одежды.

Появившаяся было теплота во взгляде корчемника, вновь сменилась колючим холодом. Тот по-новому, с подозрением, смерил взглядом богатого посетителя, кивнул головой в сторону ближайшего стола и, взяв из-под стойки деревянную миску, направился к котлу.

Кажется, получилось.

Ник устроился на самый край лавки таким образом, чтобы плащ полностью скрывал меч.

Золотой в королевствах хоть и стоил, по словам казначея Илина, значительно меньше эльфийского аналога, все еще оставался весьма немалой суммой денег. Кроме того эльф сделал себе зарубку в памяти не забыть требовать сдачу. Не каждый же раз золотом расплачиваться.

Тем временем Флин поставил перед гостем полную миску горячего, исходящего паром варева и огромную деревянную кружку с каким-то пенным, явно хмельным напитком. Ложка лежала уже в тарелке. Там же с краю приютился черствый кусок черного хлеба.

— Комната — третья по коридору. — владелец мотнул головой в сторону дверного проема в углу. — Сральник во дворе. Не промахнешься.

Установив свечу прямо на стол, оказавшийся на поверку еще более липким, чем выглядел, Флин прошелся по залу, запирая еще сохранившиеся ставни. На входную дверь он повесил массивный металлический замок со следами ржавчины и удалился куда-то вглубь

здания, оставив своего единственного посетителя в гордом одиночестве.

Из любопытства беглый принц понюхал содержимое кружки и тут же отодвинул ее подальше от себя. Не то чтобы он горел желанием напиться — «вина» Винни ему хватит еще на долго, но все-таки было интересно — что же могут наливать в подобном заведении. Однако жуткий запах кислятины тут же отбил все любопытство.

А вот похлебка оказалась на удивление вкусной. Хотя, возможно, дело было и в том, что он уже несколько дней не ел ничего нормального.

Закончив с трапезой, Никаниэль тщательно вытер миску коркой хлеба, взял со стола свечу и отправился искать свою комнату.

Он очень надеялся, что отравить еду Флин не успел. Хотя, с такой рожей — мог запросто. Но вот на то, что ночь пройдет спокойно рассчитывать явно не приходилось.

Тусклого, пляшущего огонька оказалось вполне достаточно, чтобы осветить большую часть коридора. Пять дверей с одной стороны, одна с другой и еще одна в самом конце, скорей всего ведущая во двор к «сральнику».

За третьей дверью все оказалось еще хуже, чем ожидал принц.

Тесная комнатка два на три, устланная сухой травой. Конечно, никакой кровати эта конура никогда не знала.

Вдоль стен лежали два матраса, набитые жесткой соломой и две соломенные же подушки. Из всей мебели посреди комнаты стоял старый, трехногий табурет, причем одна ножка у него была явно короче остальных. Замка на двери не оказалось и в помине, но зато имелся простенький засов, тут же использованный по назначению.

Даже тюремная камера в замке и та была лучше. Ник на мгновение представил свои дворцовые покои и, глубоко вздохнув, принялся готовиться к ночи.

Он был уже далеко не тем наивным юношей, некогда на авось отправившимся на встречу с таинственным темным ковенем. Хозяину «Хмурого Флина» принц не поверил ни на секунду.

Первым делом Никаниэль разместил все свои пожитки в угол так, чтобы их легко можно было разглядеть снаружи. Затем он тщательно уложил трофейный плащ на один из матрасов создавая видимость уставшего путника, спавшего без задних ног. Ну и под конец, установив колченогий табурет возле окна, уселся на нем, гарантированно оставаясь незамеченным. Ставни прикрыл, но запирать не стал.

Долго бороться со сном не пришлось. Совсем скоро оконные створки жалобно скрипнули, и снаружи послышался громкий шепот:

— Тише, ты, придурок! Разбудишь, нах.

— От придурка слышу! Вон, дрыхнет он. Пошли уже.

Началось.

Молодой эльф поправил шляпу, мысленно вознес краткую молитву Лаоду и на всякий случай заготовил «воздушный щит», с удивлением отметив, что заклинание сформировалось значительно быстрее обычного.

Голоса разбойников звучали уже за дверью. Они по очереди шикали друг на друга, не говоря ничего конкретного. Убедившись, что дверь заперта, они просунули в щель проволочку с петлей на конце и с третьей попытки зацепили засов изнутри.

Когда дверь была готова уже вот-вот открыться, Ник выхватил Люминистилл и резко рванул навстречу. Он сам распахнул дверь и выскочил в коридор.

Их было двое.

Лунный свет, приникая через открытые створки окна, хищно блестел на ножах бандитов, не оставляя и тени сомнений в их преступны намерениях.

Бой занял от силы секунд пять. Прежде всего принц рукоятью меча выбил нож из рук ближайшего противника. При этом он в тесноте неудачно зацепился клинком за косяк и порезал нападавшего в районе груди.

Тот истерично заверещал, но Никаниэль уже отпихнул его в сторону и ринулся ко второму. Тот даже опомниться не успел, как оказался впечатанным в стену с мечом у самого горла. Нож он выпустил сам, выдавив из себя лишь жалкое «Ой».

В этот момент в коридоре появился Флин. В руке он держал ветхую лампу, в свете которой эльф наконец разглядел своих обидчиков. Двое худых, как жерди, мужчин с грязными, сальными волосами и запахом давно не мытых тел.

Самое дно преступного мира.

— Ну что, вы тут уже спра... — начал было хозяин заведения, но, увидев представшую сцену, осекся и резко изменил речь. — Вот ведь недоноски! Даже с таким простым делом справиться не могут. Хотя... — скользнул взглядом по мечу и необычной одежде гостя. — Тут, похоже, без вариантов.

Флин двинулся к принцу. Ник бросил ему под ноги второго бандита, отскочил вглубь коридора и взял меч наизготовку.

Но нападать на него уже никто не собирался.

Верзила, перешагнув через препятствие, подошел к катавшемуся по полу отморозку и коротко, без замаха, пнул того ногой в живот.

— Да заткнись ты уже, мразь. Кончай скулить или сдохни. Заманал. Совсем никакие бандюганы пошли нынче. А ты это, прости, не удержался. — обратился он уже к эльфу. —

Можешь спать спокойно. Никто тебя больше не потревожит. Слово Флина.

И пинками погнал разбойников наружу, подкрепляя каждый удар отборнейшим матом. И что это, кфхан побери, было?

Оставшись в гордом одиночестве, Никаниэль не мог решить, что ему делать. То ли поверить Флину и, в конце концов, завалиться спать, то ли срочно собирать вещи и вновь уходить в леса.

Флину он не поверил, но и уходить не стал.

После недолгих размышлений Ник сходил в обеденный зал и принес к себе в комнату скамейку. Вновь задвинув практически бесполезный засов, он подпер дверь лавкой, пинками зафиксировав конструкцию. Теперь проникнуть внутрь стало значительно сложнее. Ставни на окне он тоже запер, а еще установил на них простенькую ловушку с одним из своих кинжалов.

Закончив со всеми приготовлениями, беглый принц сложил соломенные матрасы один на один чтобы было хоть немного мягче, убрал в сторону шляпу, подтянул поближе меч и, завернувшись в плащ, наконец погрузился в сон.

Больше этой ночью его никто не тревожил.

Первых петухов эльф героически проспал. Как, в общем, и вторых. Проснулся же он от того что какой-то особенно любопытный лучик солнца проник через щель в ставнях и принялся исследовать лицо постояльца, начав с глаз.

Никаниэль сел и осмотрелся. При свете дня комнатка выглядела еще хуже, чем ночью. Стоящая под углом лавка, подпиравшая дверь, добавляла картине особых красок, не оставляя ни шанса на утреннюю идиллию.

Впрочем, это все же лучше, чем спать на дереве.

Взяв с собой вещи и не забыв нацепить шляпу, Ник вышел во двор. Впереди, насколько хватало глаз, простиралось поле. Золотые колосья овса тихо шелестели на легком осеннем ветру. То тут, то там в небо взлетали хохлатые жаворонки, чтобы, покружившись с подругами, вновь спикировать вниз и скрыться от жадных глаз возможных хищников.

Обнаружив в углу дома большую деревянную бочку с дождевой водой, беглый принц вдоволь напился и, раздевшись до исподнего, несколько раз окатил себя при помощи обнаруженного рядом ведра.

Не одеваясь, эльф посвятил некоторое время медитации, раз за разом прогоняя ману по магическим каналам, стремясь увеличить их пропускную способность. После, резво подскочив и взяв в руки меч, он принялся выполнять базовые упражнения, надежно вбитые в голову учителями академии.

За этим занятием его и застал Флин.

Неизвестно сколько он наблюдал, подпирая стену, но стоило Никаниэлю почувствовать на себе чужой взгляд и обернуться, как тот оторвался от стены и несколько раз хлопнул огромными ладонями, выражая одобрение.

— Жрать иди. — буркнул мужчина, уходя внутрь.

Смыв пот и наскоро одевшись, Ник подобрал вещи и вернулся в зал.

За дальним столом сидели какие-то мутные личности, вполголоса обсуждая свои темные дела. А какие еще дела могут быть у посетителей заведения навроде этого? Они лишь на секунду прервались, смерив взглядом вошедшего. Но принц вновь скрыл эльфийские доспехи плащом, и, не увидев ничего интересного, типы быстро вернулись к своей беседе.

Еда ждала его на том же самом месте, что и вчера. И это было все то же варево и кружка мерзкого пойла. Ну или точно такое же варево. По крайней мере различий голодный эльф не увидел. Не став мучать начавший уже урчать желудок, он взял в руки ложку и принялся за еду.

Вскоре перед ним появилась тарелка со свежими овощами и мягким, еще теплым хлебом. Их принес хозяин постоялого двора и тут же сел напротив.

— Пить опять не будешь? — спросил он, кивнув на кружку.

Никаниэль помотал головой и Флин тут же, в один глоток, осушил половину емкости.

— И кто же ты, кфхан тебя дери, такой? — спокойно поинтересовался бородач. —

Откуда у безусого юнца меч и навыки его использовать?

Взяв с тарелки огурец и кусок свежего хлеба, Никаниэль молча продолжил есть.

— Не хочешь говорить? Ладно, баш на баш, я начну первый.

Похоже Флину было настолько любопытно, что даже его привычный налет хмурости слегка отступил, приоткрыв совсем другую личность.

Ударившись в воспоминания, он рассказал, что родился и всю жизнь прожил в королевстве Теофан. Своих родителей он не помнил, а воспитал его нелюдимый мужик по имени Мандер. Вор и разбойник.

Именно Мандер и научил юного Флина, как выживать в этом несправедливом мире. «Сильный правит, слабый лукавит» — любил говаривать тот. Преступник вырастил себе хорошего помощника и вскоре они начали ходить на дела вместе. А потом, подросший к тому времени юноша, и вовсе превзошел учителя и сколотил свою собственную шайку, конечно же сделав приемного отца заместителем.

Пятнадцать лет банда вольготно жила в лесах, грабя путников и держа в страхе все окрестные деревни. Но в один день они подняли руку не на того человека и сильно обидели одного богатого купца, ограбив его караван, который сопровождала наследница компании да и просто любимая папина дочурка.

Девушку, как и всех остальных, конечно же, убили. Но сперва она несколько часов развлекала рядовых членов банды. Флину такое было непо душе, но разбойники — народ суровый. Если, что — могут и нового вожака выбрать, а старый отправится кормить ворон своим распоротым брюхом. Так что с подобными случаями приходилось мириться.

Не в первой.

— Да вот только девка та, тля, оказалась обещана в жены Валхарду Теофану, тогда еще принцу, мать его. — продолжал рассказывать Флин, принеся себе вторую кружку пойла. — Купец пожаловался принцу, тот папочке, и вот уже вся моя банда покачивалась на ветру на городской площади. Сильный правит, слабый лукавит...

Взгляд бывшего разбойника смотрел в пустоту, будто он вновь переживал события того злополучного дня.

— Знаешь, а мне в тот день ведь сфартило просто. С самого утра в город ушел. К дочке пекаря. Мы с ней тогда уже год как кувыркались. Подумывал ради нее завязать даже, на покой уйти, тля. Весь день с ней хороводил. А вечером вышел на шум, а там королевская конница всю мою шайку связанными к главной площади волокут...

Флин замолчал, но Ник не торопил его. История пожилого бандита практически заорожила молодого эльфа. Прожив всю жизнь с любящим отцом, в роскоши, он знал лишения лишь только во время долгих лесных тренировок скаутов. А тут ему открывалась совершенно другая сторона жизни.

Шумно отхлебнув, хозяин двора продолжил:

— Их вешали одного за другим, а я, тля, стоял в толпе и ничего сделать не мог. Мандер был последним в той очереди к конопляной тетушке. Когда на него петлю уже накинули, мы с ним вдруг случайно встретились глазами. А он, тля, улыбнулся и одними губами произнес: «Сильный правит». И тут его шея хрустнула. Быстрая смерть. Повезло.

Флин поднял глаза на беглого принца:

— В тот же вечер я сбежал из столицы и больше никогда не возвращался. Теперь она вообще часть другой страны. А я вот тут. Почти у самой границы. На притыренные деньги банды купил этот сарай и открыл «Хмурого Флина». И ни разу, ни-ра-зу, не возвращался к

старой жизни. Пока не появился ты со своим, тля, золотом.

Никаниэль украдкой осмотрелся. Не хватало еще чтобы кто-то, услышав про золото, повторил ему предыдущую ночь. Вокруг было спокойно. Насколько это вообще возможно в заведении подобного рода.

Флин выглядел в глазах эльфа теперь совсем по-другому. Очевидно, ему давно уже хотелось выговориться. Груз прошлых лет непомерной тяжестью лежал на сердце корчемника. Но не будешь же исповедоваться пьянице, которого видишь каждый вечер. А тут так удачно подвернулся залетный путник, которые, судя по всему, предпочитали обходить этот постоялый двор стороной.

К тому же Ник явно показался ему «сильным», а значит достойным разговора по душам. Ведь, как учил его приемный отец, «сильный правит, слабый лукавит».

— А что значит «часть другой страны»? — попытался увести разговор в другое русло принц. — Что-то случилось?

И ему удалось.

— Да что могло случиться, тля? Война очередная. — безразлично отвечал Флин, почесывая бороду. — Лет пять назад соседние королевства снюхались да и напали на Теофан. И ведь как удачно напали, суки, — король наш, Валхард, чтоб ему собаки в пиво ссали, как раз полаялся со своим главным дружкой. Ну а один в три хрен повоюешь, тля. Вот у нас пол страны и оттяпали, вместе со столицей.

— А чего не всю?

— Да меж собой не поделили что-то, да и оставили как есть. А Его Величество, — скривившись, как от кислого лимона, съязвил корчмарь, — налоги сразу до небес задрал, падаль. Нет, ну, понятное дело, ему же стаю борзых содержать нужно для охоты, камзолы там всякие, а я, вон, печь третий год поправить не могу.

Флин зло сплюнул прямо на пол.

— А вот еще что... — продолжил расспрашивать Никаниэль, решив сразу разузнать как можно больше о жизни в королевствах.

И он явно оседлал удачную волну. Бывший разбойник, давно уже ни с кем не общавшийся по душам, забыл зачем вообще подошел и охотно отвечал на расспросы благодарного слушателя.

Так прошло с пол дня. Время от времени Флин отходил обслужить других клиентов, но неизменно возвращался с новой порцией алкоголя и закусок. И его даже не смущало, что за этим столом пил лишь он один.

Из этой беседы Ник узнал названия ближайших королевств, имена и титулы правителей, чем богата и знаменита каждая из стран и многое другое. Просто удивительно, откуда у бывшего бандита, а ныне владельца захудалого постоялого двора столько знаний об окружающем мире. Но беглого принца это мало волновало и он жадно впитывал информацию, которая могла бы позволить ему позже не сесть в лужу при разговоре с кем-то еще.

— Слушай, друг. — вдруг вспомнил с чего началась беседа Флин. — А я ведь даже имени твоего, тля, не знаю.

— Никанор. — просто представился эльф.

— Так и откуда же, Никанор, ты такой интересный тут у нас взялся?

На самом деле Никаниэль надеялся, что разговор к этому вопросу больше не вернется. Хозяин двора немало помог ему, ответив на множество важных вопросов. Да что там —

даже душу излил. И Нику совсем не хотелось в ответ врать.

Но не рассказывать же, что перед ним сидит эльф и принц? К тому же ищущий некроманта, чтобы воскресить любовь всей своей жизни. Все равно не поверит. Обидится еще.

В итоге он решил скормить корчемнику ту же историю что и Диму. Вот только здесь все пошло не так, как в тот раз. По мере повествования об отце-рыцаре и Пантиоке Флин постепенно менялся в лице, а под конец и вовсе вскочил, разлив остатки пошла.

— Шлюхам это дерьмо втирай, понял?! — взревел он. — Я с тобой как с человеком, а ты!..

Но тут же, видимо вспомнив про меч, взял в себя в руки и вернул на лицо обычную маску хмурого Флина.

— Скамейку не забудь вернуть, тля. — сухо бросил он, уходя от неблагодарного слушателя обратно за стойку. — И свечу.

Повернувшись было на этот крик посетители, вновь вернулись к своему дешевому алкоголю, грязным столам и не менее грязным беседам. В конце концов, какое им дело, что не поделили хозяин заведения с одним из гостей?

Своих забот хватает.

А вот Никаниэль так и не понял, что именно его подвело. С Димом же почему-то нормально все вышло.

Кфхан! И ведь спросить-то не у кого.

Вернувшись в комнату, эльф разлегся на матрасе и пообещал себе впредь не использовать эту историю.

К вечеру беглый принц вновь вернулся в обеденный зал.

Вопреки опасениям новая порция похлебки ждала его на том же самом месте. А вот посетителей уже практически не было. Что неудивительно. Стихия в тот день решила напомнить всем живим существам несколько они слабы и ничтожны перед лицом могущественных сил природы.

Невозможно словами «бушевал ветер» описать вакханалию, творившуюся тем вечером за стенами «Хмурого Флина». Это была буря, шторм, ураган, вихрь, тайфун — что угодно, но только не ветер. Незакрепленные ставни бешено хлопали, будто бы аплодируя разошедшейся стихии. Казалось, что крышу, а то и весь дом вот-вот сорвет с места и унесет куда-нибудь во владения злой колдуньи.

И только Флину все было нипочем. Пожилой бандит невозмутимо стоял за стойкой и наблюдал за странным постояльцем.

«Хорошо хоть ветер не в эту сторону». — подумалось Нику, когда его взгляд в очередной раз упал на пол.

В противном случае, вся эта прелая солома мгновенно бы взлетела и кружилась в безумном танце. Стекол здесь окна отродясь не знали.

Доев, Никаниэль подошел к хозяину постоялого двора:

— А что на счет...

— Лошадь приведут завтра. — грубо прервал его Флин.

— Нет, я про...

— Ночью будет тихо. — вновь перебил Флин, всем своим видом давая понять, что общаться он более не намерен.

На самом деле Ник собирался спросить совсем не это, но так тоже сойдет.

Вернувшись в комнату, эльф сразу же стал готовиться ко сну. Скамейка, которую он так и не вернул в зал, вновь надежно подпирала входную дверь. Небольшая передышка окончилась и ему снова предстояло продолжить путешествие.

Трагические события в Габильноте постепенно уходили в прошлое. И хоть они и оставили болезненный след на сердце принца, но молодость и высшая цель не оставляли шанса для грусти надолго захватить сознание.

Устриваясь поудобнее на двойном соломенном матрасе, Ник справедливо рассуждал, что с лошадью дело точно пойдет быстрее. К тому же отпала необходимость брести практически нугад.

Благодаря полученной от Флина информации Никаниэль теперь примерно представлял где он находился и как двигаться в Тике наилучшим образом. И, хоть корчемник ничего не знал о географии других стран, как дойти до границы он описал весьма подробно.

«Элельен, любимая, потерпи еще немного».

Уже скоро принц планировал оказаться в Тике, и где если не в Городе Теней отыщется достаточно сильный некромант, чтобы вернуть почившую невесту к жизни. Еще чуть-чуть и они снова будут вместе. На этот раз — навсегда.

С этими мыслями эльф уже практически был готов отойти в мир снов, как вдруг сквозь вой ветра он услышал какие-то странные крики.

А ведь Флин обещал, что будет тихо.

Раздосадованному принцу совсем не хотелось вновь обнажать меч.

Интересно, что на этот раз?

Наконец, любопытство взяло верх, и Ник вылез из-под плаща. Не забыв надеть шляпу, он взял в руки кинжал и медленно приоткрыл ставни.

Снаружи уже стемнело, но ветер и не думал стихать. Он по-прежнему бушевал, мотая из стороны в сторону всякий сор и рваные тряпки. Уже взошедшая к этому времени луна прекрасно освещала все происходящее.

А зрелище оказалось стоящим.

Посреди царившего на улице безумства взад-вперед носился парень в одних лишь штанах. Сначала могло показаться, что он бежал за кем-то или от кого-то, но вскоре стало предельно ясно, что кроме него там никого больше не было.

Молодой человек держал в руках метлу, которой яростно размахивал из стороны в сторону. Он будто бы дрался. Или воевал. При этом каждый удар сопровождался теми самыми громкими криками, которые и потревожили Никаниэля.

Некоторое время беглый принц наблюдал за человеком, пытаясь понять, что тот делает. Он даже подумал о внезапном нападении воздушных элементарей, которое и вызвало такую непогоду, но вскоре отмел этот вариант.

Поняв, что ни ему, ни зданию ничего не угрожает, Ник вновь запер ставни и, пододвинув меч поближе, вернулся ко сну.

Все-таки странные они. Эти люди.

На сей раз эльф проснулся очень рано. Практически с первыми лучами солнца. Он отлично отдохнул и чувствовал себя великолепно. Природа за ночь тоже утомилась и больше не норовила оставить старика Флина без крыши над головой.

Повторив во дворе все утренние процедуры, Ник взял из комнаты скамейку и вместе со всеми вещами пошел в зал.

Народ в такую рань или еще спал или занимался другими делами. Только Флин был тут как тут. А вот еды в привычном месте Никаниэль не обнаружил.

— Жаркое еще не готово. — голосом значительно более спокойным чем на кануне проговорил корчемник. — Будешь ждать или сожрешь что попроще?

— Что попроще. — ответил принц, занимая свое обычно место.

Ах это было жарко-ое. Слишком громкое название для подобного блюда.

Жизнерадостный эльф решил, что теперь тоже будет всякую лесную похлебку гордо называть «жаркое». Тем временем, мужчина, похоже, за ночь оттаял. Или, возможно, просто радовался, что неблагодарный гость, наконец, уедет. В любом случае, молнии из его глаз бесследно пропали.

«Попроще» оказалось несколькими кусками холодного мяса и свежими овощам. На отдельной тарелке лежала краюха вчерашнего хлеба. Дополнением к этому ассортименту стала небольшая, надколотая с краю, глиняная пиала со сметаной. Ну и, конечно же, кружка до краев наполненная местным пойлом.

«Хоть что-то в этом мире остается неизменным». — весело подумал эльф, отодвигая «нектар жизни» на другой край стола.

Увидев, что клиент доел, Флин молча махнул рукой и вышел через главный вход. Ник, не спеша, собрал вещи, стряхнул крошки с плаща, последним взглядом обвел небогатое убранство «Хмурого Флина» и уверенным шагом вышел вслед за хозяином.

Снаружи его дожидался благородный боевой скакун.

Вернее на такой расклад очень рассчитывал Никаниэль, привыкший ездить на лучших лошадях Эльфхейма. На деле же ему предстояло продолжить путешествие на явно немолодой пегой кобыле с грустными голубыми глазами.

— Скажи спасибо, тля, что она подкована и что в нашем захолустье вообще удалось хоть что-то достать. — тут же сказал Флинн, видя замешательство клиента. — Зато с амуницией тебе крупно повезло, парниша. Смотри.

И действительно, на лошадке красовалось пускай потертое, но действительно добротное походное седло с множеством кармашков, лямок и других креплений. Подпруга, стремяна, вальтрап, уздечка со всеми необходимыми ремнями и удилами — все это снаряжение повидало не мало, но, тем не менее, смотрелось весьма качественно и надежно. И стоило, похоже, дороже самой лошади.

Также сзади был закреплен внушительный мешок, видимо с заказанными припасами.

— Местные тати несколько лет назад какого-то заезжего богача пощипали, а продать все это не смогли. — ответил на незаданный вопрос мужчина. — Как тебя дожидалось, тля.

— Коняшку, кстати, Одуванчик зовут. — Флин вручил принцу большую мытую морковку. — На, знакомься.

Будучи опытным всадником, эльф медленно подошел к голове лошади с левой стороны, ласково с ней разговаривая и обращаясь по имени. Так же медленно он протянул открытую ладонь, позволяя животному ее обнюхать и лишь затем скормил ей морковку, предварительно сломав ее на три части.

Знакомство состоялось успешно, и Никаниэль тут же закрепил на седле свои нехитрые пожитки. Погладив лошадь по шее, он вернулся к Флину, внимательно наблюдавшему за всем этим действием.

— И с лошадьми может. — всплеснув руками, обронил тот. — Юнец безусый, а мечом машет, с лошадьми может, да и еще и хрен пойми что по утрам вытворяет. Кто же ты, кфханово семя, такой?

В ответ Ник лишь улыбнулся и, глядя владельцу двора в глаза, вытянул вперед руку ладонью вверх. И сразу же сделал манящий жест.

Едва было появившийся намек на улыбку тут же пропал с лица корчемника. Мгновенно поняв что от него хотят, тот вытащил из кармана горсть монет, явно заготовленную заранее.

Эльфийская ладонь сильно уступала в размерах лапищам бывшего разбойника и Никаниэлю пришлось срочно подставлять вторую руку, чтобы не пришлось потом ползать по земле, собирая медики.

Конечно это была сдача.

На самом деле Флин надеялся, что богатый постоялец забудет ее забрать и даже старался с самого утра выглядеть подружелюбнее. Спорить же с мечником бывший бандит тоже не рискнул.

Высыпав грудку медяков в один из седельных кармашков, Ник выудил оттуда единственную серебряную монету и отдал корчемнику.

— За вчерашнее.

Он решил не уточнять стал ли этот серебряк платой за информацию или извинением за обман, а просто вручил его Флину и все.

Пусть понимает, как хочет.

— И еще вот.

С этими словами Никаниэль вытащил и протянул хозяину постоялого двора остаток свечи. Чтобы уж совсем никаких долгов за ним не оставалось.

— Прощай, Флин.

Беглый принц умело вскочил на лошадь, вставил ноги в стремя и хотел уже было выдвигаться, как вспомнил еще об одной вещи:

— Ах да, слушай, кто это ночью у меня под окном орал?

— Да эт Бублик, тля, — дурачок местный, мать его за ногу. Он то молнию в сумку ловит, то деньги в лужах по ночам ищет. Вчера, вот, с ветром воевать взялся, придурошный.

— Ну и как — победил?

— Да кфхан его знает. Его утром пастухи в стогу нашли. Дрых ущербный. Все, бывай.

Корчмарь хохотнул, но тут же вернув на лицо маску угрюмого засранца, махнул рукой и вернулся обратно в свой «Хмурый Флин».

Следующие несколько дней Никаниэль мирно продвигался вглубь королевства Теофан. Леса сменялись полями, а поля лесами. Одуванчик оказалась спокойной, послушной кобылой. Она покорно подчинялась всем командам и как будто бы даже была рада смене хозяина.

Подкованные копыта размеренно цокали по утоптанной земле, отмеряя метр за метром. Теперь эльф успевал до вечера преодолеть гораздо больше и благословенный день воскрешения Элельен приближался с каждым часом.

К тому же отпала нужда тащить все пожитки на себе. Да и необходимость спать на деревьях тоже. Теперь на ночь он стреноживал лошадь и использовал ее как ночного сторожа. Случись что — взволнованное животное мигом разбудило бы, спавшего чутким сном, беглого принца.

В попадавшиеся по пути деревни Ник старался не заезжать. Лишь однажды он свернул с дороги, чтобы пополнить припасы и сразу же вернулся к своему маршруту.

Этот день ни чем не отличался от предыдущих.

С утра Никаниэль размялся, поработал с магическими каналами, съел немного мяса с хлебом, запивая пищу прохладной водой из ручья и, оседлав Одуванчика, выдвинулся в путь.

К полудню дорога свернула на редколесье. Росшие с обеих сторон хвойные и лиственные деревья создавали приятный смешанный аромат. Эльф уверенно держался в седле и спокойно строил планы на ближайшее будущее.

Из размышлений его вырвал громкий крик о помощи, раздавшийся со стороны небольшой березовой рощи. Не сомневаясь ни секунды, благородный эльф спрыгнул с лошади, быстро привязал ее к дереву и стремглав бросился спасать попавшего в беду человека.

Долго бежать не пришлось, и вскоре его взору предстала ужасная картина. На небольшой поляне пировала стая волков. Они жадно терзали трупы двух лошадей и нескольких людей, одетых в вычурные пестрые наряды. А посреди поляны, свисая с нижней ветки одиноко стоявшей осины, голосил последний выживший вельможа.

Из последних сил он руками и ногами держался за спасительный отросток, взвизгивая и зажмуриваясь каждый раз, когда какой-нибудь волк предпринимал новую попытку допрыгнуть до его сочной задницы.

Вот в очередной раз громко лязгнули челюсти, не дотянувшись до вкусного филе буквально пару сантиметров.

— Помогитектонибудь! — истошно завопил сановник, закашлявшись. Похоже, силы стремительно покидали его и жить дворянину оставалось совсем не долго.

Мгновенно оценив ситуацию, Никаниэль бегом вернулся к лошади, отцепил от седла взятый еще в логове Кровавого Джона лук, не тратя времени на отстегивание колчана, выхватил из него несколько стрел и что есть духу помчался обратно в лес.

Вельможа еще держался, но сил звать на помощь у него уже не оставалось и тот готовился проститься с жизнью в любую секунду.

Закинув лук на плечо, Ник ловко забрался на ближайшее дерево и, практически не целясь, выстрелил по стае волков. Меткий эльф не промахнулся, и первая же стрела вонзилась прямо под левую лопатку, уже собиравшемуся прыгать волку. Тот жалобно

заскулил и упал на землю, суча лапами.

Не тратя ни секунды лишнего времени, беглый принц спустил тетиву еще дважды, попав одному хищнику в шею, а другому и вовсе прямо в глаз. Судя по всему, один из них оказался вожаком, поскольку стая сразу же бросила добычу и, оглашая лес разочарованным воем, пустилась наутек.

В этот же момент силы окончательно покинули висевшего на дереве человека и, разжав пальцы, тот рухнул прямо на тушу одного из только что застреленных волков.

— С мягким приземлением. — поздравил его Никаниэль, подойдя и протягивая руку чтобы помочь подняться. Не видя никакой реакции, он наклонился и сам усадил спасенного. Тот все еще пребывал в полнейшем шоке.

То был лысеющий мужчина лет сорока. Назвать его толстым явно никто бы не смог, но, похоже, тренировками он себя уже давно не утруждал. А сейчас его полнеющей филейной частью, облаченной в обтягивающее трико, чуть не пообедали волки.

— Э-эй. Вы как? Целы? — Ник помахал рукой у человека перед лицом. — Встать сможете?

Взгляд вельможи, наконец, обрел осмысленность и он осмотрелся по сторонам.

— Это ты... их? — спросил аристократ.

— Нет. Это волки погрызли. Я людей не ем. — попытался разрядить обстановку эльф, но видя недоуменное лицо мужчины понял, что шутка не удалась. — Да, я. Встать сможете? — повторил вопрос принц.

Сановник, похоже, более или менее пришел в себя и при помощи своего спасителя поднялся на ноги. Встав, он попытался отряхнуться, лишь измазавшись в волчьей крови, и приняв, по его мнению, величественный вид представился:

— Валхард Теофан.

— Никанор. Очень приятно.

Лицо мужчины начало медленно вытягиваться от удивления и в этот самый момент в голове у эльфа что-то щелкнуло, и он вдруг понял, кого только что выручил.

— Прошу прощения, Ваше Величество, не признал. — беглый принц попытался изобразить поклон, но получилось у него не очень удачно. Все-таки всю жизнь кланялись ему, а не он. Впрочем, местного короля это удовлетворило, и тот мгновенно расплылся в самодовольной улыбке.

— Подними голову, юноша. Ты только что спас особу королевской крови, как-никак. Вся страна в долгу перед тобой. К тому же, я смотрю, ты весьма метко стреляешь. Не хочешь отдать долг родине и вступить в нашу доблестную армию раньше очередного призыва? Под моей протекцией быстро станешь офицером. Нет! Давай лучше сразу в мою личную охрану. Что скажешь?

Король времени зря не терял.

Секунду назад висевший на дереве, на волосок от смерти, человек мгновенно оправился и уже вербовал Ника в телохранители. Ему даже стало интересно, все ли людские короли владеют собой настолько же хорошо.

— Премного благодарен, Ваше Величество. — отвечал Никаниэль, копируя тон своих подчиненных. — К сожалению, я уже являюсь подданным другой страны и связан клятвой положить жизнь на благо своего народа.

— Что ж. Жаль, конечно, жаль. — резко погрузился Теофан. — Жаль, что в моей стране не рождаются такие искусные и верные своему правителю воины. Но ты хотя бы не

откажешь мне в удовольствии устроить банкет в честь моего спасителя? Мой замок в полу дне пути отсюда.

Подумав, что отказывать королю второй раз подряд будет верной попыткой покончить жизнь самоубийством, эльф решил все-таки сделать небольшой крюк.

— Конечно, Ваше Величество, с огромным удовольствием. — Ник вновь попытался изобразить учтивый поклон, но Валхард его остановил.

— Ой, да брось ты этот церемониал. Я же вижу, что ты из благородных и не привык спину гнуть. Небось сам принц какой-нибудь? — хохотнул король, заставив Никаниэля вздрогнуть. — К тому же я все еще в долгу перед тобой. Ладно, пойдем отсюда. Где твоя лошадь?

Уверенно шагая через растерзанные трупы бывших соратников, Валхард Теофан направился в сторону дороги.

— Ваше Величество, вы же не оставите здесь своей добычи?

Как истинное дитя Эльфхейма молодой эльф свято чтит жизнь любого лесного обитателя. И то, что ему пришлось убить ни в чем не повинных волков для спасения кого-либо, вовсе не означало, что он готов оставить их гнить посреди этой поляны.

Теофан обернулся, недоуменно посмотрел вокруг и уставился на Ника взглядом полным непонимания.

— Волки. — пояснил беглый принц, указав рукой на подстреленных им хищников. — Их нужно забрать с собой, чтобы смерть их не была напрасной, и с максимальной пользой использовать шкуру и мясо.

Произнеся это, Никаниэль взял в каждую руку по хвосту и, напрягшись, поволок добычу к дороге. Смерив своего спасителя долгим, полным подозрения и неверия взглядом, людской монарх все же вернулся за третьим волком и потащил его следом. В конце концов он же был тут на охоте.

К сожалению, погрузить добычу на лошадь так и не удалось. Стоило ей лишь почувствовать запах волка, как Одуванчик начала испуганно фыркать и пятиться, до предела натянув привязанные к дереву вожжи.

Чтобы не мучать дальше их единственное средство передвижения, Теофан клятвенно пообещал Нику прислать за тушами первых же встреченных по дороге людей. А пока что они тщательно отмылись в ближайшем ручье и вернулись к кобыле.

Никаниэль хотел уже было привычным движением запрыгнуть в седло, но встретился взглядом с Валхардом, пристально смотревшим на своего спасителя.

— Прошу, Ваше Величество. — эльф услужливо отступил в сторону и приглашающим жестом указал на кобылу.

Кивнув самому себе, король вставил левую ногу в стремя, взялся за заднюю луку седла, оттолкнулся и... нелепо плюхнулся животом поперек лошади. Не подав виду, беглый принц помог неуклюжему величеству занять верное положение в седле и, взяв Одуванчик под уздцы, приготовился отправиться в путь.

Усевшись поудобнее, Валхард Теофан горделиво выпрямил спину и, приняв величественную позу венценосной особы, дозволительно махнул рукой.

— Так откуда, говоришь, ты будешь? — спросил он, едва лошадь сделала первые шаги по пыльной лесной дороге.

В этот раз Никаниэль решил не рисковать с уже подведшей его историей про пантиокского отца-рыцаря и придумал легенду попроще:

— Отец отправил меня в путешествие, чтобы я набрался опыта и смог когда-нибудь занять его место. — расплывчато ответил Ник.

Неизвестно какие выводы сделал из этой лжи местный король, но, судя по всему, история каким-то образом подтвердила его собственную версию и больше вопросов на эту тему он не задавал.

— А что вы, позвольте спросить, Ваше Величество, делали так далеко в лесу? — решил на всякий случай сменить тему беглый принц.

— Охотились мы. — хмыкнул Теофан, с опаской посмотрев себе за спину. — На лисиц.

— Прошу прощения, Ваше Величество, но я не видел ни у Вас ни у Ваших людей никакого оружия.

— Ах это... — Валхард приподнял небольшую красную шляпу с подогнутыми вверх полями и почесал лысеющую голову. — Знаешь, Никанор, от охоты теперь осталось одно лишь название. Раньше это был большой праздник. Три десятка борзых весело гоняли дичь по лесу, пажи едва успевали раскладывать добычу по телегам, фрейлины в роскошных платьях восхищались моей бескрайней удалью. Шутки, музыка, вино рекой. А теперь...

Король тяжело вздохнул.

— А теперь от борзых осталась лишь старая Плашка, фрейлины все поразбежались, а я просто уезжаю в лес, чтобы денек побыть подальше от вечно недовольной всем жены.

— А все из-за клятого маркиза Лиама! — кулаки Теофана гневно сжались. — Дочь ему, видите ли, мою захотелось десятилетнюю раньше оговоренного. Договорились же — исполнится Майли четырнадцать — свадьбу сыграем, двусторонний союз оформим, а там, глядишь, и остальных под себя подомнем. Так нет! Ослолюбы эти когда напали, Лиам не на

моей стороне выступил, а с ними пошел, гад!

— Ну, ничего. — Валхард ехидно потер руки. — Граф Хэлмунд тоже весьма подходящая партия. Пусть и староват. Майли сейчас как раз у него. Налаживает контакты, так сказать. Посмотрю я на твое лицо, Хьюдж Лиам, когда верну свои земли обратно, а заодно и твои пощупаю!

На лице короля расплылась злорадная улыбка от предвкушения скорой мести.

«Ну ничего себе у них тут порядки». — думал Никаниэль, не забывая поглядывать по сторонам.

Хотя, если быть честным, в Эльфхейме к нему тоже не раз и не два подсылали дочерей знатных (а порой и не очень) вельмож. Таким образом менее благородные роды надеялись попасть в высший свет. Ну или хоть что-нибудь да поймечь с этого союза. И только Элельен была не такой...

Дальше эльф полностью погрузился в мысли о возлюбленной и не слушал, что там бубнил этот надоедливый человек ни о подлом Лиаме, ни о забодавшей его жене, ни о кфхановых волках, невесть откуда взявшихся на его несчастную голову.

Ближе к вечеру, когда тени уже сильно опережали путников, будто стремясь бросить их и убежать скорее вперед, размышления Ника прервал радостный возглас спасенного им короля:

— А вот и Ануфьево — моя временная столица.

И действительно, километрах в четырех впереди показался небольшой городок с недостроенной деревянной стеной вокруг него. Отсюда было видно, что большинство зданий — простые, одноэтажные дома, но, ближе к центру города, возвышались и более высокие каменные постройки.

— Ходит легенда, — принялся рассказывать, успевший уже устать от дороги монарх, — что когда-то давно мой предок — король Лионтии — будучи проездом, остановился тут на ночлег. А утром, за завтраком, к нему с докладом явился глава личной стражи и сообщил, что ночью один из дозорных позорно заснул на посту. В тот день у моего предка было хорошее настроение и, не отрываясь от завтрака, он просто махнул рукой: «А. Ну его». С тех пор этот город получил название «Ануфьево». А вот чуть дальше, есть село Ипатьего. Однажды...

Внезапно, минутку интересных историй прервал патлатый мужик в грязном рваном кафтане, выскочивший из придорожных кустов с вилами наперевес.

— А ну слезай с лошади, падла, и живо сюда все что есть! — слегка заплетавшимся языком крикнул тот, размахивая оружием.

От мужика за версту несло дешевой брагой и немывтым телом. Никаниэль повернулся спросить у местного повелителя что ему делать, но того уже понесло. Мгновенно побагровевший монарх привстал на стременах и, яростно жестикулируя, закричал:

— Да как ты смеешь, смерд?! Ты хоть знаешь кто я? Ты. Знаешь. Кто. Я?! — Егс Величество аж задыхался от возмущения. — Я — Валхард Теофан, сын Бертера Теофана сына Эрика Теофана — король этих земель и законный правитель всей Лионтии! Немедленно прикончи его, Никанор!

Человек ехидно оскалился:

— Ага. Шаз! Так я и поверил. А даже если и да, — меня весь народ на руках носить будет, если я убью такого ублюдочного короля как ты!

Народный мститель бросился вперед, но эльф успел выхватить Люминистилл и отбить

вилы в сторону.

— Что, папочка дал игрушку подержать? — съязвил бандит, харкнув Нику под ноги. — Уйди с дороги, малец, пока не поранился. — и вновь сделал выпад своим орудием сельскохозяйственного возмездия.

Беглый принц еще дважды отбил вилы в сторону, а на третий раз он ударил по ним снизу-вверх, а затем сразу же добавил сбоку, перерубив черенок у самого крепления. От неожиданности мужик рухнул на четвереньки, неверящим взглядом рассматривая простую палку в своих руках.

Никаниэль приставил меч к его горлу, не зная что делать дальше.

— Убей его! — визжал сзади взбешенный Теофан. — Убей его к кфхановой матери!

На самом деле молодому эльфу совсем не хотелось второй раз за день проливать чью-то кровь и, тем более, становиться палачом в руках чужого ему повелителя. Поэтому он, глядя в лицо побежденному разбойнику, сделал страшную рожу и глазами показал тому в сторону кустов. А сам, не убирая меч, повернулся в Валхарду.

Мужик оказался сообразительным и, едва Ник «отвлёкся», тут же бросился туда, откуда и вылез несколько минут назад.

— Держи его! — крикнул с лошади Теофан.

Беглый принц для вида ринулся вслед за беглецом, но вскоре вернулся, виновато разведя руками. Разгневанный правитель хотел в ярости что-то сказать, но, верно оценив ситуацию, быстро взял себя в руки и произнес совсем другое:

— Да и пес с ним! А тебя, Никанор, видать сами боги послали мне сегодня. Второй раз за день ты спасаешь мою драгоценную жизнь. Что это, если не знак богов, что все в моей жизни скоро наладится? Скорее в мой замок! Я хочу как следует отблагодарить тебя!

Хоть стена вокруг города еще и не была закончена, но ворота поставить уже успели. Правда не совсем понятно какой от них толк, если буквально сто метров в сторону еще даже ямы под колья не выкопали.

У ворот стояли стражники, которые, едва завидев своего правителя, подняли страшный переполох, и вскоре их встречала уже целая делегация знати.

Законного монарха мгновенно окружили советники, сановники, слуги и прочие прихлебатели, которым Теофан в красках описывал, как он храбро в одиночку отбивался от стаи волков. И, мол, когда уже почти справился с хищниками, то на помощь пришел вот этот вот юноша и вдвоем они раскидали зверюг как котят.

Ника не стали отгеснять от государя, но и особого внимания тоже не уделяли. Пусть себе идет раз так угодно Его Величеству.

На полпути к замку, к королю подъехал мрачного вида мужчина в черных одеждах, с козлиной бородкой с проседью. Валхард что-то шепнул ему на ухо и тот, кивнув, быстро растворился в вечерних сумерках.

Никаниэль логично предположил, что это по поводу недавнего инцидента. А еще он задумался, как бы поступил его отец в подобной ситуации. И решил, что в Эльфхейме такое просто невозможно. Чтобы какой-то эльф попытался убить правителя? Бред.

Еще по дороге, беглый принц думал, что замком окажется самое высокое здание в городе. Но, как ни странно, это был храм всех богов. Сложенный из таких же грубо отесанных камней, как и остальные каменные постройки города, он, тем не менее, казался по-своему изящным и величественным.

Высотой примерно этажа четыре, с огромными витражными стеклами, а стекол в Ануфьево Ник практически не видел, и с пятью остроконечными шпилями, на которых, скорей всего, по праздникам должны развиваться флаги соответствующих богов — храм выглядел если и не грандиозным, то весьма достойным и почитаемым местом.

Проезжая мимо него, вся процессия остановилась и отвесила учтивый поклон, согнув спины под прямым углом. И даже король склонил голову, замерев вместе с подданными.

В Эльфхейме подобных традиций не существовало, но Никаниэль, не будучи дураком, не стал выделяться и поступил как все. К счастью, головные уборы при поклоне никто не снимал, и «ушастое» разоблачение эльфу не грозило. Шляпа старика Нора по-прежнему надежно скрывала его главное внешнее отличие от человеческой расы.

«Эльвиола, вряд ли в этом месте есть твой алтарь», — мысленно обратился Ник к богине эльфов, — «но, если ты меня слышишь, пусть у моих родных все будет хорошо».

Отдав дань почтения богам, люди направились напрямик к трехэтажному особняку, стоявшему чуть дальше по главной дороге города. Но, отходя от храма, эльф заметил еще кое-что.

Группа молодых послушников в серых одеждах тщательно пыталась отмыть со стены странный красный символ, напоминавший отпечаток трехпалой руки без большого пальца и мизинца.

Не сумев даже предположить что бы это могло значить, беглый принц поспешил вслед за стальными.

Дворцом оказался обычного вида особняк с балконами на колоннах в форме пивных

бочонков, поставленных друг на друга. К главному входу вела широкая лестница, на самом верху которой терпеливо стояла дама лет тридцати в роскошном розовом платье с оборками.

— Дани, дорогая, я так рад тебя видеть! — Валхард неуклюже слез с лошади, распорядился позаботиться о ней наилучшим образом и, взбежав по лестнице, заключил женщину в жаркие объятия. — Ты не представляешь, что со мной сегодня было! Кстати, это Никанор. Сегодня он мой спаситель и желанный гость в нашем доме. Слуги! Готовьте праздничный ужин, да побыстрее! Проходи, Никанор, знакомься. Это Дана — моя дорогая, любимая супруга.

Не сумев вставить в этот монолог ни слова, королева лишь нежно поцеловала мужа в щеку и изящным, преисполненным грации и величественности жестом протянула Нику руку ладонью вниз.

Поднявшись по лестнице, Никаниэль смог лучше рассмотреть правительницу Теофана и она ему сразу не понравилась. И дело даже не в том, что любая среднестатистическая эльфийка выглядела во много раз привлекательней первых людских красавиц, нет, что-то в чертах лица королевы насторожило принца.

С первого взгляда она показалась ему избалованной и высокомерной. И ни роскошные каштановые волосы, нежными волнами лежавшие на ее плечах, ни удачно подобранные в тон платью украшения, ни даже доброжелательный взгляд карих глаз не могли исправить этого впечатления.

Будто какой-то внутренний голос кричал: «Остерегайся ее, Никаниэль. Не доверяй ей». А к своему внутреннему голосу молодой эльф привык прислушиваться.

Но, как бы то ни было, отменно воспитанный эльфийский принц никоим образом не показал своих подозрений. Он галантно поклонился королеве и, взяв ее ладонь в свою руку, осторожно прикоснулся к ней губами.

— Ах какой любезный и красивый юноша. — раздался у него над головой весьма нежный голос. — Ты ведь Никанор? Я безумно благодарна тебе за спасение моего дражайшего супруга. Пойдемте же скорее все в дом, снаружи уже так холодно.

За резными дверями из красного дерева оказался просторный холл с двумя полукруглыми лестницами, уходящими на второй этаж. Напротив входа их встретил пожилой мажордом и парочка смазливых горничных в воздушных юбках.

Отдав юному пажу плащ и отказавшись снимать шляпу из-за особого религиозного обета, Никаниэль предстал перед всеми в своем уже далеко не новом скаутском обмундировании. Меч отдавать он тоже не стал.

— Чудной у тебя наряд, Никанор. — сказал Валхард, с любопытством разглядывая гостя. — Никогда подобного не видел. В нем хоть немного удобно? В любом случае, для застолья он не подходит точно. Доминик, покажи гостю комнату и распорядись, чтобы ему подобрали что-нибудь поприличнее.

Пожилой мажордом молча поклонился своему господину и жестом показал Нику следовать за собой.

Поселили его на втором этаже в просторной комнате зеленого цвета. Зеленые шкафы, зеленые стены, зеленые стулья, огромная зеленая кровать с зеленым же балдахином — как будто человек, обставлявший эти покои, был помешан на мхе, траве и листьях.

Разглядывая себя в зеркале, эльф мысленно поставил свои уши на то, что комната называлась «Изумрудная гостевая», ну или как-нибудь еще в том же духе.

Уведенное отражение Никаниэля совсем не обрадовало. За время путешествия он

похудел, кожа обветрилась и даже слегка загорела, несмотря на то, что идти под солнцем ему практически не довелось. Черты лица немного заострились.

Но, в целом, это был все тот же эльфийский принц, наследник престола, два месяца назад сбежавший из дворца, чтобы воскресить трагически погибшую возлюбленную.

От созерцания отражения его отвлек робкий стук в дверь. Рыжеволосая горничная, краснея и стараясь не встречаться с принцем взглядом, протянула ему сверток с нарядом, подходящим для ужина с королем. Когда Ник забирал одежду их пальцы случайно соприкоснулись, от чего девушка резко отдернула руку и, прыснув в кулак, стремительно убежала.

Оказалось, что ему принесли вышитый золотыми нитями камзол, штаны и лакированные туфли с бантами.

— Тьфу! И эти зеленые! — в сердцах выругался разочарованный эльф.

К приходу Никаниэля в обеденном зале собралось уже полно народу. Мужчины и женщины в роскошных одеждах группами по два-три человека оживленно обсуждали последние новости. Лишь на пару секунд они отвлеклись, чтобы наметанным взглядом опытных царедворцев оценить вновь вошедшего и, сделав выводы, сразу же вернуться к своим беседам.

По углам дежурили стражники в шутовских нарядах. Ни единой эмоции не отражалось на их каменных лицах. На поясе же у каждого висело по совсем не бутафорскому мечу.

Посреди зала стоял длинный деревянный стол, сервированный на тридцать персон. На некогда белоснежной скатерти стопками возвышались тарелки разной глубины, а по сторонам от них сверкало блеском столовое серебро.

На первый взгляд создавалось ощущение богатства и лоска. Но это только на первый взгляд. Наметанный глаз принца, всю жизнь проведенного во дворце правителя всего эльфийского народа, сразу зацепился за некоторые несоответствия.

Небольшие сколы на нескольких тарелках, плохо отстиранные, застаревшие пятна с предыдущих застолий — все это создавало ощущение утраченного былого величия. Даже приборов был некомплект, и местами, утерянные серебряные вилки и ложки, заменяли очень похожие железные аналоги.

Долго ждать не пришлось, и вскоре в зал зашел лакей с тяжелым витым посохом в руках. Он трижды ударил им об пол, привлекая всеобщее внимание, и, дождавшись тишины, объявил:

— Потомок брата сына троюродной тети бабушки сводной сестры Карла-Густава IV — последнего правителя Лионтии. Единственный законный наследник престола, король Теофана и всей Лионтии, Его Величество барон Валхард Теофан с супругой!

Лакей отошел в сторону, пропуская в зал королевскую чету. Венценосные супруги, вежливо отвечая на поклоны подданных величественными кивками, не спеша проследовали к столу и заняли место в его главе. Тут же начали рассаживаться и все остальные.

Никто не сказал Нику какое место ему следовало занять, но тут Валхард нашел его взглядом и жестом показал на стул рядом с собой.

По правую руку от самого короля?

Никаниэль, чувствовавший себя в дворцовом этикете как дварф в шахте, немало удивился. Похоже монарх действительно хотел продемонстрировать всем, насколько сильно он ценит гостя.

Стоило эльфю сесть, как все та же горничная постелила ему на колени салфетку с вензелем «ВТ» и осталась стоять за спинкой стула.

Несмотря на изъяны в сервировке, кухня у Теофана во дворце оказалась отменной. Холодные закуски сменялись горячими, повара в смешных белых колпаках разливали два разных супа, между горячими блюдами подавали антреме. Очевидно, что местная знать не страдала от тревоугодия — она им наслаждалась.

И, конечно же, к каждой перемене подавался свой, подходящий напиток. Чаще всего хмельной. На них Валхард налегал с особым усердием.

— ... порвал пасть очередному, ик, волку, но их вокруг была еще тьма-а. — король уже, наверное, в седьмой раз пересказывал историю своего спасения, каждый раз добавляя все

новые и новые подробности. — И тут появился Никанор! А уж вместе мы...

— Дорогой, может тебе уже хватит пить? — робко перебила мужа Дана.

— Да я ни в одном глазу! Кстати. Где все те лизоблюды, что вероломно бросили меня в лесу? Трусливые мужеложцы! И где, кфхан его дери, Густав? Где этот шкребанный егерь, что не в состоянии отличить волчьи следы от лисьих? Пусть с этого дня свиной пасет!

— Почти все твои охотники уже вернулись, но боятся показываться на глаза...

— И правильно делают!

— ... а егеря пока еще никто не видел. Дорогой, успокойся, у тебя был тяжелый день, — королева говорила тихо, но Ник сидел рядом и все слышал, — пойдем лучше спать. Вон, смотри, тебя уже и сын заждался.

Дана махнула кому-то рукой и к королю подбежал мальчик лет шести и бросился ему на шею.

— Папочка, ты привез мне лисичку?

— Нет, Джофри, прости, в этот раз снова не получилось. — король ласково погладил сына по голове. — Зато гляди кто сегодня у нас тут. Это Никанор. Посмотри какие у него необычные глаза. Видишь?

Мальчик обернулся, смерил беглого принца безразличным высокомерным взглядом, показал ему язык так чтобы папа не видел и вновь вернулся в объятия отца.

— Иди к себе, сынок. Мне нужно сделать еще одно дело и я приду, расскажу тебе сказку перед сном, хорошо?

Джофри кивнул и, не удостоив гостя ни граном внимания, стащил со стола кусок буженины и, кусая ее на ходу, покинул трапезный зал.

Проводив взглядом сына, Валхард грузно поднялся, взял в руки фужер с вишневым ликером и постучал по нему ножом, привлекая всеобщее внимание:

— Как вы все уже, несомненно, знаете, сегодня мы чествуем героя, спасшего самого короля. Выпьем же за него! Никанор, долгих лет жизни тебе и твоим родным! — Теофан залпом справился с содержимым своего бокала. — Ну и, конечно же, герой не может остаться без соответствующей награды. Казначей! Казначе-ей. Казначея мне сюда!

К королю тут же подбежал пухленький невысокий мужичок лет пятидесяти. Будто под дверью стоял.

— Что угодно, Ваше Величество? — медовым голосом вымолвил мастер над монетой, всем своим видом показывая раболепие и восхищение.

— Отвесь-ка нашему гостю мешок золота!

— Прошу прощения, Ваше Величество, но казна почти пуста и золота в ней нет со времен... тех прискорбных событий.

— Как нет? Ах, кфхан! Все забываю... Ну тогда мешок серебра! Моя жизнь, конечно, стоит дороже, но уж что есть.

— Дорогой!

— Ваше Величество...

Одновременно возмутились Дана и казначей.

— Я сказал! — Теофан ударил кулаком по столу, от чего опрокинулся кувшин с вином, рисуя на многострадальной скатерти новое пятно. — Выполнять!

Король многозначительно кивнул казначею и тот, непрестанно кланяясь и пятясь, покинул зал.

— Чего притихли? — гаркнул Валхард на замолчавших придворных. — Гуляем дальше!

Эй! Где там десерт?

— Ваше Величество, право, не стоит. — прошептал Никаниэль, наклонившись к устало упавшему на стул королю.

— Еще как стоит, Никанор, еще как стоит. Любой подвиг должен быть вознагражден, а любой проступок наказан. Так говорил мой отец, так считаю и я.

Эльф не стал спорить и взял с тарелки нежнейшее заварное пирожное.

На следующий день Ник планировал отправиться дальше в путь, так что случаем надо было пользоваться. Неизвестно когда еще удастся столь сытно и вкусно поужинать.

Вскоре казначей вернулся и поставил перед принцем увесистый мешок, доверху наполненный серебряными монетами. Несколько неловкими движениями, под завистливые взгляды сотрапезников, Ник затянул на кошеле тесемки и спрятал его за пазуху.

Пиршество продолжалось.

После застолья беглый принц вернулся в «Изумрудное безобразие», переоделся в оставленную ему на кровати пижаму, устроился поудобнее в огромной кровати и собирался уже было заснуть, как вдруг в дверь робко постучали.

Кого там еще принесло на ночь глядя?

Заинтригованный эльф, теряясь в догадках, надел шляпу и, держа в левой руке ножны с мечом, отпер дверь.

Перед ним стояла все та же горничная, прислуживавшая ему весь вечер. Только теперь она была одета в одну лишь ночнушку, едва закрывавшую колени. Дрожащее пламя одинокой свечи в ее руке уверенно выхватывало из темноты красные от стыда щеки на опущенном вниз личике.

— Господин Никанор, мне приказано согреть вашу постель этой ночью. — тихо проговорила девушка, не поднимая глаз.

— Что?.. Кхм. Э-э-э... — к такому Никаниэль оказался не готов. — В этом нет необходимости. Ты можешь идти. — наконец нашелся что ответить, смущенный принц.

— Но я и сама этого хочу! — внезапно выпалила горничная, делая шаг вперед и поднимая голову. — Я никогда еще не видела настолько красивого и изящного юноши. Вы... вы как волшебный принц из сказок. Я влюбилась с первого взгляда!

Молодой эльф, конечно, подозревал, как он может выглядеть в глазах некоторых человеческих женщин, но и подумать не мог, что все пойдет настолько далеко.

Тем временем девушка стояла практически вплотную к Нику. Запах юного, разгоряченного тела окутал его с ног до головы, сковывая сознание. От учащенного дыхания ее небольшая грудь вздымалась и опускалась, касаясь тела принца. Она смотрела ему прямо в глаза и медленно таяла словно воск на солнце.

Шевеление в нижней части тела непрозрачно намекало, что нужно делать дальше. Миленькая горничная уже закрыла глаза и тянула вперед губы, предвкушая жаркую ночь, но тут Никаниэль вернул себе самообладание и, сделав полшага назад, выставил вперед правую руку.

— Прости... — его голос сорвался и, прочистив горло, он начал снова. — Прости, но я не могу.

Глаза девушки широко распахнулись от удивления. За мгновение в них пронеслись неверие, обида, страх, злость, разочарование. Слезы двумя ручьями покатались по ее нежному лицу и, разразившись рыданиями, она убежала куда-то вглубь поместья.

Ну и ну. Вот это энергия!

Ник, вновь запер дверь. Ни разу в жизни он не испытывал подобного ни с одной эльфийкой. Даже с Элельен.

«С ума сойти! Будто магия какая то. Может это и была магия? Хотя, вроде, не похоже... Еле сдержался. Элен, прости, но я чуть тебе не изменил. Да еще и с человеческой девушкой!»

Возведя очи горе, беглый принц закутался в одеяло и, вскоре, погрузился в мир сладких грез.

И почему никто не удосужился сообщить где в замке уборная?

Никаниэль уже, наверное, минут тридцать бродил по темным коридорам в поисках туалета, с каждой секундой раздражаясь все сильнее.

Даже Флин, и тот сразу сказал, мол «сральник во дворе» — грубо, но понятно. Зеленого ночного горшка в гостевой тоже не обнаружилось. Да и спросить посреди ночи оказалось не у кого. Хотя в Бьюнилиринском дворце у покоев круглые сутки дежурили слуги. Мало ли что понадобится?

«Надо было в окно им насрать и не мучиться. Но нет, я же принц, я благородный, надо блюсти достоинство. Тьфу!»

Рассуждая логически, он спустился на первый этаж.

Вдруг из-за одной из дверей беглый принц услышал голоса. Обрадовавшись, он потянулся уже было к ручке, но в последний момент замер.

— Да откуда там мог взяться этот Никанор? Мерзкий мальчишка! — возмущался незнакомый мужской голос. — По той дороге уже тысячу лет никто не ездил. Весь план псу под хвост!

— Густав, любимый, не волнуйся, мы обязательно со всем справимся, вот увидишь.

Во втором голосе эльф с удивлением узнал Дану — королеву Теофана.

«Густав? А не так ли звали пропавшего егеря? Кажется, я только что вляпался в какое-то дерьмо...»

— Да я же этих волков все лето там прикармливал, практически приручил! А как загорелся этот тупица Валхард, когда увидел следы. Я думал его уговаривать придется, а он сам, едва услышав, что это лисьи, вперед помчался. Сыну, говорит, давно уже привезти обещал. Моему сыну, понимаешь?!

— Конечно, любимый, я и сама мечтала, что уже сегодня мы с тобой сможем провести ночь в королевской спальне, а не в этом чулане.

— В спальне моего брата, ты хотела сказать. За то что этот ублюдок сделал с Эвином я отомщу ему отдельно!

Даже сквозь дверь Ник услышал, как скрипнули зубы егеря.

— Конечно мы отомстим, любимый. И за Эвина и за Майли. Майли, детка... Подумать только — использовать собственную дочь, как подстилку для этого извращенца Хэлмунда. Боюсь даже представить, что он сейчас там с ней вытворяет.

Королева всхлипнула.

— Не плачь, Дани. Сукин сын нам за все ответит! Сейчас же пойду и сделаю то, что мы планировали, если бы Валхард так и не собрался на свою охоту.

Никаниэль едва успел отпрыгнуть от двери и сделать вид, что он просто идет по коридору, как выскочивший из комнаты Густав тут же на него налетел.

— Какого?!..

— О! Наконец-то хоть кого-то встретил! — мгновенно перебил егеря принц. — Подскажите, пожалуйста, где тут комната уединения?

— Что? А. Дальше по коридору и налево. — буркнул мужчина, подозрительно уставившись на ночного скитальца.

— Премного благодарен.

Чувствуя на спине прожигающий взгляд Густава, эльф наконец нашел искомое помещение и с нескрываемым облегчением сделал свое дело.

Даже если егерь стоял под дверью, то придаться тому было бы не к чему. Но Ника заботило далеко не это. Невольно он стал свидетелем подковерной игры в чужом государстве и теперь совершенно не представлял, что предпринять. Рассказать все Валхарду? Или лучше не вмешиваться не в свои дела?

Вернувшись в спальню, Никаниэль так и не решил, как поступить. С одной стороны на лицо заговор против короля, но с другой — кто он такой, чтобы вершить чужие судьбы. Одно дело, случись все это в Эльфхейме, но тут...

Внезапно ему вспомнились недавние события в Габильнуге. Там Ник уже попытался влезть куда не надо, а что из этого вышло?

С тяжелыми мыслями он вновь погрузился в сон. И на этот раз грезы его были далеко не такими сладкими.

Утром Ника к завтраку позвала все та же горничная. Ее до сих пор красные от слез глаза заставили принца почувствовать необъяснимый укол совести. Девушка молча шла на полшага позади гостя, и лишь перед самым входом в трапезную шепнула ему прямо в ухо:

— Прошу, не говорите, что вы меня прогнали. Меня накажут.

От ее горячего дыхания у молодого эльфа как-то странно потеплело в животе, но, тем не менее, он лишь кивнул и уверенно вошел в зал.

Королевская чета вновь сидела во главе стола. Им прислуживал молодой парень в красно-желтой ливрее и лакированных ботинках. Недалеко от входа дежурил одинокий стражник. Шутовской наряд сменил полный латный доспех, начищенный до блеска и отражавший редкие солнечные лучи, падавшие на него через окно.

— Король, Королева. — Никаниэль учтиво поклонился. — Добрейшего утра.

Оба правителя встрепенулись, не услышав приставки «мой», но, тем не менее, в ответ Дана лишь молча кивнула, а Валхард расплылся в улыбке и похлопал ладонью по стулу рядом с собой.

— М-м-м, Никаноф, — проговорил он с набитым ртом, — присафуйся.

Ник сел. Он все еще не решил, стоит ли рассказывать королю о ночном происшествии. «За» и «против» по-прежнему боролись в его голове, и победитель определяться пока что не собирался.

Трапеза проходила молча. Дана демонстративно смотрела исключительно в свою тарелку, а вот Теофана так и подмывало о чем-то спросить.

Наконец он не выдержал.

Убедившись, что супруга увлечена едой, Валхард пнул гостя ногой под столом, привлекая внимания. Затем он одним взглядом показал ему на горничную за спиной и так же глазами спросил, мол «как оно?».

Мгновенно поняв о чем идет речь, Никаниэль многозначительно кивнул.

— Кхм, Никанор. — тут же подал голос довольный монарх. — Так что на счет вступить в мою личную стражу? Не передумал?

— Честно говоря, Ваше Величество, я хотел бы сегодня уже поки...

Договорить ему не дали, так в этот самый момент за спиной раздался щелчок запираемой двери, а королевский паж выхватил из-под ливреи кинжал и занес его над головой Валхарда.

Немедленно среагировав, беглый принц вскочил, опрокидывая стул, и столовым ножом отбил кинжал над самой спиной правителя.

— Стража! — только и смог нервно взвизгнуть Теофан, падая на Дану и увлекая ее с собой на пол.

Никаниэль отбросил нож и выхватил меч, чтобы тут же пустить его в ход, потому что единственный стражник в помещении совсем не собирался спасать своего короля. Наоборот, это он запер дверь и, грубо оттолкнув в сторону опешившую горничную, занес меч над внезапным защитником монарха.

Эльф парировал атаку, и оружие стражника лишь выбило щепки из стола. Воспользовавшись моментом, Ник нанес удар наотмашь по животу противника, но доспех с честью выдержал это испытание, отделавшись всего-навсего царапиной на одной из пластин.

Беглый принц отскочил в сторону и встал между королем и убийцами. В дверь уже колотили с другой стороны, и ему нужно было лишь продержаться до прибытия подмоги.

Понимали это и злоумышленники. А потому, не тратя время, они одновременно ринулись в атаку. Но, к счастью для Ника, допустили серьезную ошибку. В то время как стражник явно пытался разрубить опасного противника, паж решил его полностью проигнорировать и сперва убить Теофана.

Действуя они сообща, эльфу пришлось бы туго, а так, воспользовавшись их оплошностью, Никаниэль катнул под ноги латнику королевский стул, а сам попытался кончиком клинка выбить кинжал из рук прислуги.

К сожалению, стражник и не думал спотыкаться о препятствие и хорошенько пнул его закованной в сталь ногой, больно зарядив стулом Нику по правой руке. Руке в которой лежал меч.

Из-за этого удар принца смазался, и, вместо того чтобы просто выбить кинжал, он начисто отрезал пажу всю кисть.

Рука убийцы со смачным чавканьем шлепнулась на каменный пол, а сам он, разбрызгивая по всей комнате кровь и жалобно скуля, забился в угол и принялся баюкать искалеченную конечность.

Пусть Никаниэль и не выронил меча от удара стулом, но держать его как прежде он больше не мог. Это увидел и стражник. Радостно хмыкнув, он пошел прямо на своего врага, размахивая мечом из стороны в сторону.

Понимая, что больше сражаться на равных у него не получится, Ник решил на хитрость. И вместо того чтобы попытаться отступить он наоборот бросился прямо к злоумышленнику.

Подбежав практически вплотную, эльф взмахнул мечом перед глазами противника, отвлекая его внимание, а сам выхватил из-за спины потайной стилет и с размаху вонзил его в зазор между пластинами доспеха.

Тонкое лезвие сделало то, с чем не справился легендарный Люминистилл. Попав точно в цель, оно скользнуло под броню и, не заметив плотного поддоспешника, вонзилось убийце прямо в сердце.

Качнувшись, преступник рухнул прямиком на Ника, придавив его всей своей массой. И в этот же момент, наконец, поддались двери, впуская внутрь долгожданную подмогу.

Ощущение было такое, будто на Никаниэля упал дом. Он лежал, придавленный тяжестью закованного в сталь трупа, не в силах ни спихнуть его с себя, ни даже толком вдохнуть. Горячая кровь поверженного противника неудержимым потоком заливала отвратный зеленый камзол, окрашивая тот в ярко-красный цвет смерти.

«Как же хорошо, что у меня с собой оказался именно этот стилет». — пронеслось в голове у Ника в след за мысленной благодарностью учителю, утверждавшему, что лишних потайных кинжалов не бывает.

Дело в том, что изначально он пытался взять с собой нормальный кортик, но ему просто не удалось спрятать оружие в неудобных парадных одеждах. А потому окончательный выбор пал именно на этот стилет с узким лезвием. Стилет который так удачно смог прошить плотный поддоспешник и спасти своему владельцу жизнь.

Боковым зрением беглый принц видел, как первым в зал ворвался вчерашний мрачный мужчина в черных одеждах и с козлиной бородкой. Прежде всего тот подскочил к королю с королевой и, убедившись что с венецесной парой все в порядке, принялся раздавать указания своим подчиненным.

Рыдавшего в углу калеку сковали и, перетянув культю ремнем, увели для допроса. С Ника, наконец, стащили труп стражника, подняли и... заломив руки, повели следом. Чудом удержавшаяся во время боя на голове шляпа едва не слетела со своего законного места.

— Стойте! Стойте, недоумки! Отпустите его! — закричал на слуг Теофан. — Это он спас меня! ...Причем уже третий раз... — значительно тише добавил тот.

Ника отпустили.

— Но, Ваше Величество, зачем тогда ему убивать вашего стражника? — спросил мужик в черном.

— Да потому что этот кфханов стражник и пытался меня зарезать!

— Не может быть! Я лично проверяю всех воинов перед тем как их берут на службу.

Мужчина направился к трупу, а король прокричал ему вслед:

— А вот и может, Брюин! И если бы не этот юноша, то меня бы тут порубали в вестмирстский триф!

Человек в черном тем временем стащил шлем со стражника:

— Ну конечно, это Сэм, я сам... подождите секундочку. — Брюин засунул руку в доспех и снял с шеи преступника цепочку с кулоном в форме трехпалой руки.

— Церковь Трех Основ.

Может это и был запасной план королевы?

Принц бросил взгляд на Дану, но та до сих пор сидела на полу с видом полнейшего ошеломления. Или она и правда не при чем или первые роли в театре ей обеспечены.

— Церковь Трех Основ? Но ведь я же не строил им препятствий. И даже выделил здание в Ануфьево. Зачем им меня убивать? — удивился Валхард.

— Прощу прощения. — вмешался в разговор Никаниэль. — Я видел вчера, как послушники смывали со стены храма точно такой же символ. Что это еще за церковь Трех Основ?

— Парень, ты что — вчера родился? — Брюин махнул подчиненным рукой чтобы унесли тело и повернулся к Нику. — Уже лет шесть, как эти еретики набирают популярность

по всему Альйону. Они верят, что существует всего три бога — добра, зла и равновесия — и, причем, боги эти никак не вмешиваются в судьбу нашего мира, а лишь наблюдают и ждут.

— Чего ждут?

— Конца света, естественно. Чтобы потом перекрыть весь мир и начать с чистого листа.

— Пф-ф-ф. — эльф мотнул головой и закатил глаза. — Кто вообще в это поверит? Ведь любой жрец может помолиться своему богу и творить чудеса его именем. Какие могут быть сомнения и другие боги?

В комнате воцарилась тишина.

Валхард, Брюин и даже Дана, вышедшая из ступора, уставились на беглого принца. На их лицах читались смесь удивления, подозрения и недоверия, будто Ник сказал, что сейчас за ним прилетит личный дракон и они умчатся в земли радуги, откуда и прибыли буквально вчера. На пикник.

— Кхм-кхм. — многозначительно прервал молчание Теофан. — В общем, Брюин, возьми с собой самых верных людей и отправляйся к этим трех... Хотя нет! — внезапно передумал он. — Самых верных людей оставь охранять меня. А с собой возьми... Нет, стой!

Осознав, что так тоже получается не лучше, король замялся и, наконец, выдал:

— Короче — сделай все как нужно! И... возьми с собой Никанора.

— Ваше Величество! — одновременно возмутились эльф и бородач.

— Никанор. — Валхард медленно повернулся к Нику. Сейчас его обычно жизнерадостное лицо не выражало ничего кроме усталости. — Я, к сожалению, не могу тебе приказывать, но ты — человек не заинтересованный, и, к тому же, и так уже много для меня сделал. Я в долгу не останусь, поверь.

На самом деле Никаниэль хотел сразу после завтрака продолжить свой путь к Тике, но, глядя в эти усталые глаза, совесть не позволила ему сказать «нет», а потому он просто молча кивнул.

— Но мне нужно время чтобы привести себя в порядок. — спохватившись, тут же добавил принц.

— Само собой. — ответил король с явным облегчением в голосе и выжидательно уставился на Брюина.

Тот, нахмурившись, сверлил взглядом абсолютно незнакомого ему юношу, столь стремительно втершегося в доверие к монарху. «Кто он такой?», «Что ему надо?» — ясно читалось на лице мужчины. Никаниэль будто оказался под действием мощного сканирующего заклинания и чувство это ему весьма не понравилось.

— Через час у главного входа. — отчеканил Брюин и стремительным шагом покинул помещение.

— Ваше Величество, а кто это вообще такой?

— Брюин? — Валхард грустно улыбнулся. — Брюин это мой верный помощник. Он и начальник охраны, и глава тайной канцелярии, и первый советник... Незаменимый человек. Не представляю, что я буду делать, если окажется, что и он в этом как-то замешан...

Молодой эльф решил, что с такой влиятельной личностью лучше не ссориться.

— Сюзи! — обратился король к горничной. — Помоги гостю.

Молодая девушка уже давно поднялась на ноги. Все это время она стояла, не проронив ни звука, находясь в полнейшем шоке от увиденного. Только что, прямо на ее глазах, юноша, возможно даже моложе ее самой, которого еще ночью она безуспешно пыталась соблазнить,

не мешкая ни секунды, покалечил одного человека и убил другого. А потом, как ни в чем не бывало, встал и беседовал с первыми людьми королевства.

Это в ее сознании никак не укладывалось.

Пусть и прислугой, она всю жизнь провела во дворце и ничего страшнее разделки курицы на кухне не видела. Даже когда шла война, ее вместе со всеми перевезли из столицы в Ануфьево.

Она не видела увечных мужчин и юношей, зажимающих раны окровавленными тряпками, не стояла рядом с убитыми горем матерями, вынужденных хоронить своих детей, не слышала стоны умирающих, молящих спасти их или хотя бы добить, не ощущала зловония смерти, сочетающего в себе запахи свежей земли и скисшего дерьма.

Самыми неприятными моментами в ее жизни были лишь те, когда пьяный король заходил к ней «поразвлечься». Да и то он чаще всего просто засыпал у нее на груди, сперва тщательно облапав.

И вот теперь огромная липкая лужа ярко красной крови постепенно разливалась по полу, неумолимо подбираясь к ее лакированным туфелькам. Суровая реальность на полном скаку ворвалась в изнеженную жизнь королевской горничной.

«Сюзи! Помоги гостю». — будто бы издалека донеслось до девушки. — «Сюзи, ты что, не слышишь?»

— Сюзи! — голос короля наконец пробился в сознание прислуги.

Рефлекторно присев в реверансе, внезапно повзрослевшая горничная повела приводить в порядок этого странного юношу.

Через час Никаниэль вышел к главному входу в особняк. Брюин и четверо фигур, одетых один в один как командир, уже ждали его.

Беглый принц снова облачился в скаутскую броню и скрывавший ее плащ. Потайные кинжалы устроились на положенных им местах, а у левого бедра вновь покоился отчищенный от крови Люминистилл. Голову, по обыкновению, венчала потрепанная шляпа старика Нора.

С переодеванием, правда, возникли некоторые трудности.

Правая рука после удара стулом непрерывно ныла и практически не слушалась. Нику даже пришлось прибегнуть к помощи горничной, которая безропотно, влажной тряпкой стерла кровь с его тела и затянула все ремни на эльфийской броне. Ее лицо при этом абсолютно ничего не выражало, а взгляд, казалось, был направлен куда-то вглубь.

Почти как у Анет в тот раз.

Молодой эльф почему-то испытывал необъяснимое чувство вины перед девушкой и решил обязательно поговорить с ней позже.

— Уважаемый Брюин. — Никаниэль приветственно кивнул. — Не хотите ли захватить с собой парочку стражников в латах? Оказалось, их действительно весьма сложно ранить. Кто знает как нас встретят в церкви Трех Основ... — без всякой задней мысли предложил Ник.

Бой со стражником в самом деле впечатлил его. Дело в том, что эльфы, традиционно, подобную броню не использовали, а у оркам обычно не хватало средств, чтобы снарядить подобным образом хотя бы одного бойца. С другими же расами эльфы уже давно не конфликтовали, поэтому даже на тренировках у принца и не было возможности набраться опыта такого рода сражений.

Повезло еще, что на первой ступени школы меча и магии молодым эльфам рассказывали, как во времена Ужасной войны под командованием короля Лионтии служил целый полк рыцарей, закованных в доспехи от макушек до пят.

Тогда же впечатленным ученикам и описали сильные и слабые стороны подобной амуниции. Будучи принцем, Никаниэль серьезно относился к учебе и вот теперь эти знания, без преувеличений, спасли ему жизнь.

Испытав на себе всю мощь и пользу подобного обмундирования, он был совсем не против, если бы пара-тройка эдаких ходячих статуй, в случае чего, сразились на его стороне.

А вот Брюину предложение, похоже, пришлось совсем не по душе. Тот придирчиво осмотрел беглого принца и, раздраженно цыкнув, отправился вниз по лестнице. Трое его подчиненных поспешили следом. А вот четвертый подскочил к Нику и быстро зашептал:

— Ну ты, конечно, сказанул, парень! «Не хотите ли захватить парочку латников»? — передразнил его человек в черном. Он оказался весьма молод и, будь Никаниэль человеком, они могли бы быть ровесниками.

— А ты в курсе, что у нас таких комплектов всеготи было? — продолжал тараторить тот, спускаясь рядом с Ником. — Носили их с большой честью и только личные стражи Его Величества! Но два пришлось бросить при бегстве из столицы. Так что ты только что Черному Брюину на большую мозоль наступил, да. Слушай, а ты правда Сэма уделал? Сэм был одним из...

— Новичок! — гаркнул не оборачиваясь Брюин. — Если не хочешь назад в рядовые,

быстро заткнулся и следил по сторонам!

Молодой человек вздрогнул и от неожиданности чуть не прикусил язык. Он сделал собеседнику страшные глаза и поспешил к сослуживцам.

«Всего три на всю страну! Видать не дешевая игрушка-то. Хорошо, что у орков таких, вроде, нет». — эльф представил себе здоровенного, мускулистого орка, закованного в латную броню и размахивающего огромным двуручным молотом посреди поля боя. Его аж передернуло от мысли, что если доспех еще и зачаровать от магии, то такого противника пришлось бы брать только разве что баллистой.

Путь группы лежал по той же самой дороге, что вели Никаниэля вчера. Каждый встреченный учтиво уступал дорогу, едва завидев правую руку короля. А может люди просто его боялись. Глава тайной канцелярии не тот человек, гнев или даже неудовольствие которого стоило вызывать.

Проходя мимо храма всех богов, беглый принц окликнул своего провожатого:

— Уважаемый Брюин, прошу прощения. — отряд остановился. — Я хотел бы зайти в храм, чтобы кто-нибудь из жрецов вылечил мне руку.

И вновь, второй раз за день, на Ника смотрели как на умалишенного.

— Ты хочешь молитву о здравии? — спустя несколько секунд недоуменного молчания уточнил глава тайной канцелярии.

— Ну да. Я примерно так и сказал.

Прежде напряженное лицо Брюина разгладилось, будто окружающий мир вновь обрел ясность:

— Кто-нибудь еще желает сопроводить нашего гостя в его религиозном порыве?

Не дожидаясь ответа, он дозволительно махнул рукой в сторону храма, а сам со своими людьми перебрался на противоположную сторону улицы.

Пожав плечами, Никаниэль направился ко входу и потянулся было к ручке, но не успел он ее коснуться, как двери распахнулись, и из храма вышел бедно одетый мужчина. По его щекам текли слезы, а на руках он держал маленького мальчика лет пяти. Ребенок выглядел через-чур бледным и хрипло дышал, с трудом проталкивая воздух через опухшую гортань.

Проглотив застрявший в горле ком, мужчина прошептал что-то, глядя в небо, нежно поцеловал мальчика и печально поплелся в сторону деревянных домов.

Видимо в храме не нашлось достаточно опытного жреца и им теперь предстояло ехать в более крупный город. Эльфу стало безумно жаль этих людей, но помочь им он все равно никак не мог.

Ник мысленно вознес молитву Лаоду, чтобы те успели вовремя, и почтительно переступил порог священного места.

Внутреннее убранство сходу вызвало недоумение у беглого принца. Если в Бьюнилирине храм сверкал чистотой и был полон света, прихожан и послушников, то тут...

Вдоль стен стояли грязные подсвечники на длинных ножках, и ни один из них не был зажжен. Свет проникал лишь через витражные стекла наверху. Два ряда деревянных скамеек уходили вперед к большой каменной кафедре, но с нее никто не выступал, да и на скамейках сидели лишь три человека, закрывших лица ладонями. По залу ходили послушники, но все что они делали — лениво елозили старыми метлами, перегоняя комки пыли из одного угла в другой.

Когда глаза Никаниэля привыкли к царящему внутри полумраку, он различил несколько темных провалов арок, ведущих в разные стороны. Над каждой из них висели пыльные

выцветшие флаги с эмблемами богов.

Раненный эльф направился к тому, где на красном фоне изображалось могучее дерево, своими корнями оплетавшее весь мир. С одной стороны от него царила вечная ночь, а с другой — вечный день. Орнамент же из листьев символизировал нерушимый союз всех рас Альйона.

Аракай. Бог жизни. Покровитель врачей и врачевания. Может местный жрец был и не достаточно опытен для исцеления серьезных болезней, но уж руку точно мог вылечить даже начинающий священник.

Едва пройдя через арку, Ник будто очутился в другом мире.

Покрытые красной позолотой стены, рубиновые канделябры, массивный стол из багрового сандала, резные стулья, обитые алым бархатом, алтарь, вырезанный из цельного граната — все это блестело и переливалось в свете десятков зажженных по всей комнате свечей.

Небольшое помещение сверкало роскошью настолько ярко, что даже наследный принц целой могущественной расы оказался шокирован этим подавляющим богатством.

За столом сидел толстый лысый мужчина лет пятидесяти в ярко-красной атласной сутане. Он алчно перебирал мелкие кругляшки монет, сооружая из них башенки, но, завидев вошедшего, тут же смахнул их в выдвижной ящик и, расплывшись в любезнейшей улыбке, проворковал:

— Чем скромный слуга Аракая может помочь столь красивому юноше?

Голос священнослужителя отвлек Никаниэля от созерцания богатств и, опустившись напротив, он вежливо обратился:

— Уважаемый жрец Аракая, сегодня утром я сильно повредил руку и едва могу ей шевелить. Покорно прошу вас одолжить у бога сил и исцелить ее.

— Конечно-конечно, мальчик мой. Молитва за здоровье — всего пятнадцать медяков.

Беглый принц непонимающе уставился священника. Насколько ему было известно, мастера небесных тайн всегда считали за благо помочь страждущему. Ведь каждая молитва, каждое обращение к богу позволяло им стать ближе к своему покровителю, а возможно и подняться в ранге. И он ни разу не слышал, чтобы за это брали деньги.

Видя замешательство просителя, жрец быстро добавил:

— Но для такого очаровательного юноши, так и быть, тринадцать.

Не видя другого выхода, эльф отсчитал необходимую сумму и передал слуге бога. Получив плату, тот возложил ладони на правую руку Ника, сосредоточился, вознес пламенную молитву Аракаю и... ничего не произошло.

— Ну вот и все, мальчик мой. Еще два-три сеанса и рука будет как новенькая. Славься Аракай!

Полный сомнений и неверия в происходящее, Никаниэль поднялся и медленно направился к выходу. Но на полпути он все-таки обернулся и решил спросить:

— А как же...

— Ну конечно, мой дорогой! — тут же перебил его, расплывшийся в улыбке жрец. — Приходи вечером ко мне домой и я с удовольствием проведу отдельный обряд только для-тебя.

Не став больше ничего говорить, беглый принц неровным шагом покинул чертог Аракая и вернулся в холл. В смятении он осмотрелся вокруг и его взгляд зацепился за желтый флаг с изображением солнца.

Лаод!

Ник решительно направился в обитель бога света.

К его великому сожалению там все повторилось точь-в-точь. С той лишь разницей, что среди богатств помещения превалировал золотой, а не красный. Ну и скидок ему никто не делал и домой не приглашал.

А вот рука по-прежнему болела и не слушалась. И лучше ей не стало ни на йоту.

Да какого кфхана тут происходит?!

Из храма всех богов Никаниэль вышел расстроенным и угрюмым. Он не понимал почему светлые жрецы не исцелили его и несли всякую чушь про последующие сеансы. При этом ведя себя будто так и должно. Да еще и за деньги.

Подобное никак не укладывалось у него в голове.

Его самого не раз лечили от мелких, да и от более серьезных травм. Однажды, во время тренировочного группового сражения одному из его эльфов начисто отрубило руку по самое плечо. Так отрядный жрец, вознеся необходимые молитвы, приделал ее обратно — и следа не осталось.

Да, конечно, то был опытный священник, давно не новичок. Но и тут-то рука все же на месте! Даже перелома, похоже, нет. Так какого кфхана?

Подойдя к группе, беглый принц задумчиво кивнул и вновь встал в хвосте отряда. Брюин заметил изменение в настроении гостя, но не стал подавать виду и повел отряд дальше к церкви Трех Основ.

Вскоре они свернули на соседнюю дорогу. Потом еще раз. Каменные здания сменились деревянными. Встреченные по пути люди стали заметно проще. В основном они старались вообще уйти с улицы, едва завидя отряд тайной канцелярии.

Через несколько минут процессия остановилась у небольшого двухэтажного деревянного дома с покатой крышей. Не дворец, но и не халупа. Во всяком случае, значительно лучше, чем у Нора или Флина. На дверях грубыми мазками была изображена все та же трехпалая ладонь.

У входа их никто не ждал и Брюин принялся спокойно раздавать указания:

— Ты. — ткнул он пальцем в одного из подчиненных. — Обойди сзади и встань у черного хода. Ты и ты, смотрите за окнами. И чтобы ни одна мышь не проскочила! Новенький и Никанор пойдут со мной. Выполнять!

Пока козлобородый размахивал руками и страшал своих людей, Ник незаметно, на всякий случай, подготовил заклинание воздушного щита, так чтобы потом его оставалось лишь активировать.

Эльф не применял защитные чары с момента боя против Зулгаша, но он сразу заметил какое-то изменение в плетении магии. Правда времени разбираться в чем дело у него уже не осталось — Брюин обнажил рапиру и во всю колотил эфесом в дверь церкви:

— Именем короля откройте! Сейчас же! Именем короля...

Очередной удар пришелся в пустоту, потому как одна из створок отворилась и худощавый старик в серой монашеской рясе скупым жестом пригласил всех пройти внутрь. Не дожидаясь пока гости войдут, он первым отправился в темные недра здания.

Видя, что нападать на него никто не собирается, Брюин вложил рапиру в ножны и, махнув рукой Нику с новеньким, пошел следом.

Внутри царил полумрак. Слева располагался уютный холл с алтарями и коврики для молитв, справа находилась крутая, исшарканная лестница, ведущая на второй этаж, прямо же простирался темный коридор с дверями по одну сторону. Именно туда и сопровождал гостей провожатый.

Среднюю дверь старик, постучав, открыл и учтиво пропустил всех внутрь. Там за простым деревянным столом сидел неопределенного возраста мужчина приятной

наружности. Он был одет в странного вида мантию, раскрашенную сверху в белый, а снизу в черный цвета. Причем между ними не существовало никакой четкой границы, и один цвет переходил в другой, плавно чередуя все оттенки серого.

С удивлением беглый принц заметил, что у того на левой руке не хватало большого пальца и мизинца.

«Совпадение? Не думаю».

Мужчина что-то писал гусиным пером, периодически макая его в глиняную чернильницу. Вдоль стен расположились несколько шкафов с множеством уже исписанных листов.

— Добрый день, уважаемые. Берите стулья, проходите, присаживайтесь. — вежливо поздоровался человек, оторвавшись от своего занятия и нацепив на лицо одну из самых дружелюбных улыбок, что когда-либо видел принц. Его голос оказался таким же приятным и нейтральным как и внешность. — Меня зовут Элтер Сминрэт. Я первый епископ церкви Трех Основ в Теофане. Чем могу помочь?

Брюин не стал размениваться на любезности. Он резко хлопнул ладонью по столу, оставив на нем снятый с тела стражника медальон:

— Ваше?

— Да. Все адепты нашей церкви...

— Именем короля, вы арестованы! — не став дослушивать ответ церковника, выкрикнул бородач. — Новичок, под стражу его!

— Уважаемый Брюин. — решил вмешаться Никаниэль, раз уж король попросил его поучаствовать. — Я, конечно, сую нос не в свое дело, но давайте сперва хотя бы его выслушаем.

Скрипнув зубами, глава тайной канцелярии, он же начальник стражи, он же еще много кто в этом несчастном королевстве, медленно повернулся к столь нагло влезшему в его работу мальчишке.

Брюин явно хотел сказать что-то нелicenseприятное и уже открыл было рот, но в последний момент сдержался и, повернувшись обратно к Элтеру, вопросительно приподнял брови.

— Благодарю, уважаемый...

— Никанор.

— ... уважаемый Никанор. — епископ почтительно кивнул.

— Так вот. — продолжил Сминрэт, сложив пальцы в замок. — Как я уже сказал, это действительно медальон нашей церкви. Его получает каждый, кто посетил хотя бы девять богослужений или существенно помог нам иным образом.

— А убийство короля считается существенной помощью? — злобно бросил Брюин.

На лице Элтера не дрогнул ни один мускул.

— Король убит?

— Отвечайте на вопрос!

— Убийство не может считаться какой бы то ни было помощью. — Епископ абсолютно спокойно смотрел в глаза грозного дознавателя. — Мы — миролюбивая церковь. Мы помогаем нашим прихожанам пережить эти непростые для королевства времена. Проповедуем нейтралитет и невмешательство. Как и заповедовали нам боги.

— *Ваши* боги.

— Наши боги. — не стал спорить мужчина. — А что, собственно, случилось?

— Сегодня утром двое ваших послушников, адептов, называйте как хотите, пытались убить королевскую чету прямо у них во дворце.

И вновь Смирэт продемонстрировал завидное самообладание:

— Позвольте узнать их имена?

Против воли втянутый в государственные разборки эльф переводил взгляд с одного мужчины на другого, пытаясь понять действительно ли здесь замешана церковь ложных богов.

— А вы вот прям всех по именам знаете?

— Разумеется. Это одна из обязанностей первого епископа.

Брюин подозрительно уставился на церковника:

— Сэм Тироль и Редан Белдрик. — выдержав паузу, ответил он.

— В наших рядах таких нет.

— Ложь! — взревел Брюин, выхватывая рапиру. Лицо его покраснело, а вены вздулись от с трудом сдерживаемого гнева. — Именем короля, ты арестован! А если хоть кто-то попытается мне помешать, я прикончу его на месте, не взирая ни на какие заслуги!

Элтер встретился с Никаниэлем взглядом и, в момент, когда глава канцелярии отвлекся, обращаясь к Нику, резко вскочил, опрокидывая стол.

Брюин отшатнулся, бумаги разлетелись по всей комнате, а стоявшая на столе чернильница, упав на пол, внезапно взорвалась, окутав все помещение густыми клубами черного дыма.

Где-то позади новичок истерично звал на помощь; глава тайной канцелярии громко ругался, а ошарашенный эльф, левой рукой вытащив меч, пытался сориентироваться в пространстве.

— Ага! — внезапно услышал Ник возглас Брюина, прервавший поток проклятий, и резко бросился на голос.

Сделав всего пару шагов, Никаниэль неожиданно для себя оказался в небольшой не задымленной области. В ней королевский сыскарь стоял над лежавшим на полу церковником, приставив тому к горлу острое рапиры. Видимо у кого-то из них оказался защитный амулет, позволявший рассеивать дым. И, судя по всему, этим кем-то был Элтер.

Не думая ни секунды, повинувшись какому-то внутреннему импульсу, молодой эльф ударил Брюина рукоятью меча по голове.

Тот упал.

Смирэт, проникновенно глядя в глаза своему спасителю, поблагодарил того коротким кивком и вновь растворился в клубах дыма.

«Какого кфхана я наделал?!» — внезапное осознание произошедшего словно молния поразила ошеломленного принца. — «Нужно срочно убираться!»

Наощупь выбравшись из церкви Трех Основ, Никаниэль направился напрямиком в королевский особняк. Назвать это здание дворцом или замком у него язык не поворачивался. Вообще оно больше походило на дом зажиточного купца, чем на жилище монарха, пусть и не для постоянного проживания.

«Государственная измена! Это же государственная измена! Так, стоп. Я же не подданный Теофана». — эльф так увлекся своей миссией, что забыл почему вообще на нее пошел.

Будь он на месте короля, а когда-нибудь Ник им станет, как бы стоило поступить с тем, кто спас преступника и напал на верного помощника и вообще правую руку монарха?

Принц хлопнул бы себя ладонью по лбу, но рука все еще болела и плохо слушалась.

Валить, валить, валить отсюда надо!

Хотя, вообще, этот Элтер Сминрэт не очень-то походил на преступника. Никаниэль ему даже почему-то верил. Слишком уж честные у того были глаза.

Возможно в этом и заключался план Даны? Заставить прислугу убить короля, а потом свалить все на церковь Трех Основ. А что? И от мужа избавилась и опасную организацию сразу можно объявить вне закона. Хитро.

Нет. Не надо лезть не в свое дело. Пусть сами разбираются. Хотя Валхарда не мешало бы и предупредить...

Не без труда найдя конюшню, беглый принц с горем пополам оседлал лошадь и отправился в выделенные ему покои. Он, конечно, торопился, но там остались некоторые важные вещи, бросать которые было бы большой глупостью.

Столкнувшись на первом этаже с камердинером, Никаниэль, прыгая через две ступеньки, взлетел по лестнице и заперся в своей временной комнате. По-прежнему отвратительно зеленой. Но ему сейчас было не до этого.

Пакуя вещи, эльф внезапно услышал знакомый стук.

Сюзи! Как удачно!

Ник подскочил к двери и отпер ее.

— Сюзи, хорошо что ты пришла я хочу тебя предуп...

На пороге гордо стояла Дана.

От удивления принц отшатнулся, и она тут же зашла внутрь, заперев за собой дверь.

— Интересно, молодой человек, — томно проворковала королева, наступая на гостя и заставляя того пятиться, — а вот, насколько мне неизвестно, вчера вы были весьма холодны к бедняжке Сюзи. Несчастливая девушка. Она всю ночь проплакала у себя в комнате, представляете? Даже скотина Валхард никогда так не поступал со своей игрушкой.

Никаниэль уперся пятками в кровать. Дальше отступить было некуда.

— И я вас прекрасно понимаю. — вкрадчивый, елейный голос будто стремился проникнуть в напрямиком в разум Ника. Дана нежно провела тыльной стороной ладони по его щеке. — Я же видела, как вы на меня вчера смотрели. Вам нравятся женщины постарше. Испушенные. Умудренные. Опытные. Неужели я не права?

Она пылко всем телом прижалась к ошеломленному эльфу.

— Ну же! — горячо прошептала Дана, коснувшись губами мочки его уха. — Не надо стесняться.

— А как же Густав? — только и нашелся кто спросить неготовый к подобному натиску Никаниэль.

Выражение лица королевы мгновенно изменилось. Она раздраженно цыкнула и сделала шаг назад:

— Значит, все-таки, слышал?

Теперь она выглядела уже не как предел мечтаний любого девственника, а как настоящая разозленная мегера. Беглый принц даже почувствовал некоторое облегчение — наконец показала свой настоящий облик.

— Ладно, не важно. — продолжила Дана, не дождавшись ответа. — Мальчик, мы все еще можем договориться. Убей Валхарда!

От подобной прямоты Ник чуть не поперхнулся.

— Этот дурень доверяет тебе и, к тому же, я своими глазами видела на что ты способен. Убей Валхарда, и, когда я стану королевой-регентом, то исполню любое твоё желание. Деньги, титулы, земли — все, что захочешь. Можешь даже жениться на моей дочери.

— На Майли?! Но она же...

— Обещана графу Хэлмунду? — Дана гневно сжала кулаки. — А ты знаешь что этот старый извращенец делает со своими женами? Да ни одна девушка пока не прожила с ним и пяти лет. И за это время они из прекрасных молодых дев превращались в изломанных старух с пустыми глазами. А иногда и глазами! И вот к этому чудовищу он отправил мою малышку Майли! Тварь! Мразь! Ублюдский сукин сын! Ненавижу!

— А этот дворец? Знаешь чей это, с позволения сказать, дворец? — королева не на шутку разбушевалась. — Раньше здесь жил мэр Ануфьево — Эвин, добрейший человек. Двоюродный брат Густава. Так когда мы с позором бежали из нашей же столицы, муженек мой отказался «ютиться» в лучшем доме города. Он вместе со своим ручным псом Брюином состряпал дело и объявил Эвина предателем короны. Его казнили на главной площади! На глазах сотен зевак, жизнь которых изо всех сил старался улучшить Эвин.

Дана кипела как котел, который забыли снять с огня, и теперь вся накопленная в ней ярость выплескивалась наружу. Она гневно расхаживала из стороны в сторону, продолжая поливать мужа грязью.

— Даже Джофри — и тот не сын Валхарда! Я познакомилась с Густавом на приеме у Эвина еще до войны. Красивый, сильный, ухоженный, галантный. — Дана мечтательно подняла голову к потолку. — Да Валхард даже не заметил, ничего! Еще бы, ведь он увлеченно тискал очередную смазливую горничную, а потом подарил той колье с подвесками, которое мы для дочери заказывали! А еще бессмысленные охоты с фрейлинами, пиры, балы, рауты, а сам даже страну удержать не смог, слизняк!

Она перевелавзгляд на Ника:

— Да сними ты, наконец, эту дурацкую шляпу, ты с королевой разговариваешь!

Женщина внезапно подскочила к принцу и снизу вверх ударила по краю головного убора. От неожиданности Никаниэль не успел среагировать, и шляпа слетела с его головы, повиснув в районе лопаток.

В комнате воцарилась тишина.

Побледневшая Дана с изумлением смотрела на длинные, покрытые шрамами, остроконечные уши того, кого она секунду назад считала лишь глупым мальчишкой, способным только умело размахивать мечом.

Она широко открыла рот, глубоко вздохнула, собираясь закричать, но теперь эльф уже

был наготове. Он закрыл ей рот рукой и бросил на кровать, придавив сверху всем телом.

— Спокойно! Не кричи! — тихо произнес он ей прямо в лицо. — Я никакой не демон! Я не причиню тебе вреда, понятно?

Так он и лежал на ней, глядя в расширившиеся от испуга глаза. Постепенно, видя что никто не собирается причинять ей вреда, королева более или менее успокоилась и перестала дергаться.

Заметив это, Ник прошептал:

— Если не будешь кричать, я уберу руку. Хорошо? Моргни два раза если поняла.

Она моргнула.

Медленно, готовый в любую секунду вновь закрыть королеве рот, беглый принц убрал руку от ее лица.

— Так значит ты... эльф?

Никаниэль кивнул.

— Я думала, что это все сказки... — королева совершенно по-новому смотрела на Ника. — Хотя до меня доходили слухи будто кому-то из королей на границе с Волшебным Лесом удалось наладить торговлю с длинноухими дем... с эльфами. Но я никогда в них не верила.

Медленно подняв руку, Дана осторожно пощупала ухо принца, до сих пор не будучи до конца уверенной, что все это происходит наяву.

— Может все-таки слезешь с меня? — прервала она, начавшую уже затягиваться паузу.

— Конечно. — несколько смущенный эльф неуклюже выполнил просьбу. — Прошу прощения.

Они сели рядом на кровати и продолжили разговор все так же — шепотом.

— Значит Валхарда убивать не будешь?

— Нет.

— А если...

— Нет. — резко перебил ее Ник. — И вообще теперь моя очередь задавать вопросы!

Воспользовавшись тем, что Дана все еще находилась слегка в прострации, Никаниэль не стал упускать возможности получить информацию о мире людей из уст знати.

Благодаря этому он выяснил, что дварфы спокойно жили в королевствах. Иногда диаспорами, но чаще — поодиночке. Владели кузницами и редко когда сидели без клиентов.

Четырехрукие варвары чаще всего служили наемниками, но иногда счастливицам удавалось заполучить их в стражу или в личную охрану. Их высоко ценили за верность, доблесть и высокие моральные и боевые качества.

Дракониды же сидели у себя в горах, практически непрерывно воюя с дварфами, но порой спускаясь, чтобы выменять что-нибудь у жителей южных королевств. Монету не признавали и, вроде как, даже могли колдовать.

Всякие немногочисленные расы вроде гномов, кендеров и других, не имевших своих личных территорий, расселись во всей бывшей Лионтии и их не составляло труда встретить практически где угодно.

А вот об орках, к удивлению принца, Дана отзывалась исключительно как о моряках и, чаще всего, пиратах. Хотя, если подумать, через Эльфхейм им точно к людям не пробраться, а крюк через пустыню получался слишком большой и сложный, вот и оставалось зеленокожим осваивать корабельное мастерство.

Ничего такого в школе меча и магии не рассказывали. Хотя, это могли быть темы более

поздних курсов.

Никаниэль хотел задать еще несколько вопросов про магию, но тут за окном раздались крики, призывавшие срочно искать молодого парня в шляпе и с золотыми глазами.

— Кфхан! Совсем забыл!

— Что-то случилось? — очарованная внезапным попаданием в сказку, Дана даже не думала о том, чтобы позвать кого-то на помощь.

— Да, случилось. — опомнившийся эльф вернул на голову шляпу и мигом собрал вещи. — Как отсюда быстро и незаметно попасть в конюшню?

— В конюшню? — удивленно переспросила королева. — Справа, в конце коридора висит портрет полной дамы. За ним есть тайный лаз, и он как раз ведет прямо в конюшню.

— Спасибо! И, Ваше Величество, — бросил принц уже стоя в дверях, — пожалуйста попытайтесь решить вопрос с Валхдром мирно.

Домчавшись до нужного портрета, Никаниэль начал судорожно искать хоть какую-то тайную кнопку или рычаг, но оказалось, что картина открывалась как обыкновенная дверь. Ее требовалось лишь потянуть на себя с нужного края.

В тоннеле царила крошечная тьма.

У входа, с той стороны, висел факел, но огнива найти не удалось. Недолго думая, эльф наколдовал крохотный яркий шарик, света которого оказалось вполне достаточно, чтобы без труда добраться до конюшни. Правда по пути через тоннель у него появился какой-то странный зуд в районе затылка, но разбираться с ним сейчас времени не было.

Подземный коридор привел его прямо в соседнее с Одуванчиком стойло. Люк в полу предательски скрипнул, и конь, обитавший в этой секции, нервно заржал, создавая еще больше шума.

— Эй! — раздался снаружи знакомый голос. — А ну кто там лазает? Назовись!

Услышав все эти странные звуки, в стойло заглянула фигура в черных одеждах. Ей оказался тот самый новичок на службе в тайной канцелярии Теофана, который утром так хотел поболтать с чужаком, убившим Сэма.

Не мешкая ни секунды, Никаниэль подскочил к нему и приставил к горлу один из своих потайных кинжалов.

— Т-т-ты?! — заикаясь, произнес парень, нервно сглотнув. Его глаза, казалось, были готовы вылезти из орбит от страха, а колени ходили ходуном. — П-пожалуйста не убивай меня. Я в-все сделаю, в-все р-расскажу, т-т-только н-не убив-в-вай!

Беглый принц слегка надавил на кинжал и, уколов паренька, заставил того заткнуться.

Прислушался.

Ни одного лишнего звука. Судя по всему, в конюшню больше никого не отправили. Настала пора выбирать.

— А ну успокойся! Успокойся, я сказал! — громким шепотом «прикрикнул» Ник на заложника. — Значит сейчас ты пойдешь к черному входу в замок. Есть тут такой? — новичок судорожно закивал. — Отлично. Идешь туда и изо всех сил орешь, что нашел меня и тебе нужна помощь. И только попробуй сделать как-то иначе! Клянусь всеми богами, ты начнешь завидовать Сэму!

По глазам увидев, что тот делает все как велено, эльф медленно убрал кинжал и подтолкнул парня к выходу.

— Стой! — окликнул его Ник, когда новичок уже почти вышел из стойла. Тот встал и грустно обернулся с печальным выражением лица. — Бросай ты службу в гвардии. Не твое

это. Ясно? Иди.

Парень с облегчением кивнул и выбежал наружу.

Дождавшись крика о помощи и топота нескольких пар ног, сломя голову пробежавших мимо конюшни, Никаниэль, наконец, взобрался в седло и поскакал прочь из города.

Без проблем покинув Ануфьево, беглый принц отправился напрямиком на юг, в Тику. Он решил, что уже достаточно узнал о мире людей и пора бы вплотную заняться поисками могущественного некроманта. Элельен уже заждалась. Как и Никаниэль.

Ближе к ночи, отъехав на безопасное расстояние и расположившись на ночлег, Ник понял что ему так мешало всю дорогу. Возникший в тоннеле странный зуд в затылке, не только не пропал, но и постепенно становился все сильнее.

— А-а-а-а. Кфхан! Я же так и не применил воздушный щит! — воскликнул он, развеивая не приготившееся заклинание.

Зуд тут же пропал.

Утомленный принц осознал, что все это время он пробегал с висящим наготове заклинанием, при этом успешно применив в туннеле светляка. До сего момента Ник не сомневался, что это в принципе невозможно.

Но каким бы сильным не было удивление, усталость взяла свое и, не рискнув свернуть себе зевотой челюсть, измотанный эльф улегся спать.

К утру здоровый сон и молодость сделали свое дело. Рука, конечно, полностью не прошла, и теперь по предплечью разливался безобразный фиолетовый синяк, но теперь, по крайней мере, Никаниэль мог шевелить кистью и пальцами. Пусть каждое движение и приносило весьма неприятные, болезненные ощущения, но это, в любом случае, значительно лучше, чем вообще обходиться одной левой.

— Еще пара дней и будет как новенькая.

Со свойственной молодым легкомысленностью он ни секунды не сомневался, что любые незначительные повреждения и травмы со временем пройдут сами по себе, не оставив на теле и следа. Впрочем, в его возрасте, обычно это так и происходило.

Позавтракав, и закончив с утренними процедурами, беглый принц продолжил свой путь в Тику. Он ехал верхом на Одуванчике и размышлял о событиях, приключившихся с ним с момента как он покинул родные леса.

Ник мрачно вспоминал Габильнут и Ануфьево... И людей, которые страдали и гибли вокруг. Причем некоторые от его руки.

Как и любой эльф, Никаниэль выше всего ценил жизнь в любых ее проявлениях. Животные, растения, люди, эльфы, даже тупые уродливые орки — жизнь любого существа бесценна для представителей этой древней расы.

Да, конечно, иногда приходилось прервать чей-то век. Может быть для защиты жизни и родного очага, или ради пропитания, или чтобы предотвратить чего-то еще более ужасное. Все это возможно и не противоречило эльфийской морали. Но, тем не менее, жизненная философия, впитанная принцем почти за восемь десятилетий проведенных среди сородичей, учила стараться избегать ненужных, неоправданных жертв.

И Никаниэль всю свою жизнь свято придерживался этих принципов.

На самом деле изначально он планировал вообще свести общение с жителями королевств к минимуму. Возможно что-то выменять или спросить дорогу. Но оказалось, что жизненная энергия людей столь сильна, что она раз за разом вовлекала Ника в какие-то непонятные истории.

Просто удивительно! Они живут столь мало, но в то же время столь ярко. Вокруг них все время бурлят страсти, жизнь кипит и бурлит. Гнев и радость, вожделение и отвращение, презрение и любовь — ничего этого они не скрывают. Подобно вулканам, извергающим горячие потоки лавы, люди порождают бесконечные потоки эмоций, способных захлестнуть и унести в неведомые дали необузданных чувств.

У Ника даже зародилась мысль, что боги выделили всем расам Альйона одинаковое количество страстей и переживаний, но из-за своей короткой жизни люди пытались успеть испытать их все, а эльфы наоборот вынуждены экономно их расходовать и растягивать на столетия.

Не слезая с лошади, Никаниэль сорвал сухую придорожную травинку и, покачиваясь в седле, закинул ту в рот.

Все небо до самого горизонта затянули рваные тучи. В любой момент мог начаться дождь, но печальный эльф не обращал на это никакого внимания. Им без остатка завладели нелегкие мысли, угрюмыми валунами ворочавшиеся теперь в голове.

Простая девушка Сюзи. Ни один житель Эльфхейма никогда даже и не взглянул бы в ее

сторону. Но Валхард, несомненно, считал горничную весьма привлекательной. Ни для кого не секрет, что именно приказал ей король той ночью, но ведь она же и сама была не против. Да и Анет, по словам Дима, скорей всего хотела сделать то же самое.

Беглый принц нахмурился, вспомнив в каком состоянии он в последний раз видел эту златовласую жертву банды Кровавого Джона.

Но можно ли представить, пусть даже на минуту, что эльфийская девушка придет ночью к приглянувшемуся ей парню и скажет: «Забирай меня, я вся твоя»?

Да ни в жизнь!

Она годами будет раз в месяц делать ему едва заметный намек: где-то улыбнется, где-то благосклонно склонит голову, где-то засмеется в его присутствии, изящно прикрыв губы пальчиками — где уж тут понять, что это адресовано именно тебе, и дама вам симпатизирует? Ничего удивительного, что первого ребенка эльфы часто заводили на шестом веку. Как раз к этому возрасту начинаешь смутно, отдаленно понимать женские намеки.

Вспомнив, какую энергию, какое сильное желание излучала та горничная, стоя практически вплотную к нему, по телу Ника бодро пробежалась волна мурашек, зародившись где-то в районе живота и дойдя до самой макушки.

Никаниэль непроизвольно вздрогнул.

Элельен...

Или взять ту же Дану. Она явно сперва пыталась соблазнить неопытного в любовных делах юношу, чтобы потом использовать того в своих целях. А как яростно и убедительно потом поливала грязью мужа! Не исключено, что половина из этого было как минимум преувеличением. Но она настолько верила в свои слова, настолько горячо и страстно демонстрировала ненависть к супругу, что готова была заразить ею всех вокруг, включая Ника.

Принц хмыкнул и неосознанно отмахнулся от жужжавшего над ухом шмеля.

Внезапно ему в голому пришла мысль, что нужно научиться или как-то фильтровать людские эмоции или... использовать их так же пылко и бурно как они!

А что? Вот очнется Элельен, а тут Ник — весь такой яркий, спонтанный и неожиданный! Способны ли вообще эльфы на подобное или это различия рас, заложенные самими богами?

Мысли о возлюбленной как всегда ввергли Никаниэля скверное состояние духа. Мерно покачиваясь в седле, он с горечью вспоминал счастливые часы проведенные вместе с возлюбленной. Нежный образ так и стоял перед его мысленным взором. Такой близкий и в то же время бесконечно далекий. Как глубины Коэльского океана. Как заснеженные вершины самых высоких гор.

Он с радостью отдал бы все что у него есть, а чего нет — одолжил бы, выпросил, украл, но тоже не задумываясь пожертвовал за возможность лишь на мгновение вновь оказаться рядом с ней. Прикоснуться к шелку гладкой кожи, насладиться бархатным звоном нежного голоса, утонуть бездонном атласе глаз цвета распустившихся бутонов вишни. Дышать одним воздухом с той, кто был для него дороже и важнее самого дыхания.

«Любимая, клянусь, я не буду знать покоя до тех пор, пока ты не сможешь вновь осчастливить весь Эльфхейм своей сияющей улыбкой!»

Задумавшись о доме Ник окончательно погрузился в холодный ил самого дна уныния. Словно наяву он увидел как огорчился отец, узнав, что его родной сын, наследник и опора,

сбежал прихватив с собой бесценный артефакт. Представил Сина, которого, скорей всего, жестоко наказали за пособничество в этом бегстве. Посочувствовал и старику Илину, по незнанию спонсировавшему незаконное путешествие.

Одинок скатившуюся по щеке слезу скрыл наконец решившийся явить себя миру дождь.

А Принц все размышлял.

О том и об этом... И даже корил себя за то, что не смог решить, как правильно поступить в Ануфьево. На чью сторону встать — рохли и развратника Валхарда или расчетливой искусительницы Даны? На этот вопрос он до сих пор не мог дать вразумительного ответа и потому уезжал от них все дальше и дальше.

Из чертогов разума задумавшийся эльф вывалился в самом прямом смысле этого слова. Он буквально чуть не выпал из седла, когда Одуванчик поскользнулась на очередном комке размокшей грязи. Лошадь обиженно заржала и повернула голову, с укором глядя на наездника.

— Прости-прости. — Никаниэль виновато потрепал промокшую гриву несчастного животного.

Не хватало еще остаться без лошади и вновь идти на своих двоих. Возможность добраться до Тики тогда отложились бы в лучшем случае до весны. А если и дальше влипнуть во все подряд, то, может, и вообще навсегда.

Ник осмотрелся.

Весьма неплохая, по местным меркам, дорога незаметно превратилась в практически заросшую тропу. К тому же теперь еще и размокшую. Судя по всему, ее чаще использовали как некую межу, чем путь сообщения.

С одной стороны простиралось еще не убранное поле, за которым виднелась вереница дымков отдаленной деревни. С другой — небольшое пастбище, плавно переходившее в обыкновенный лиственный лес.

Туда и направился беглый принц.

Определить направление без солнца он не мог, а спрашивать сейчас дорогу просто не хотел. Поэтому он осторожно слез с лошади, взял ее под уздцы и повел под защиту деревьев.

Судя по плотности туч, на сегодня их путь был закончен.

Следующие несколько дней, к вящей радости Ника, прошли без каких бы то ни было серьезных происшествий.

Дважды он пересекал границы королевств, продолжая расплачиваться медяками, оставшимися от сделки с Флином. Оба раза никто не пытался его обмануть. Единственное что — поштина с всадника оказалась несколько существеннее чем с пешего, но незначительно.

Еще пришлось пару раз пополнить запасы продовольствия в деревнях. Беглый принц сознательно держался подальше от крупных городов, не рискуя пока что плотно взаимодействовать с представителями людской расы.

Но вот, сумка с припасами вновь начала показывать дно, да и оставшиеся с покупки лошади последние две медяшки, жалобно звенели в пустом кошельке.

Не иначе как настала пора воспользоваться благодарностью Его Величества Валхарда Теофана. Золото, раз есть такая возможность, Никаниэль решил припасти на оплату услуг некроманта. Неизвестно сколько тот вообще запросит и нужны ли ему деньги, в целом. Как бы не захотел чего невыполнимого. Впрочем, ради любимой, принц был готов на все.

Ближе к полудню показался небольшой город.

Значительно меньше Ануфьево, но, зато, обнесенный по периметру частоколом. Без единого каменного строения, он больше походил на разросшуюся деревню, коей, скорей всего, изначально и являлся.

Город на две неравные части разделяла река с крутыми берегами. Сейчас, в межень, вода опустилась низко, но она стремительным потоком неслась навстречу Нику, надеясь когда-нибудь попасть в далекое Северное море.

Еще издали Никаниэль заметил множество людей, столпившихся на главной площади противоположного берега реки.

Со стороны это больше всего походило на ярмарку. Или, возможно, выступление бродячих артистов, неизменно собиравших немало зевак вне зависимости от времени года.

Кроме того, не мешало бы время от времени спать в теплой постели, а не на голой земле. Ночи с каждым днем становились лишь холоднее.

Конечно, беглый принц знал, что наступала зима и даже был в курсе что такое снег. Вот только дело в том, что в Эльфхейме смена времен года не сильно отражалась на окружающей действительности. В их волшебном заколдованном лесу погода зимой совсем немногим холоднее, чем летом.

Осенью, после основного сбора урожая, тучи начинали все чаще затягивать небосвод. Затем то и дело заряжали затяжные дожди, время от времени заливавшие весь Эльфхейм. И так до самой весны. Потом все расцветало, отряхивалось, птички щебетали, бабочки порхали, солнце светило — в общем, наступало лето.

Вот и вся зима.

Естественно Ника учили, что так происходило не всегда и далеко не весь мир устроен подобным образом. Что на Альйоне есть места, где каждый из четырех сезонов ярко выражен своими характерными признаками. И что кое-где и вовсе земля круглый год покрыта коркой многовекового льда и не знавала теплых лучей солнца со времен создания мира.

Но живую никогда не покидавший страны эльф видел снег только на редких праздниках, когда Тоэрус Элегнор — придворный архимаг — призывал над дворцом пышные белые облака, из которых целый час сыпались крупные узорные снежинки, смешно таявшие на ладонях.

Будучи несмышленным карапузом Никаниэль обожал и с нетерпением ждал каждого такого праздника, доставая могущественного волшебника бесконечными просьбами «насыпать кристалликов». Но вот сейчас его совсем не радовала перспектива столкнуться со снегом как с серьезным препятствием, а не как с веселой городской забавой.

Добравшись до частокола, беглый принц с удивлением обнаружил, что город никто не охранял. Распахнутые настежь ворота будто приглашали всех желавших присоединиться к громкому торжеству на другой стороне реки.

Что же могло настолько заинтересовать горожан, что даже стража покинула свой пост?

Не став спешиваться, Ник чинно миновал пустынные улицы. Одуванчик гулко процокал по деревянному мосту и доставил наездника напрямиком к главной площади.

Казалось, тут собрались все жители. Мужчины и женщины, старики и дети — все как один пестрой шумной толпой пришли сюда этим прохладным осенним днем. Вот только с поводом эльф не угадал.

— Жители Аканы! — громогласно вещал с трибуны пузатый мужчина средних лет, одетый в добротную теплую одежду и выглядивший весьма уверенным в себе человеком. — Как вы все прекрасно знаете, боги велют нам жить в покорстве и смирении. Довольствоваться насущным. Помогать ближним. Соблюдать правила. Соблюдать законы! Люди не должны в своей гордыне и невежестве пытаться стать выше других. Возвыситься над простыми рабами божьими, такими как мы с вами!

По толпе прокатился одобрителный рокот согласия.

— Но всегда находится кто-то, кто не согласен. Кто считает нас всех мусором! Грязью, недостойной пятнать дорогу на их светлом пути. Кто-то, кто мнит себя богом на нашей с вами земле! На достойной земле, доставшейся нам от наших праведных предков!

— Да!

— Точно!

— Дело говорит! — послышались выкрики возмущенных слушателей.

— Но разве мы — гордые жители Аканы, позволим им это? Позволим им попирать священные законы нашей страны, законы богов, законы совести? Позволим творить что им вздумается? Насмехаться над нами? Унижать нас?

— Нет!

— Конечно нет!

Талантливый оратор умело контролировал и вел настроение раззадоренной толпы.

— Так ответьте мне, честные жители Аканы, что ждет негодяев? Что ждет преступников, посмевших нарушить незыблемые законы мира? Что мы сделаем с ведьмой?!

— Сжечь!

— Сжечь ее!

— Сжечь ведьму!

Внезапно все обернулось совсем не тем, чего мог ожидать Никаниэль. Сперва он думал, что мужчина подстрекает горожан на бунт против власти, потом — что поймали каких-то преступников. Но «сжечь ведьму»? За что, собственно? Хотя, возможно, она практиковала темную магию?

Беглый принц вспомнил, что творил черный ковен в подвале Бьюнилирина.

Таких он и сам бы сжег бы без зазрения совести. Не зря же темная магия уже много веков находилась под строжайшим запретом по всему Альйону. Хотя, с другой стороны, именно из-за этого ему и приходилось теперь скитаться неизвестно где в поисках некроманта.

Тем временем двое людей в масках привязывали к столбу, воткнутому посреди груды хвороста, молодую женщину, одетую в грязное рваное рубище. Избитая, изможденная — у нее не оставалось сил даже на вялое сопротивление.

Грубо обкорнанные черные волосы прилипли к засохшей на лбу крови. Из рта торчала красная тряпка, служившая кляпом не позволявшим ведьме издать ни звука.

— Сегодня, друзья мои, справедливость восторжествует! — продолжал распалять толпу оратор. — Мерзкой ведьме не место в нашем мире! Она посмела нарушить древние законы и только кровью и страданиями может искупить свою вину! Да свершится правосудие!

Внезапно женщине удалось вытолкнуть изо рта кляп и из последних сил жалобно прокричать:

— За что?! Я не сделала ничего плохого! Я лечила и помогала! Люди, за что?!

Тряпку тут же вернули на место, но этот крик прозвучал настолько искренне, настолько преисполненным жгучим горем и страданием, что молодой эльф, несмотря на все свои обещания самому себе ни во что больше не вмешиваться, просто не смог остаться в стороне.

Приподнявшись на стремянах и направив лошадь прямо сквозь толпу, он, набрав побольше воздуха, закричал во все горло:

— Стойте! Остановитесь!

Но его никто не слушал.

Палач зажег факел и под радостное скандирование горожан уже собирался подпалить безжалостный костер правосудия.

Ник никак не мог успеть.

Времени все меньше.

Что-то сделать...

Что-то предпринять...

Он встретился с ней взглядом. В широко распахнутых глазах несчастной плескался безбрежный океан животного ужаса. И... робкий блеск надежды, не способной померкнуть даже под гнетом голодной до чужой боли толпы. Ник не мог позволить, чтобы этот блеск угас.

Угас так же, как свет в глазах той единственной, что имела для него смысл.

Он резко выхватил лук и, практически не целясь, выстрелил.

Стрела попала точно в цель. Пронзенный факел вырвался из рук палача и улетел куда-то в сторону.

Вот теперь Никаниэля заметили. Он уже успел пробиться через половину толпы и уверенно продвигался вперед.

Ему наперерез двинулась стража, но те никак не успевали помешать принцу.

Видя это, оратор воскликнул:

— Добрые граждане Аканы! У ведьмы есть сообщник! Не дайте ему добраться до нее! Правосудие не остановить!

Услышав этот призыв, люди тут же принялись кидать в Ника все что подвернется под руку: палки, камни и даже какие-то инструменты. Несколько секунд он ловко укорачивался,

продолжая продвигаться вперед, но вот один особенно меткий мальчик умудрился попасть ему камнем прямо по голове.

Слезы произвольно брызнули из глаз принца. Он потерял равновесие и изо всех старался не упасть с лошади. Голова поплыла, звуки пропали...

Вот только пропали они вовсе не из-за удара.

Над площадью действительно воцарилась гробовая тишина.

По рядам ошеломленных людей волной прокатилось одно лишь единственное слово:

— Демон...

Словно в тумане Никаниэль наблюдал за тем как его стаскивали с лошади, куда-то волокли, тщательно обыскивали, отбирали вещи. Он бы и рад сопротивляться, но руки и ноги отказывались слушаться. Будто со стороны он смотрел на то, как его тело раздели и бесцеремонно швырнули в камеру, бросив рядом комок грязных тряпок.

А еще, все это время, безжалостным фоном, откуда-то со стороны доносился душераздирающий женский вопль. Он то переходил на хрип, то вновь, набравшись сил, раскаленной иглой впивался в незащитное сознание эльфа. И даже когда, перейдя на животный вой и захлебнувшись, тот прервался, то все равно, еще бесконечно долго продолжал звучать в голове у самого Ника. До тех пор пока его сознание, наконец, не отключилось, не выдержав.

Очнулся Никаниэль от ужасного, пробиравшего до самых костей холода. Скорчившись, он лежал голый на промерзшем, утоптанном сотнями ног полу. Вокруг царила практически беспросветная тьма, и лишь отблески догорающего где-то в стороне факела изредка выхватывали из нее неясные, гротескные силуэты.

А еще его кто-то звал.

И в этом зове определенно слышалось что-то странное. Но затуманенный мозг принца никак не мог ухватиться за нужную мысль.

Кое-как, собравшись с силами и опираясь на дрожащие руки, он приподнялся на четвереньки. Но тут же оказался сражен приступом рвоты и вновь рухнул на пол.

Отдышался.

Стало чуть легче.

Настойчивый голос раз за разом обращался к нему и, наконец, смог дотянуться до сознания Ника.

— Ты меня слышишь? Очнулся? Ты живой там вообще?

Эльфийский? Он говорит на эльфийском! Контуженный эльф, в конце концов, понял, что именно цепляло его все это время. Невидимый голос пытался заговорить с ним не на общем, а на родном языке коренных обитателей Эльфхейма.

— Э-эй. Ау! — продолжал верещать собеседник. — Ты живой? Советую поскорей очнуться, иначе замерзнешь к кфхановой бабушке! Э-эй!

— Кто... — Никаниэль закашлялся, за что расплатился резкой болью в затылке. — Кто ты?

— Кто, кто... Бурлибукто! Швея весеннего разлива. Быстро одевайся, не то скоро инеем покроешься.

Дрожащими руками беглый принц нащупал рядом с собой ворох грязных тряпок и практически наощупь, с невероятным трудом, так и не поднимаясь на ноги, все-таки смог их кое-как натянуть. Сразу теплее не стало, но чувство защищенности немного взбодрило.

— Пить хочешь? У меня есть немного. Ползи сюда.

Кое-как, по чуть-чуть подтягивая одеревеневшее тело руками, раненный эльф добрался до источника голоса.

В соседней с ним клетке, отделенной воткнутыми в землю прутьями, действительно обнаружился эльф. В неярком свете далекого факела удалось разглядеть лишь его длинные уши и сильное рассечение в районе правого виска.

— Держи.

Незнакомец просунул сквозь прутья деревянную кружку, где плескалось немного воды. Даже решившая покончить счеты с жизнью мышь не смогла бы там утопиться, но для любого узника это был бесценный дар, способный, возможно, спасти чей-то незавершенный век.

Облокотившись на левую руку, Никаниэль, изо всех сил стараясь не расплескать пахнущую половой тряпкой жижу, поднес кружку к губам и сделал небольшой глоток.

Живительная влага пронеслась по организму, даруя облегчение утомленному телу. Мелкими глотками он выпил все что было и, с благодарностью вернув кружку соседу, раненной птицей рухнул на пол.

— Ну что, лучше? Меня Малеммил зовут, можно просто Малем. — представился узник, не дожидаясь ответа на вопрос. — А тебя как?

— Никанор.

— Ник, значит. Странноватое имя для эльфа, но да не мне говорить про странные имена. Приятно познакомиться. — Малем приветственно сжал плечо Ника. — Я бы, конечно, накрыл стол, угостил тебя чем-нибудь вкусным, но, как видишь, слуги совсем обленились и забыли принести стол.

Малеммил хохотнул:

— Как на счет сменить обстановку на более радушную?

— Только за.

— Ну так жхни чем-нибудь помощнее, и айда в таверну — выпьем за знакомство, посидим, погудим, девок пощупаем. — иронично пошутил Малем и указал на два небольших окошка под самым потолком. — Жахать туда, если что.

— Прости, помощнеепока не умею.

— Ах как жаль, а то могли бы сейч... Стоп, что? Покане умею? Ты что, из благородных, что ли? Повезло, повезло! А что — умею?

Никаниэль понял, что хоть и скрыл настоящее имя, часть своей личности он только что невольно выдал.

Отвесив себе мысленный пинок под зад, он в очередной раз вспомнил о необходимости быть предельно осторожным. Тем более с эльфом. Не хватало еще, чтобы его домой вернули.

— Левитация, хлопок, стихийные щиты, светляк. — нехотя перечислил беглый принц.

— Стартовый набор аристократа. Ясно, понятно. В ШММ учился что ли?

— Где?

— В школе меча и магии.

— Не совсем. — уклончиво ответил Ник. «Позже придумаю что сказать».

— Мда. — Малеммил раздосадованно потер подбородок. — Это нам как мертвому молитва за здоровье. Хотя-я-я... ты давно тут?

— Где «тут»? — не понял вопроса принц.

— Ну не в этих застенках, естественно! Ты тупой что ли, или это тебя так сильно по голове приголубили? Нас утром собираются зажарить, если что. До хрустящей корочки. Прямо как ту ведьму. А может колесовать. Или четвертовать. Или еще что придумают. Хочешь проверить?

— А ее все-таки сожгли? — те ужасные крики вновь, будто ножом по стеклу, раздались в голове Никаниэля. Тот кто хоть раз слышал подобное может рассказывать обычные страшилки как затрапезные анекдоты.

— К сожалению да. — в голос Малема появились нотки неподдельной грусти. — Бедняжке крупно не повезло. Слишком живучей оказалась. У нее уже и глаза лопнули, а она все кричала. Я все через окно видел. А ведь такой красавицей была...

В камере повисла гнетущая тишина.

— Ладно, надо выбираться. — чуть погода нарушил молчание Малеммил. — Так ты давно в королевствах? Если спросишь «в каких», я лично попрошу городничего поджечь тебя первым.

— Где-то три месяца. — слегка приврал принц. Но не слишком сильно, на случай если это имело большое значение для побега.

— Неплохо. А теперь скажи папочке, что все это время ты был хорошим мальчиком и каждый день прилежно практиковался в магии.

Если бы Никаниэль сейчас мог видеть лицо Малема, то он бы запомнил этот взгляд надолго. Ведь именно так выглядят лица тех, кому внезапно подарили надежду избежать ужасной, неминуемой смерти.

— В общем, да. Я почти каждый день уделял время работе над магическими каналами.

— Слава тебе, Лаод, и всем светлым богам впридачу! — радостно воскликнул Малеммил. — Тогда может получится! Значит так. Встань на колени вот здесь, возле прутьев. Лицом к решетке.

Медленно, боясь вновь вызвать тошноту, Ник уперся руками в пол и встал на четвереньки. Зафиксировав это положение, он отдышался и потихоньку подтянул под себя ноги, опустившись на пятки.

Эти простые, по сути, движения дались ему будто он целый день отработал на кузне, не забывая в редкие минуты отдыха упражняться с мечом под палящим июльским солнцем. Но зато теперь, по крайней мере, холод его больше не беспокоил.

— Так, хорошо. — голос Малема дрожал словно нашкодивший юнец, внезапно осознавший, что только что разбил любимую мамину вазу, а отец как раз на днях справил себе новый ремень из дубленой кожи. Он даже скрестил за спиной пальцы, возложив на этот миг все остатки надежды на спасение от неминуемой гибели. — А теперь колдуй каменный щит.

— Каменный щит? Но зачем? Тут не от чего защищаться.

— Ник, прошу тебя, ради всех богов, я потом расскажу тебе все, что захочешь. Колдуй, полюби тебя кфхан, щит!

Беглый принц сосредоточился на плетении заклинания. То, на что обычно требовалось всего несколько секунд, сейчас давалось ему с огромным трудом.

Раз за разом он выводил перед мысленным взором линии, напитывая их силой, и каждый раз они расползались во все стороны потревоженным клубком змей. Ко всему прочему голова чуть ли не раскалывалась от боли. Ник стойко переносил эти тяготы и с настойчивостью достойной наследника престола начинал заново.

— Ну, что там? — не выдержал Малеммил.

— Да подожди ты! — огрызнулся принц.

Злость предала ему сил и, наконец, все линии встали на положенные им места.

Каменный щит.

Каменный щит.

Пыль, сор и мелкие камушки по обыкновению начали формировать перед Никаниэлем защитную полусферу. Они стремились друг к другу, прессовались и притягивали все новые и новые частички. Именно такой щит в бою с Зулгашем остановил летевшую в принца молнию.

Но теперь заклинание и не думало успокаиваться. Оно продолжало тянуть частички грунта, отрывая те уже даже от пола. Особенно много их отлетало в местах, где прутья решетки торчали из годами утоптанной земли.

Видимо на это и рассчитывал Малем.

Наконец щит сформировался. Перед Ником, по другую сторону решетки, в воздухе висела полноценная защитная полусфера в палец толщиной, а вовсе не та прозрачная пылевая взвесь, которую он привык видеть.

На самом деле с момента активации прошла от силы одна секунда, но для Ника будто пронеслось несоизмеримо больше времени, и он разглядел воплощение щита во всех подробностях.

Ошарашенно изучая свое творение, Никаниэль прикинул, что таким можно не только от молний защищаться, но и при случае стрелу на излете остановить. Но с чего вдруг...

— Все. Выкинь его куда-нибудь подальше и давай снова. — скомандовал Малеммил. Он сквозь решетку просунул руку в камеру Ника и расшатывал прутья в только что образовавшихся вокруг них ямках. — Еще пару-тройку раз и мы на свободе!

— Да как я его выкину? Это же заклинание, а не настоящий щит!

— Как хочешь так и выкинь! Хоть в трусы засунь! — Малем отчаянно смотрел на свою единственную надежду на спасение. — Ник, пожалуйста, рассвет уже скоро. Если придет стража, то все пропало! А я еще столько не успел, столько не увидел, столько прекрасных девушек ждут моего внимания. Обещаю, каждая третья будет твоей. Нет, ладно, каждая вторая. Попролам! Все честно!

Таких странных эльфов Никаниэль еще не встречал. Не знай он точно, можно было бы даже подумать, что это и вовсе человек.

Не вставая с колен, беглый принц медленно отползал в другую часть камеры.

Лет двадцать по поведению, но по речи и знаниям явно больше. Пятьдесят? Семьдесят? Вряд ли больше ста. Ник сделал себе зарубку при случае обязательно поинтересоваться. Сейчас же были вещи и поважнее.

Второй щит сформировался гораздо быстрее. Голова еще гудела, но применение магии словно прочистило принцу мозги. Ну а после третьего клятые прутья выпали из своих креплений на потолке и теперь торчали из земли под разными углами.

— Да! Отлично! — возликовал Малем. — Так. Теперь иди на свет факела. Там, с правой стороны, будет комната охраны. Не бойся, на ночь они обычно расходятся по домам. Найди связку ключей от камер и освободи меня. Поторопись, друг!

И вновь Ник удивился простоте товарища по несчастью. Вот так просто? Раз — и друг?

Дело в том, что друзей у Никаниэля, по сути, никогда и не было. Разве что Син'Галад или Элельен, но это не совсем то. Братья были единственными детьми во дворце. А позже, в школе меча и магии, сверстники, находясь поблизости, всегда держали определенную

дистанцию. Все-таки он принц и их будущий правитель.

Да и вообще дружба у эльфов — штука совсем не простая. Во-первых, жесткая классовая система не позволяла заводить знакомства с кем попало. Во-вторых, они обычно не один год приглядывались друг к другу, чтобы начать доверять. Ну и в-третьих, весьма сложно сохранить товарищество, на протяжении сотен лет жизни.

А тут Ника назвал другом абсолютно незнакомый эльф, да еще и в такой обстановке.

Мысли о неправильности Малема он решил отложить до лучших времен, а пока главное было действительно покинуть это совсем не гостеприимное место. Позором для всей нации стало бы, если ее престолонаследника сожгут на костре в глухой, никому не ведомой дыре. Да и кто тогда воскресит Элен?

Мысль о возлюбленной предала молодому эльфу сил и, держась рукой за стену, он кое-как доковылял до комнаты охраны.

У входа на последнем издыхании чадил единственный факел, а наверх вела довольно крутая лестница без перил. Судя по всему, их действительно никто не сторожил. Да и других узников в подземелье тоже не наблюдалось.

Дверь оказалась незаперта. У входа Никаниэль обнаружил бочку с факелами, один из которых он тут же поджег. Это пришлось очень к стати, потому что далеко не факт, что получилось бы самостоятельно наколдовать хоть какой-нибудь источник света.

При скупом блеске огня беглый принц осмотрел помещение. Посередине стоял большой деревянный стол, заваленный объедками. А в остальном комната стражи напомнила ему пещеру Кровавого Джона — такие же груды вещей, хаотично наваленные повсюду. И найти среди них один единственный объект оказалось весьма проблематичным.

С трудом пробираясь от кучи к куче, Ник внезапно заметил свою шляпу и тут же, машинально, водрузил ее на голову. Затылок сразу отозвался ноющей болью, но ему сейчас было не до того.

«Так. Надо думать логически». — мысли, словно громоздкие чугунные рычаги, с трудом ворочались внутри головы принца. — «Если бы я был ключами, где бы я был? Бред. Не то... Кфхан! Ну им же нужно как-то ими пользоваться, значит должны быть всегда под рукой! Где же?»

Никаниэль обернулся и тут же увидел металлическое кольцо с ключами, висевшее на гвоздике у входа.

Забрав связку, он тут же поковылял к товарищу по несчастью. Ник торопился изо всех оставшихся сил. Если бы прямо сейчас туда спустилась охрана, он вряд ли смог бы отвесить им даже простой щелбан, не говоря уже о каком-то бое.

Пока принц занимался вопросами побега, Малеммил умудрился полностью вытащить один из прутьев и спрятать его где-то у себя в камере. Видимо собирался им сражаться если Ник не успеет.

— Нашел? Открывай скорее. — пленный эльф был весь в нетерпении.

Дрожащей рукой Никаниэль с трудом попал ключом в скважину, но тот даже не собирался вращаться.

— Не этот! Дай сюда! — Малем отобрал у Ника связку и с третьей попытки угадал подходящий ключ. — Отлично! Все! Сваливаем!

Освобожденный пленник рванул по коридору, таща принца за собой, но, заметив что тот и на ногах-то еле стоит, закинул его руку себе на плечи и, обняв, практически понес к выходу. Никаниэль же вяло перебирал ногами, стараясь скорее не мешать, чем помогать.

Держался он лишь на морально-волевых.

Поднявшись по лестнице, эльфы уперлись в наглухо запертую деревянную дверь.

— О боги! — взмолился Малеммил. — Лишь бы они не оставили ключ в замке!

Беглецам повезло.

Один из ключей со связки, провернувшись, щелкнул открытым замком, и дверь, протяжно скрипнув, выпустила узников на свободу.

На первом этаже оказалось гораздо светлее, чем внизу. Солнце уже показалось из-за горизонта, ознаменовав начало нового дня, а заодно и то, что стражники придут в любую секунду.

— Надо спешить. — прошептал Малем.

Он осмотрелся, бросил ненужный уже факел под портьеру, которая тут же весело загорелась, и потащил Ника к выходу.

— Стой! — внезапно заартачился эльф. — Там мой меч!

От осознания, что он чуть не бросил в темнице Люминистилл принца прошиб холодный пот.

— Какой, в задницу, меч?! — Малеммил продолжал тащить упирившегося сородича. — Я тебе позже десяток найду! Пойдем!

— Нет! Это семейная реликвия! Я не могу его бросить!

— Семейная реликвия? — Малем внезапно остановился и недоверчиво посмотрел на Ника. Потом бросил взгляд на начавшийся пожар. — Кфхан! — тяжело вздохнул он. — Стой тут.

Он прислонил принца к стене и умчался обратно вниз.

Огонь, хищно потрескивая, уже сожрал всю портьеру и жадно облизывал стены и потолок когда, наконец, вернулся взмыленный Малеммил. В руках он держал два меча в ножнах, две зажженные стеклянные лампы и какой-то мешок.

В одном из мечей Никаниэль с облегчением узнал Люминистилл.

— Спасибо. — с благодарностью произнес он, протягивая руки к оружию.

— Да ты сейчас и нож-то не удержишь! Потом отдам. Малем с трудом взял все вещи в левую руку, а правое плечо вновь подставил Нику. — Хватайся!

На выходе из здания беглецы чуть не столкнулись с двумя не успевшими даже портков напялить мужчинами, со всех ног бежавшими за водой. Узников люди даже не заметили. Пожар угрожал уничтожить весь город.

В затуманенном мозгу раненного эльфа пронеслась шальная мысль, что отвлекающий маневр получился весьма удачным и неплохо бы его взять на вооружение. К тому же жалости к своим пленителям и убийцам «ведьмы» он никакой не испытывал.

Оказавшись снаружи, Малеммил потащил принца за угол и, минув пару домов, они добрались до стойла. Там мирно жевали сено две привязанные к жерди лошади. Одуванчик и красивый гнедой жеребец.

— Кфхан! Расседлали таки.

Не теряя ни секунды, Малем сгрузил все вещи на коня, придавив сверху Ником, которого просто перекинул поперек.

— Ничего не потеряй — бросил он, убегая.

Сил что-либо делать у принца уже не оставалось. Единственное, что он мог сейчас потерять — это собственное сознание.

Малеммил вынес из неприметного сарая два комплекта конной амуниции. Времени

седлать у него, конечно, не было, а потому он закинул добычу на Одуванчик, отвязал обоих скакунов и взял их под уздцы.

До моста добрались без проблем. Малем вел лошадей не по улицам, а вдоль реки, где из-за ее крутых берегов никто не шастал.

На главной площади вновь собралась целая толпа. Только теперь они уже не разжигали костер, как вчера, а тушили его. Выстроившись в две шеренги, люди по цепочке передавали друг другу ведра с водой от колодца и обратно.

А полыхало знатно.

Здание тюрьмы горело уже практически целиком и даже занялось одно соседнее. Тревожно рыдал колокол, сообщая всему городу, что в дом пришла беда беда.

Стоило беглецам ступить на мост, как их, наконец, заметили.

— Эй! Вот они! Держите их! — крикнул знакомый голос городничего. — У них еще и моя лошадь! Фавор, вернись!

От толпы отделились несколько людей и побежали к мосту. Они имели все шансы настигнуть сбежавших узников, но Малеммил оказался к этому готов.

Миновав середину моста, он отпустил лошадей, и, размахнувшись, кинул обе лампы под ноги преследователям.

Теперь горел еще и мост. Единственная переправа на пару дней пути в обе стороны.

— Выкусите, сволочи! — стало последним, что услышал Ник, окончательно теряя сознание.

Очнувшись, Никаниэль не стал сразу открывать глаза.

Прислушался.

Он лежал на чем-то мягком и был заботливо укрыт. Где-то неподалеку потрескивал костер. Сильно ныл затылок, но все остальное тело, по ощущениям, было готово повиноваться своему хозяину.

А еще кто-то напевал себе под нос неизвестную Нику песню.

Малеммил...

Недавние события разом вспыхнули в мозгу эльфа. Сожжение ведьмы, пленение, внезапная встреча с сородичем, странно сработавший каменный щит, побег...

Получалось, что теперь он — дважды беглый принц. Или трижды, учитывая, что из Ануфьево он тоже сбежал. А то и четырежды...

А хотел без приключений. Но не мог же благородный отпрыск позволить просто сжечь несчастную?

Эту мысль Ник решил оставить на потом. Сперва необходимо было что-то решить с Малемом. Легенду на случай встречи с эльфом Никаниэль не припас. Сама идея, что кто-то кроме него мог тоже шататься по королевствам ни разу не возникала за все время путешествия. Да и странный тот какой-то...

Как же быть?

Времени на размышления принцу не дали. Из раздумий его вывел бодрый оклик:

— Ну и долго ты там валяться собираешься?

— А с чего ты взял, что я проснулся?

— Да к тебе мыши подбираться начали. А до этого ты так храпел, что любой дракон бы от страха замуровал свою пещеру изнутри и не вылезал лет эдак триста.

Никаниэль открыл глаза и резко сел. В голове тут же будто взорвался огненный шар.

— Ой, прости, я пошутил. Не думал, что ты так бурно отреагируешь. — тут же спохватился Малеммил. — Иди сюда, я тут суп сварил.

Шутник кфханов!

Четырежды беглый принц, осторожно потер затылок и обнаружил там внушительную шишку размером с детский кулак. Однако упоминание о супе резко пробудило в нем зверский аппетит и, наплевав на обиду, проголодавшийся эльф сел возле костра.

Оказалось, что все это время он лежал на вальтрапе, постеленном на ворох еловых лап, под укрытием навеса из жердей, все того же лапника и мха. Классический лесной шалаш. Рядом со спальным местом Ника было организовано еще одно такое же.

— Тарелок, простите, нет. Так что вот, держи. — Малем протянул товарищу огромный плотный лист какого-то местного растения, похожего на лопух, сложенный в виде миски. Внутри плескалась ароматная похлебка и уже плавала грубо выструганная деревянная ложка.

С благодарностью принимая еду, Никаниэль осмотрелся. Неподалеку от шалаша мирно паслись лошади; на веревке, раскачиваясь на ветру, сохла одежда; весело булькал на костре его походный котелок; а рядом лежала груда сухих веток, одну из которых Малеммил как раз подбросил в огонь.

— Когда ты успел все это сделать? — спросил Ник, уплетая суп за обе щеки.

— Когда успел? — облизав ложку, с усмешкой переспросил Малем. — А ты в курсе, что

ты уже второй день тут бревнышком валяешься, драконов распугиваешь? Еще чуть-чуть и мхом зарастать бы начал.

— Как второй день? — удивился принц.

— Как-как? Тебе в рифму ответить? Вчера, когда из Аканы сбежали, я сперва убедился, что мост прогорел и они за нами не погонятся. Там просто перебраться больше негде. Ты, кстати, к тому моменту уже во всю пузыри пускал. Потом отвел этих кляч, — Малеммил кивнул на лошадей, — подальше. Ну и, видя, что приходить в себя ты не собираешься, свернул напрямик в лес, зашел поглубже, да и обосновался на этой вот полянке.

Малем развел руками, показывая свои владения:

— Тут и ручей неподалеку. Очень удобно. — он посмотрел Нику прямо в глаза. — Кстати, не помню успел ли я вчера тебя поблагодарить, так что спасибо, что спас. Обугливание и другое членовредительство в мои ближайшие планы не входило.

— Да это скорее ты меня спас, а не я тебя. Спасибо, что не бросил. — Никаниэль протянул свою зеленую миску. — Добавки можно?

— *Эльфы своих не бросают* — так учил меня отец. — Малеммил налил спутнику еще супа и, чуть подумав, добавил себе тоже.

Девиз «Скауты своих не бросают» Ник не раз слышал дома, но вот «Эльфы своих не бросают» — впервые. Мысль кем мог оказаться отец Малема мгновенно окупировала сознание Никаниля.

Некоторое время ели молча.

Утолив первый голод, беглый принц наконец смог нормально рассмотреть товарища по несчастью. В отличие от Ника, Малеммил обладал обыкновенными для эльфов светлыми волосами, которые тот зачем-то коротко остриг, из-за чего они даже при всем желании не смогли бы прикрыть его остроконечных ушей. Рост чуть ниже никаниэлевского, но при этом несколько шире в плечах.

Белая кожа, изящные, тонкие пальцы, легкая улыбка, будто отпечатавшаяся на лице — по всем признакам отбоя от девушек у него быть не должно. Несколько портила вид рана на виске, но она, рано или поздно, заживет.

Определить возраст возможности не представлялось — ему запросто могло оказаться от семидесяти до семисот, и только вечно смеющиеся светло-зеленые глаза выдавали в нем весьма молодого эльфийского юношу.

— Ну так и что, позвольте спросить, Ваше Сиятельное Благородие забыло в этой неприглядной, дремучей дыре? — отложив «тарелку», дурашливым тоном поинтересовался Малем.

— Да ехал тут мимо со своей свитой и дай, думаю, загляну в тюрьму местную — может спасти кого надо. — не остался в долгу Никаниэль.

— Ну и где же теперь ваша свита?

Беглый принц посмотрел по сторонам, заглянул под небольшой камень около ног и картинно развел руки, пожимая плечами, мол «кфхан знает, только что тут были».

— А-ха-ха, ай маладца! — весело рассмеялся Малеммил. — Честно сказать, за все сто четырнадцать лет в королевствах ты — первый эльф, не считая папы, которого я тут встретил.

— Сто четырнадцать? А всего тебе сколько? — беглый принц наконец нашел повод задать интересовавший его вопрос.

— Так сто четырнадцать и есть. Я тут родился.

Ник был уверен, что меньше. Но что значит «тут родился»?

Увидев удивление на лице сородича, Малем улыбнулся и объяснил:

— Мои родители встретились уже здесь, в королевствах. И на старости лет решили обзавестись детьми. К сожалению, сестра и мама умерли при родах... — «Как и моя...» — ... а спустя пятнадцать лет не стало и отца. В следующем году будет ровно век, как я кочую из страны в страну без особой цели.

— А ты не пробовал...

— Попасть в Эльфхейм? Пробовал, конечно. — Малем грустно вздохнул. — Папа много рассказывал мне о родине. Круглый год тепло. Все эльфы дружат друг с другом, помогают. Он говорил, что там еще жива магия. Боги по-прежнему приглядывают за последователями... Мне не удалось разобраться и с первой клятой ловушкой, как из ниоткуда выскочил страж. Он даже слушать меня не стал и велел убираться подальше.

Малеммил печально потупил взор.

Необычная история мгновенно вызвала в голове Ника столько вопросов, что он даже растерялся, не зная с какого начать.

Кем были его родители? Что они делали в королевствах? Что значит «жива магия» и почему боги отвернулись? Это еще не считая тех, которые он не стал задавать Дане и Флину, чтобы не показаться совсем уж болваном.

Вроде того сколько серебра в одном золотом и сколько меди в одной серебряной монете? У него, конечно, имелось предположение, но, все же, хотелось бы знать наверняка.

— А ты, Никанор, — вскинув голову и прогнав грусть, обратился к Нику Малем, — сколько лет тебе и как ты на самом деле тут оказался?

К этому моменту беглый принц уже успел придумать, как ответить на такого рода вопросы.

Во-первых, он на всякий случай слегка накинул себе возраст, сказав, что ему не семьдесят восемь, а сто семь. Все равно разницы почти никакой. Во-вторых, не вдаваясь сильно в подробности, он поведал, что родился бастардом одного знатного господина, который, узнав, что его незаконнорожденному сыну подвластно колдовство, тайно нанял ему учителей из школы меча и магии.

И все шло хорошо, пока законная супруга папочки про это дело не прознала. Она подстроила все таким образом, чтобы убить невесту Ника и его же в этом и подставить. И вот теперь несправедливо обвиненному пришлось бежать из Эльфхейма, потому что где он и где она, и не безродному бастарду идти против знатной дамы.

— Какой ужас! — всплеснул руками пораженный этой историей Малеммил. — А я-то думал, что все эльфы — братья. Неужели отец врал мне? А ты, получается, папочкин меч тиснул?

— Меч?.. — Никаниэль мысленно хлопнул себя по лбу. Изначально он хотел рассказать ту же историю, что придумал для хакки. Мол меч передается от отца к сыну, а их предок выиграл его в карты и бла-бла-бла. Но он абсолютно не учел, что эта история совсем не вяжется с ложью про бастарда. Откуда у бастарда родовой меч?

— Ну да. Тиснул. — капля правды в море откровенной лжи. — Украл перед самым побегом. Слышал, что он даже вроде как волшебный, или типа того.

— Ух ты! Родовой волшебный меч! — глаза Малема загорелись от восхищения. — Ну значит не зря я тогда позавчера за ним в пожар прыгал. Кстати, я ведь там не только мечи тогда взял. Так что теперь у нас есть...

Малеммил принялся показывать на предметы вокруг:

— ... три пары штанов, две рубашки, котелок...

— Кстати, мой. — вставил Ник.

— ... моток веревки, две лошади со всеми делами, два меча, нож, один старый ботинок и вот этот вот мешочек денег.

Малем радостно потряс кошельком, который беглый принц получил в награду от Валхарда. Едва увидев его, эльф тут же вспомнил про почти целую сотню золотых, которую он вез для оплаты услуг некроманта.

— Малем, слушай. — с волнением обратился к сородичу Никаниэль. — А ты там, случаем, еще один кошелек с деньгами не находил?

— Нет, а зачем? Мы сейчас этот поделим. Судя по весу, там совсем не плохо.

Ник сокрушенно опустил голову:

— Нужно возвращаться.

— Зачем?

— У меня с собой была крупная сумма денег. Их надо вернуть.

— Насколько крупная?

— Девяносто девять золотых. — чуть помедлив, ответил Никаниэль.

— Сколько-сколько?! — Малеммил аж на месте подпрыгнул от удивления. — Ты кого-то ограбил что ли? Да не у каждого царя в казне столько денег лежит! Да на них можно... на них можно... — пораженный эльф перебирал варианты, не зная даже что выбрать. — Можно нанять две армии элитных наемников, захватить парочку королевств и провозгласить себя их правителем!

— Мне не надо правителем. Мне надо найти одного особого человека, или не обязательно человека, и нанять его.

— Нанять за сотню золотых?! Это же кем нужно быть чтобы столько брать за свои услуги?

— Прости, Малем, этого я сказать не могу. — Ник не стал рисковать, рассказывая, что ищет некроманта. Неизвестно как тот мог к подобному отнестись. — Но... не мог бы ты помочь мне вернуть золото? Я заплачу.

— Да какие деньги, друг! — Малеммил обиженно поджал губы, но глаза его по-прежнему ярко светились. — Конечно я помогу. Правда на успех особо не рассчитывай. На месте счастливика, нашедшего сотню золотых, я был бы уже на полпути в Пантиок. Ну или, как минимум, в Тику. — эльф мечтательно закатил глаза, представляя как бы он потратил столь крупную сумму. — Завтра же вернемся в Акану. А сейчас давай посмотрим, что тут у нас.

Малем положил на колени еще один большой, плотный лист и высыпал на него содержимое подарка Валхарда. Звякнув, небольшую кучку серебряных монет накрыла гораздо большая гора плоских белых камушков, каких можно набрать на дне любой уважающей себя реки.

Вот она цена людской благодарности...

Рассказывать Малеммилу о происхождении этого мешка камней Никаниэль не стал.

Весь остаток дня эльфы провели, планируя предстоявшее возвращение в Акану.

Оказалось, что Малем успел прожить в этом небольшом городке несколько дней и много с кем за это время познакомился. А с некоторыми так и вовсе весьма... близко. Поэтому непосредственно внутри Никаниэлю предстояло идти в одиночку.

Малеммил рассказал, что по эту сторону сгоревшего моста расположился небольшой кабак, где без труда можно узнать последние новости и заодно прикупить припасов. Сапожник тоже жил неподалеку. Не босяком же дальше путешествовать, в конце концов.

На следующий день напарники встали пораньше, споро свернули лагерь и хотели уже было седлать лошадей, как вдруг Малем обратил внимание на головной убор товарища:

— Эй, Ник, а что это за таз у тебя на макушке? Ты им соловьиный помет собираешь?

За время путешествия беглый принц успел настолько привыкнуть к шляпе, которую ему дал староста Габильнута, что даже не сразу понял о чем идет речь.

— Должен же я как-то уши скрывать! Или ты предлагаешь мне подъехать с поднятыми руками и сразу отправиться за решетку? — съязвил в ответ Никаниэль. — Ну так, чтобы время не терять и лишний раз не получать по голове.

— Не-не, ты не понял. — Малеммил полез в мешок с вещами. — Она же явно неудобная. Ветер подует — и ты в темнице, неудачно наклонился — и сразу на костер. Неудивительно, что тебя раскрыли. Я бы даже сказал, странно, что этого не случилось раньше.

Ник не стал ничего отвечать. Он молча наблюдал за действиями более опытного эльфа, больше века прожившего среди людей.

А Малем, не откладывая в долгий ящик, вытащил из сумки лишние штаны, отрезал от них одну штанину, распорол ее и замотал на голове. Получилось нечто среднее между чалмой и банданой. Но самое главное, что уши оказались надежно прикрыты, и слетать с головы она явно не собиралась. Что тут же и продемонстрировал опытный эльф, попрыгав и сделав несколько наклонов в разные стороны.

Следуя примеру товарища, беглый принц проделал все те же манипуляции с оставшейся штаниной, вот только полностью повторить конструкцию у него совершенно не получалось. Наконец, кое-как закрепив ткань на голове, он вопросительно взглянул на Малеммила.

— Тебе будто на голову корова насрала. — расхохотался тот, щелбаном сбив столь тщательно возводимое Ником сооружение. — Давай я. — и в два счета сотворил точную копию своей банданы.

Седлая Одуванчик, Никаниэль размышлял над тем, насколько Малем не похож на всех известных ему эльфов. Грубый, импульсивный, беспечный. Хотя чему удивляться, если тот всю жизнь провел среди людей. Но, в то же время, Нику казалось, что, в целом, Малеммил — личность положительная.

Выехав на дорогу, эльфы неспешно двинулись в сторону Аканы. Согласно плану, в город следовало идти вечером, чтобы в темноте лишний раз не выделяться. А значит времени у них оставалось с избытком.

Этим же путем совсем недавно беглый принц двигался в одиночку, подумывая о том, что пора бы уже пополнить запасы. С того момента прошло не больше двух дней, а по ощущениям, будто началась уже другая жизнь — настолько яркие и необычные события

успели произойти за это время.

— Слушай, Малем, — воспользовавшись случаем, Ник решил задать парочку интересовавших его вопросов, — что ты имел ввиду, говоря, про мертвую магию и отвернувшихся богов? И почему так странно сработал мой каменный щит?

— А ты не знаешь? — удивился эльф. — Ну да, ты же тут совсем недавно. Полагаю, что, покинув Эльфхейм, ты ни разу не колдовал на людях?

Никаниэль отрицательно покачал головой.

— Так я и думал. Иначе бы тебя уже давно упекли за решетку.

— За что?

— Понимаешь, до Ужасной Войны люди свободно применяли магию. Их колдовство сильно отличалось от нашего. Но лишь по форме, а не по сути. — Ник впервые увидел спутника таким серьезным. — Среди них тоже водились и стихийные маги, и всевозможные жрецы, и темные, и светлые, и некроманты, и даже друиды. Но после войны все темные искусства попали под запрет.

— Это я знаю.

Малеммил кивнул и продолжил:

— Некромантов, чернокнижников, последователей темных богов и остальных хоть как-то связанных с тьмой довольно быстро вырезали под корень. Конечно, те не исчезли полностью. Кто-то спрятался, кто-то ушел в подполье — но осталось их до смешного мало. А позже, как рассказывал мне отец, этот запрет постепенно распространился и на всю магию в целом.

— Но как такое могло произойти? Колдовать для мага — как дышать! К тому же в той войне запяtnались лишь темные. Как можно было запретить вообще всю магию?

— Видишь ли, дружище, век человека недолог. Это для эльфов и, может быть, дварфов Ужасная Война была давно. А для остальных рас история и вовсе поросла быльем. Теперь это легенды, а то и даже сказки. Люди просто забыли почему их предки запретили занятия темными искусствами. Они решили, что любая магия — есть зло. И противоречит естественному ходу событий. Особенно настаивала на этом церковь.

— Церковь? Но они-то тут при чем? — такого Никаниэль никак не ожидал. Конечно и в Эльфхейме жрецы держались особняком, но никогда не чинили никому препятствий и не строили козней. Даже попытались воскресить Элельен, хотя надежды на успех почти не оставалось. — Кстати, совсем недавно священники не смогли вылечить мне обычный ушиб. Более того — взяли за это деньги и несли какую-то чушь про то, что еще пара молитв и все пройдет.

В ответ на это возмущение, Малем рассказал Нику, что уже когда постепенно начинались гонения на любых магов, усердней всех масла в огонь подливала именно церковь.

В то время как маги чаще всего оставались одиночками, священники всегда стремились объединиться в большие религиозные группы с верной паствой и традициями. А в запрете на магию они увидели возможность монополизировать свое право на чудеса.

И им это удалось.

На очередном ракатоше, проходящем раз в сто лет в Пантиоке, короли практически единогласно постановили объявить любую магию вне закона.

И именно с этого момента началась стагнация церкви.

Заполучив господство над таинством чуда, священники принялись брать деньги за

проведение ритуалов и молитв. Накопление богатств, власти и влияния сместило с пьедестала служение богам и высоким добродетелям.

И творцы отвернулись от них.

Теперь сколько бы слуга божий не молился, сколько бы не взывал к благосклонности небесного покровителя, тот отказывался даровать погрязшему во лжи священнику и толику божественной силы.

Но церковь не спешила расстраиваться.

Она давно уже не нуждалась в богах, как в таковых. Ритуалы и праздники превратились в фарс, необходимый лишь чтобы развлечь толпу да стяжать монетку-другую в загребущие руки епархии.

Сперва люди роптали. Но спустя всего пару поколений они забыли, как когда-то священники творили истинные чудеса, исцеляли недуги, даровали благословения, а не просто «молились», громко кривляясь и размахивая руками.

— Так что же — ни магов, ни священнослужителей в королевствах не осталось?! — Никаниэль столь резко повернулся в седле, что Одуванчик даже слегка изменила направление. Широко открытыми глазами удивленный эльф взирал на Малема, не в состоянии уместить в голове полученную информацию. Ведь как ему искать могущественного некроманта, если тут вообще всямагия под запретом?

— Ну почему не осталось? — спокойно продолжил Малеммил. — В Пантиоке, например, есть официальная магическая академия, где людей обучают магии. Не темной естественно. Но поступить туда, полюби меня кфхан, как сложно. Воробья знаешь? Птичка такая. Так вот проще воробью стать королем Лионтии, чем кому-либо попасть в эту академию. Туда даже знатных принимают не всех, а уж простолюдину нужно обладать просто невообразимым талантом, чтобы ему хотя бы ручку на двери подержать позволили.

— Вот бы мне туда... — мечтательно проронил Малем. — Выпускникам академии открыты любые двери... Хотя, что толку? Магии во мне все равно нет ни на гран.

Он обреченно вздохнул и сочувственно погладил коня по гриве. Будто неосознанно вымещая на того собственную жалость к себе. Грустная улыбка мимолетно посетила лицо эльфа. Явно не в первый раз. И явно не в последний.

— Есть, конечно, еще всякие самоучки, скрывающие свои способности от всех и вся. — помолчав, продолжил Малеммил. — Ну и семейные знания, передающиеся от родителей детям, никто не отменял. А еще, вроде как, есть парочка таинственных школ, которые кочуют из королевства в королевство в поисках талантливых детей. Они, мол, всеми правдами и неправдами стараются заполучить себе такие самородки, чтобы тайно их обучать. Зачем? Да кто этих людских магов поймет.

— А что на счет жрецов? — Малем оказался прямо таки кладезем полезной информации о истории и жизни людей, и беглый принц, пользуясь случаем, решил выжать его досуха.

— Ну, истинные жрецы тоже есть. — пренебрежительно бросил Малеммил. Очевидно его эта тема волновала гораздо меньше, чем магия. — Только вот в больших храмах искать их бесполезно. — Ник молча кивнул. — Да и в маленьких, впрочем, тоже. Официальная церковь старается от таких сразу избавляться по-тихому. Чтобы народ не смущали. Но, говорят, что в разных уголках королевств иногда возникают отшельники, истинно верующие в какого-либо бога настолько, что тот и правда наделяет его силой творить чудеса своим именем.

Значит отчаиваться рано и надежда найти некроманта еще есть. Только искать нужно в захолустьях и других местах, куда официальная власть обычно не смотрит. Например в Тике.

Мысленно поблагодарив Сина за удачный совет, беглый принц задал еще один интересовавший его вопрос:

— А что на счет щита? Почему он вдруг получился не такой как обычно? Мощнее что ли? — не знал как описать свои ощущения Ник.

— А вот тут вообще очень забавная штука. — с радостью принялся объяснять Малем. Глаза его вновь вспыхнули подобно раздутым углям, на которые бросили ворох сухой соломы. — Как рассказывал мне отец, а он в свою очередь узнал это от какого-то уважаемого магистра, магия в Альйоне распределена равномерно. То есть в любой точке мира ее всегда одинаково. Понимаешь? Но вот в Эльфхейме, мало того что полным-полно магов, этой самой магией пользующихся, так еще и деревья, почва и даже сама природа постоянно ее тянут из воздуха для поддержания... не знаю как сказать даже... Волшебности? Пусть будет так. Да. Волшебности всего Эльфхейма. Поэтому получается, что каждому конкретному, отдельно взятому эльфу магии достается очень мало.

Никаниэль с изумлением понял, что проживший всю жизнь среди людей Малем почему-то знает о магии больше, чем он сам — эльфийский принц, больше полувека постигавший науки в школе меча и, непосредственно, магии!

— А у людей что-то по-другому что ли?

— Абсолютно! — Малеммил явно оседлал любимого конька. — Во-первых, природа тут сама по себе и на магические частицы не претендует, а во-вторых, люди колдуют совсем по другому принципу. Если эльф берет силы для заклинания непосредственно из воздуха и поэтому твоя мощь напрямую зависит от того, сколько магии ты можешь через себя пропустить. То человек использует собственный запас маны и лишь потом постепенно восполняет его, вытягивая из пространства.

— Но это же абсолютно не эффективно! — ошарашенно воскликнул Ник.

Малем скупно пожал плечами:

— А что поделаться? Таковы различия между нашими расами. К тому же, подумай сам — это ты можешь тысячу лет посвятить самосовершенствованию и прокачиванию маны через каналы, а много ли накачает человек, если тут даже до шестидесяти редко кто доживает? Поэтому люди рождаются с заранее определенным размером резервуара маны. Зато он, какой-никакой, но есть почти у всех.

— У всех?! То есть ты хочешь сказать, что любой человек, с рождения, может применять магию? Так это же можно... Так можно... — Никаниэль чуть из седла не вывалился, услышав такие новости. Он, как будущий правитель, сразу попытался представить, что можно было бы сделать если бы каждый житель его страны обладал магией. — Так можно создать целую армию магов и захватить половину континента! Да что там половину? С учетом рождаемости у людей, кто вообще сможет их остановить?

— Тихо-тихо, полегче, приятель. — ласково успокоил его Малеммил. — Можешь выдохнуть. Ни один людской король на такое не пойдет. А как он будет этой армией управлять? Они же его первым и свергнут, а потом перебьют друг друга, решая кто станет главным. Люди, вон, со времен Ужасной Войны единого короля себе выбрать не могут, видимо нового ужасного некроманта ждут. И это, кстати, без всякой магии!

Под взмокшим от напряжения лбом принца волнами плескались шальные мысли. Они то накатывали, то вновь отступали, чтобы освободить место следующим. Все море сознания

ходило ходуном словно во время свирепого шторма. Настолько необычные вещи он только что узнал.

— Ну а со щитом ты, я думаю, уже и сам все понял. — вернулся к изначальному вопросу Малем. — Магии тут вокруг завались! Развивай каналы хоть до астрономических размеров. Потом вернешься в Эльфхейм — всем врагам хвосты накрутишь. Может и меня с собой возьмешь. — подмигнул он Нику.

Так вот в чем дело! Чем больше вокруг магии, тем проще расширять магические каналы. А чем они шире, тем сильнее заклинания. И если в Эльфхейме ману приходилось вылавливать по крупницам, потому что она нужна всем и одновременно. То в королевствах ее вокруг сколько хочешь, и при этом она даром никому не нужна. Не так ли, интересно, Магистр Тоэрус стал архимагом?

Внезапно Никаниэлю в голову пришла одна неожиданная мысль.

А что если изначально идея запретить всю магию на людских территориях тянется из волшебных вечнозеленых лесов? Что если сами эльфы тайно подтолкнули людей к этой мысли, чтобы потом тренировать там своих магов? С одной стороны, может, это и через чур. Но с другой... Строить настолько далеко идущие планы вполне в духе ушастого народа. Дед или прадед Ника без проблем могли бы что-то такое организовать. Тут сразу и ослабление потенциального противника, и возможность тайно наращивать собственную мощь.

Одного он только не мог решить — окажись все действительно именно так, как он сейчас придумал, относиться к этому как к расчетливой гениальности или откровенной подлости?

Вечер едва начал предъявлять свои права на текущие сутки, как два молодых эльфа уже достигли границ видимости Аканы. В ожидании сумерек, они свернули с дороги и спрятали лошадей.

— Смотри, — Малем пихнул Никаниэля локтем в бок, — они уже веревку между берегами натянули. Быстро, однако.

Две части города действительно соединяла простенькая переправа. Натянутые один над другим канаты подрагивали на ветру и совсем не внушали доверия.

Но вот с другого берега к «мосту» подошел мальчик с котомкой за плечами. Он подозрительно осмотрел опасную конструкцию и, прошептав что-то в небеса, отправился в путь.

Держась руками за верхнюю веревку, он приставными шагами постепенно двигался по нижней. Переправа коварно раскачивалась, но парнишка оказался достаточно ловок и вскоре уже стоял на другом берегу. Крикнув что-то в пустоту, бедолага бросил сумку на землю и, тяжело вздохнув, снова полез на свою половину города.

Из неприметного домишки, ничем не отличавшегося от соседних, вышел лысеющий мужчина. Он подобрал посылку, помахал рукой мальчику на переправе и сразу же вернулся назад.

— Это Гери Лизоблюд — хозяин нужного нам кабака. — представил человека Малеммил, разглаживая гриву Фавора. — Только не вздумай его так назвать! Говорят, мелким шкетом, Гери устроился в этот шалман мыть посуду, но будучи постоянно голодным вылизывал все тарелки перед тем как мыть их. Тарелки-то он вымыл, а вот кличку хрен отмоешь! Но зато предыдущий владелец полюбил языкастика как родного сына и даже завещал ему свое заведение после смерти.

Подобно новобранцу перед первым заданием, беглый принц внимательно слушал инструктаж.

— Сапожник живет чуть дальше во-о-он в том доме с петушком на крыше. — Малем пальцем показал на нужное здание. — Это должен был быть флюгер, но его прадед по пьяни намертво прибил так, что его теперь только если вместе со всей крышей и сдвинуть. Кстати, сапожник часто выпивает в кабаке у Гери. Если увидишь там косматого, бородатого мужика с черными мозолистыми руками — сразу к нему и подсаживайся. За кружку браги расскажет тебе все! Даже то что не просили.

— Да откуда ты все это знаешь? — искренне удивился Никаниэль. — Ты же сказал, что пробыл тут всего несколько дней.

— Скажу тебе по секрету, дорогой друг, — Малеммил положил руку Нику на плечо. — Все людские деревни и мелкие города похожи друг на друга как прыщи на заднице огра. В каждой есть алкаш-сапожник, ворчливый корчмарь, амбал-мясник и несколько скромных красавиц, томно ожидающих по вечерам своего принца из сказки. А еще все они после горячего и-го-готак и любят почесать языками. Так что я даже знаю какого цвета исподнее у...

— Оставь меня без подробностей, пожалуйста. — брезгливо перебил его принц.

— Ой посмотрите какие мы нежные! Только не пытайся мне рассказывать, что ни разу не воспользовался своим смазливym личиком. Уверен девки начинают течь ручьями только

взглянув в твои бесстыжие золотые глаза.

Никаниэль демонстративно отвернулся и отошел в сторону, разглядывая Акану.

На той стороне реки в лучах заходящего солнца хорошо было видно грязное пятно поверженного пожара, оставившее шрам на лице города. Дотла успели выгореть целых четыре дома и еще несколько соседних сильно подкоптились. Вот только беглому принцу было их ничуть не жаль. Шишка на затылке так и не прошла.

Ник не мог понять, как можно быть настолько гнусным. Ему, как высокородному принцу и однолюбю, ни разу не изменившему даме сердца, было до омерзения противно слушать подобные вульгарные высказывания. К тому же Малеммил явно нагло пользовался своей внешностью, доставшейся ему от эльфийских родителей.

— Ну ладно, прости, Ник. — подошел к нему с извинениями Малем. — Кто же знал что им не нравятся золотые глаза. Обещаю найти тебе смазливую милашку, которая будет от них без ума. Идет?

Закатив те самые глаза, Никаниэль отправился напрямик в Акану.

Уже достаточно стемнело, и узнать в случайном путнике недавнего беглеца вряд ли кто-то бы сумел. Меч и шляпу пришлось оставить с лошадьми, но нож осторожный эльф все-таки припрятал.

Вот так, босяком, в простецкой крестьянской одежде и со сложной конструкцией на голове, беглый принц вошел в кабак Гери Лизоблюда.

По сравнению с забегаловкой Флина это место выглядело вполне прилично. Пусть тут и стояли точно такие же грубые столы и лавки из небрежно сколоченных, дешевых досок, но они подкупали чистотой и не вызывали чувства брезгливости.

Отполированный сотнями ног пол регулярно подметали, маргинальных личностей в зале не обнаружилось, да и, в целом, помещение дарило ощущение тепла и уюта, львиную долю которых создавал большой каменный очаг, тихо потрескивавший у дальней стены.

Едва осмотревшись, Ник сразу заметил лохматого мужчину похожего по описанию на сапожника. Тот одиноко сидел за столом и невидящим взглядом смотрел в большую деревянную кружку, которую крепко сжимал в мозолистых руках.

Никаниэль хотел уже было к нему присоединиться, но совершенно внезапно, чуть дальше, заметил группу что-то бурно обсуждавших стражников. Они оживленно кричали, размахивали руками и явно были сильно возбуждены. Неподалеку от них оказался пустой стол, куда и направился босой эльф.

Пробираясь между столами, он там и тут только и слышал что разговоры о пожаре, демонах и ведьмах. И в этом не было ничего удивительного. Насколько успел понять Ник, в захудалых городишках, подобных этому, даже попавшую под телегу курицу обсуждали потом не один день.

— ... демон-то, говорят, с деньжищами был! — наконец усевшись за свободный стол, Ник повернулся спиной к страже и опустил голову, чтобы казаться незаметнее.

— Эт тот который девок нам попортил?

— Да не! Которому сынишка Нюркин по башне засветил.

Говоривший громко рыгнул.

— Молодец пацан! Далеко пойдет!

— Да и Нюрка, кстати, тоже...

— Далеко пойдет?

— Гы-гы-гы!

— Так а золото, что с золотом-то?

Стражники галдели наперебой, и понять кто что говорил конкретно было невозможно. Но, главное, общий смысл беседы легко угадывался — деньги.

— Да я и говорю: мешок золота при нем был. Монет пятьсот!

— Тысяча!

— Мульен!

— Да пошли вы!

— Да на кой ляд демону деньги?

— Жопу твою покупать приехал!

— Гы-гы-гы-гы!

Раздался звук удара кулаком об стол.

— Свою заткнуть не забудь — мыши заведутся.

— Дак, наверное, искушать кого собирался, демонюга!

— Меня б кто искусил. Согласен и на десять желтяков.

— А я на пять.

— А я на два.

— Да ты мать родную за медяк продашь! Куда те золото?

— А в глаз?

— А в репу?

— А городничий куда девался?

Никаниэль наострил уши подобно вышедшей на охоту летучей мыши.

— Дак он, видать, золото-то и того!

— И ребят тоже он?

— Не, этих демоны!

— Хренемоны!

— Точно городничий золото упер!

Пара голосов смачно выругались.

— И в Тику сдриснул! Он давно хотел.

— Но по дороге наверняка...

— Парень, у тебя деньги-то есть? — на самом интересном месте рядом с Ником возник Гери в потертом фартуке. В руках он держал два глиняных кувшина, которые тут же поставил на стол стражи. — Я благотворительностью не занимаюсь. Иди лучше к трехосновщикам, они накормят.

«Кфханов Лизоблюд! Не мог на минуту позже подойти?»

— Поесть, выпить и припасов на неделю. — отчеканил Никаниэль, в надежде как можно быстрее избавиться от Гери.

Ловким движением он вытащил серебряную монету и, прижав ее пальцем к столу, пододвинул к владельцу кабака. Не скрывая удивления, тот молча кивнул, забрал деньги и удалился.

К сожалению, узнать еще что-либо полезного эльфу больше не удалось. Радостно наполнив кружки свежепринесенным элем, стражники принялись обсуждать Нюрку и других женщин города, хвастаясь своими постельными похождениями. Зачастую вымышленными. В общем, занялись тем, чем, если верить Малему, обычно занимаются людские мужчины в непринужденной проспиртованной обстановке.

Дождавшись заказа, беглый принц спрятал сдачу, закинул за плечо сумку с припасами

и, подхватив тарелку с кружкой, пересел за стол к сапожнику. Тот даже не шелохнулся.

— Уважаемый, мне сказали у вас можно купить ботинки? — обратился к мужчине Ник, съев пару ложек жарехи, оказавшейся на удивление вкусной. — Я хотел бы приобрести парочку.

Сапожник продолжал молча пялиться в опустевшую емкость, никак не реагируя на происходившее вокруг.

Привстав, Никаниэль помахал рукой у человека перед лицом и, по-прежнему ничего не добившись, молча перелил ему содержимое своей кружки. Пить ничего крепче воды он в любом случае не собирался.

Наконец мужчина очнулся и, залпом осушив половину своей чарки, поднял замутненный взгляд на собеседника.

— Уважаемый! — вновь попытался добиться своего эльф. — Мне нужны ботинки!

Сапожник то ли кивнул, то ли просто уронил голову на грудь и принялся маленькими глоточками цедить оставшийся в кружке напиток, наслаждаясь им будто вкуснейшим нектаром.

Беглый принц молча наблюдал за своим визави. Машинально поглощая весьма аппетитное блюдо, он размышлял, что делать дальше и как достучаться до этой неменяемой личности. Общаться с настолько пьяными субъектами ему еще не доводилось.

К счастью никаких дополнительных действий предпринимать не пришлось. Допив дареный эль, сапожник грохнул кружкой об стол, смачно рыгнул и, тяжело опершись руками, поднялся. Не удостоив потенциального покупателя даже взглядом, он почесал лохматую голову и нетвердой походкой двинулся к выходу.

— Эй! А деньги? — крикнул ему в спину хозяин кабака.

Не оборачиваясь, пьяница сделал в воздухе неопределенный жест рукой.

— Чтобы завтра же занес! — погрозил ему Гери, гневно тряся в воздухе тряпкой.

Бросив взгляд на Лизоблюда, потом на удалявшегося сапожника, Никаниэль доел последнюю ложку жарехи и отправился следом.

На улице окончательно стемнело, и лишь тонкий серп полумесяца изредка освещал Акану, робко выглядывая из-за облаков.

Поежившись от внезапно налетевшего прохладного ветерка, беглый принц потер босые пятки об голени и резво догнал с трудом переставлявшего ноги сапожника.

— Уважаемый. — вновь обратился Ник к мужчине. — Мне нужны две пары обуви.

Буркнув что-то нечленораздельное, тот продолжил ковылять в прежнем направлении.

Раздраженному эльфу нестерпимо захотелось отвесить раздражающему типу смачного пинка пониже поясицы. Настолько, что он даже уже замахнулся босой ногой, но все-таки, сделав глубокой вдох, с трудом сдержался.

И все же, сложившая ситуация весьма походила на некую божественную кару, а то и вовсе шутку. Вместо того чтобы спасти Элельен, беглый принц в какой-то неведомой дыре тащился босиком, следом за пьяным в стельку человеком, чтобы купить у того обувь!

Неожиданно сапожник споткнулся на ровном месте и упал подобно мешку с картошкой свалившемуся с телеги.

— Ой. — издало лежавшее на земле тело, не предпринимая никаких попыток встать обратно.

Шепотом выругавшись на троллем и возведя очи горе, Никаниэль поднял упавшего мужчину и практически на себе приволок того к дому с прибитым к крыше флюгеру в виде петушка.

В сенях сапожник окончательно вырубился и захрапел. Беглый принц уложил его на лавку и попытался привести в чувства, но тот лишь улегся поудобнее. В сердцах Ник зачерпнул ковшом воды из стоявшей рядом бочки и с размаху плеснул в лицо пьяницы.

Безрезультатно.

Но зато на шум из дома вышел маленький мальчик со свечой в руке. На вид ему было не больше четырех. Ребенок сонливо потер кулачком глаз и с любопытством уставился на ночного гостя.

— Привет. — максимально миролюбивым тоном поздоровался эльф. — Это твой папа?

Мальчик помотал головой:

— Дедуска.

— А еще кто-нибудь из взрослых дома есть?

И вновь голова ребенка качнулась из стороны в сторону, показывая, что больше вести дела тут не с кем.

— Ладно. — Никаниэль решил предпринять еще одну попытку. — Видишь ли, мы с твоим дедушкой договорились, что он продаст мне ботинки, но он очень устал и уже лег спать. Скажи, может быть, дома есть готовая обувь для продажи?

На этот раз мальчик утвердительно кивнул головой и пошел обратно внутрь дома. С облегчением выдохнув, эльф поднялся по короткой трехступенчатой лестнице и зашел следом.

Внутри ему сразу бросился в глаза изрезанный деревянный стол с несколькими нехитрыми приспособлениями для изготовления обуви. Там же лежали различного размера лоскуты ткани и кожи, шнурки, шерсть и красивые, почти доделанные женские башмачки.

У дальней стены обнаружился стеллаж с уже готовым товаром. Не так, чтобы много, но

Ник без труда подобрал себе подходящую пару и, взяв кучей лежавшие там же обмотки для ног, наконец обулся.

Ботинки оказались более чем простыми, без твердой подошвы, но зато кожаные и с теплой стелькой. А благодаря завязкам плотно прижимались к голени и не норовили слететь даже при беге.

Не забыв про Малема, беглый принц выбрал еще одну такую же пару и вновь обратился к мальчику:

— А ты знаешь, сколько твой дедушка берет монеток за такие сапожки?

Ребенок молча пожал плечами.

— Что ж. Ладно. Обещаю дать честную цену. Хорошо?

Внезапно мальчик подбежал к Нику и обнял его, прижавшись к ноге.

От неожиданности молодой эльф совершенно растерялся. Мало того что он ни разу за всю жизнь не имел никаких дел с детьми, они, конечно же, его еще и никогда не обнимали.

Когда первое удивление прошло, Никаниэль почувствовал странное тепло, зарождавшееся где-то в груди и распространявшееся по всему телу. На его лице невольно возникла улыбка, и он осторожно погладил ребенка по голове.

— Ну все, иди спи. — ласково сказал он мальчику. — Завтра похвастаешься дедушке какой ты у него помощник.

Ребенок радостно кивнул и ушел куда-то вглубь дома.

Беглый принц шумно выдохнул и задумчиво почесал голову. Еще немного постояв, расчистил место посреди рабочего стола и оставил на самом видном месте приличную горсть меди, скорей всего немного большую, чем стоило все что он взял.

Сложив покупки в мешок с припасами, Ник вышел обратно в сени. Там, мирно посапывал все еще мокрый сапожник. Не чувствуя по отношению к нему больше никакого раздражения, эльф спокойно прошел мимо и, скрипнув входной дверью, оказался на улице.

Снаружи было весьма прохладно, но Никаниэля по-прежнему грело необычное тепло, подаренное объятьями ребенка. Глупо улыбаясь самому себе, он сел на лавочку на берегу реки и попытался разобраться в своих эмоциях.

Что за странное чувство? Будто внезапно нахлынувшее счастье. С чего вдруг такие нежности? Нормально ли это для человеческих детей? Или для любых детей? Эльф не припоминал, чтобы в детстве он пытался обнимать всех слуг подряд. Но какие же необычные ощущения! Наверное, все-таки, дело в том, что человеческие дети еще совсем не умеют контролировать свойственные их расе эмоции, и мальчик каким-то образом умудрился ими поделиться.

Размышляя подобным образом, беглый принц постепенно пришел в себя и решил, что пора уже возвращаться к Малему.

Пройдя вдоль реки, он вышел на дорогу и хотел уже было покинуть Акану, как вдруг его взор упал на веревочную переправу, наведенную на месте сгоревшего моста.

Острое чувство обиды внезапно захлестнуло молодого эльфа. Он бросил взгляд на другую сторону реки, где невежественная толпа сожгла ни в чем не повинную девушку, где пленили и собирались сжечь его самого, где грубо отобрали его вещи и деньги на воскрешение возлюбленной.

Коснувшись рукой затылка и ощутив боль от еще не прошедшего ушиба, Никаниэль достал нож и принялся резать верхнюю веревку временного «моста».

С ней он справился довольно быстро. Скользя по земле словно змея преследующая

добычу, она быстро оставила этот берег и повисла с другой стороны, мерно покачиваясь вторым концом в быстром течении реки.

Нижний канат оказался значительно толще, но и его Ник уже почти перепилил, когда, вдруг, со стороны кабака раздался возмущенный крик:

— Эй! Ты что там делаешь? Стража! Стража! Сюда! Скорее!

Не став бросать начатое, эльф в несколько резких движений добил и эту веревку, и она тут же присоединилась к своей подруге на другом берегу. Две части города вновь оказались отделены друг от друга.

Тем временем принца уже окружила высыпающая всей толпой из таверны стража. Люди пьяно пошатывались и не совсем твердо стояли на ногах, но их оказалось слишком много.

Лишь некоторые из них держали в руках оружие, остальные взяли с собой лишь факелы, а один и вовсе пришел с кружкой, прихваченной из таверны. За их спинами стояли несколько горожан, тоже выбежавших на крик.

— Ах ты урод! Отрыжка кфхана! Ты что, гад, наделал?! — вперед вышел, слегка покачивавшийся здоровяк с мечом в руке. — Да ты знаешь с каким трудом... Держите его, парни!

Справиться с такой толпой в одиночку без серьезных жертв не представлялось возможным, и Никаниэль подумывал уже было прыгать в реку, как вдруг из-за спины у людей послышался конский топот и стремительно приближавшийся крик:

— Э-ге-ге-ге!

Наездник не собирался останавливаться и людям пришлось броситься врассыпную, чтобы не пасть жертвой конских копыт. Некоторые попадали, лишь усилив начавшийся хаос.

Всадник на темно-рыжем коне подскакал к самому Нику и, взвив скакуна на дыбы, остановился.

Малеммил успел вовремя.

— Быстрее. — приказным тоном бросил он, протянув товарищу руку.

Беглый принц подхватил мешок с припасами и при помощи Малема запрыгнул лошади на спину. Не тратя больше ни секунды, они тут же поскакали прочь из города.

Опять.

— Да это же Фавор! Демоны! Демоны вернулись! Держите их! — раздавались крики у них за спиной.

Люди некоторое время преследовали эльфов, но, поняв всю тщетность затеи, вскоре отстали.

— Ты как тут очутился? — поинтересовался Ник, пересаживаясь на Одуванчик.

— Да что-то тебя долго не было. — надевая ботинки ответил Малем. — Решил, что ты опять вляпался и нужно тебя спасать. Что так долго?

— Ну. Так вышло. Спасибо.

— Пф! Да о чем речь.

Ночевали они уже, отъехав подальше и вернувшись на свою стоянку с шалашом.

Утром Никаниэль проснулся первым. Рядом, свернувшись калачиком, храпел Малеммил.

Выползая наружу, беглый принц подумал, что вот эта вот личность еще что-то будет потом рассказывать про испугавшихся драконов.

Не обращая внимания на выпавшую за ночь росу, Ник сходил к ручью умыться и выполнил несколько упражнений, заставивших кровь чуть быстрее циркулировать в венах. После этого он вернулся на поляну и, усевшись поудобнее, приступил к медитации.

Последние несколько дней эльф вынуждено пропускал эту весьма важную составляющую тренировок. Но зато теперь он точно знал, что здесь — в землях людей, эффективность медитации, куда выше чем в далеком Эльфхейме.

Он практически чувствовал, как под напором огромного количества маны его каналы расширялись, пропуская через себя все больше и больше частиц чистой магии.

— Ого! Медитируешь? Ну ладно, не буду отвлекать. — заявил проснувшийся эльф. — Я пока поесть приготовлю. С добрым утром.

Неизменно радостный голос Малема грубо ворвался в сознание Ника, нарушив концентрацию. Сосредоточиться обратно никак не получалось и, бросив раздраженный взгляд на складывавшего костер товарища, Никаниэль поднялся на ноги.

— Я тебе все-таки помешал? — виновато спросил Малеммил. — Извини... Одно дело, когда ты слышал, что медитации можно помешать, а другое... Сейчас вот впервые увидел. Впредь обещаю быть осторожнее.

Ник подумал, что никакого «впредь» больше не будет. Он планировал не позднее сегодняшнего дня расстаться со своим временным спутником и продолжить путешествие в одиночку. Случайно спасенный эльф, конечно, оказался парнем хорошим, но вот его импульсивность и эмоциональность постоянно выбивали принца из колеи. Все время казалось, что того слишком много. Не хватало еще заразиться.

Из купленных у Гери припасов Малем умудрился приготовить на завтрак перловую кашу с кусочками мяса, луком, морковкой и зеленым горошком под названием «Жемчужная». Получилось невероятно вкусно. Никаниэль неохотно признаться себе, что сам он такой шедевр бы не осилил.

Следуя простому правилу, что кто не готовил тот моет посуду, беглый принц взял котелок с ложками и направился к ручью. Вместо тарелок опять ели из листьев, брошенных после трапезы прямым в костер.

Драя котелок в ледяной воде при помощи мха и песка, беглый принц пытался придумать, как объяснить Малеммилу необходимость расстаться. Ему казалось, что спасенный из темницы эльф, никогда не видевший родины, был рад обрести друга той же расы и расстроится, узнав, что им дальше не по пути. Руки уже окоченели от холода, но нужные слова никак не желали складываться в предложения.

Так и не решив окончательно что говорить, Ник вернулся в лагерь.

Повесив котелок сушиться над костром, Никаниэль подошел к Малему уже во всю седлавшему лошадей. Он набрал уже было воздуха, чтобы начать неприятный разговор, но тот внезапно его опередил.

— Так ты вчера узнал что-нибудь полезное про свое золотишко? — спокойно

поинтересовался Малеммил, не оборачиваясь.

— Судя по всему, его забрал городничий, прикончив ради этого пару стражников...

— Ну да, этот мог. — вставил Малем

— ... или, может, это они сами поубивали друг друга, но, в любом случае, деньги, похоже, у него.

Удачный момент оказался упущен.

— И в городе, конечно, его уже и след простыл?

— Конечно. Как раз вчера подслушал разговор стражников. Судачили, будто городничий уже давно собирался посетить Тику, но перед этим, вроде как, должен был куда-то еще заехать.

— А куда? — застегнув подпругу, Малем, наконец, обернулся.

— А вот на этом самом месте меня отвлек клятый Гери Лизоблюд, так что выяснить большего не удалось.

— В Тику значит? — Малеммил скрестил руки на груди и замолчал, слегка нахмурившись. — Ну да, логично. В Пантиоке, конечно, больше возможностей, но туда еще хрен доберешься. Особенно с такими деньжищами. За каждым кустом по разбойнику. Я бы на его месте тоже в Тику рванул. Собственно, как раз туда я и ехал. Давненько уже не был в Городе Теней. Да и Люсинда меня, небось, заждалась. Огонь баба! А ты что: поедешь за Винфри или у тебя другие планы?

Малем вопросительно уставился на Ника, а тот стоял, опешив от неожиданности.

Только что он собрался завести разговор, о том, что им дальше не по пути, а теперь вдруг оказалось, что они оба держат путь в один и тот же город. Причем Малеммил сказал об этом первым.

Сперва принцу хотелось сказать что-то вроде «Знаешь, Малем, я тоже иду в Тику. Встретимся там. Пока». Но, поразмыслив, он все же понял, что хоть тот иногда и раздражал, и шума от него порой многовато, но зато эльф он, вроде, надежный и в беде не бросит. К тому же значительно лучше готовит. Да и чувства юмора не лишен. А что самое важное — прекрасно понимает людей и уже бывал в Тике.

— Знаешь, Малем, я ведь тоже туда направлялся. Как там она по-другому — Ночной Базар? — наконец, приняв решение, ответил Никаниэль. — Один мой хороший друг, говорил, что в Тике можно найти нужного мне человека. Платить ему, правда, теперь нечем...

— Да ты не расстраивайся, дружище! — Малеммил, как всегда — сама беззаботность. Он радостно улыбнулся и похлопал Ника по плечу. — Найдем мужеложца Винфри, вернем твои деньги и наймешь кого тебе там надо. Уж в Тике-то точно можно найти что угодно, хоть застарелое говно кфхана — нужно только знать где искать. Я помогу. А вместе и дорога веселее! Все, давай собираться. Alkun'daqatın.

Не совсем поняв смысл последней фразы и решив, что это что-то на дварфхане — языке подгорных бородачей, беглый принц помог своему новообретенному спутнику свернуть лагерь, и они вместе выдвинулись в путь.

У поворота на Акану оба эльфа, не сговариваясь, остановились и посмотрели в сторону города. Там жители тщетно пытались вновь соединить два берега меженной реки. Получалось у них, прямо скажем, неважно. Веревка то и дело вырывалась из рук то у одного, то у другого человека и падала одним концом в воду под аккомпанемент гневных и разочарованных криков.

Малем сделал в сторону города неприличный жест и, слегка сдавив ногами бока Фавора, заставил того тронуться.

Никаниэль чуть задержался и случайно встретился взглядом с внуком сапожника, сидевшего на крыше своего дома и двумя руками державшегося за неподвижный флюгер. Мальчик радостно помахал Нику и тот помахал ему в ответ. Беспричинная улыбка вновь поселилась на лице принца.

Еще раз взглянув на безуспешные попытки аканцев наладить сообщение, беглый принц попытался понять на кой кфхан он вообще принялся пилить эти клятые веревки. Казалось бы уже давно вырос из подобных мелочных поступков, не достойных знатного эльфа. Тем более будущего правителя. Может ему каким-то образом передалась детская энергия, обнявшего его мальчика? Или это все — дурное влияние Малеммила? А, возможно, и сам он не так уж и доблестен, как любит о себе думать.

Догнав спутника, эльф хотел уже было задать тому один вопрос, но Малем уже второй раз за день опередил его буквально на секунду:

— Слушай, а на кой кфхан ты им ночью канаты перерезал?

— Да сам не знаю. Как-то вдруг так обидно стало. Вещи все отобрали, деньги... По голове врезали, сжечь собирались, а все за что? За то что хотел спасти «ведьму»? Ну вот и... да.

Никаниэль вновь смутился спонтанности своих действий и мелочности поступка, но Малем тут же его успокоил:

— Ой, да не парься ты так! Ну сделал и сделал. Значит так им, капоцам, и надо!

— Кому?

— Капоцам. Не знаю, что именно это значит, но отец называл так всяких скудоумцев и других неприятных личностей. Может на гномьем что-то. Папаня мой мастак был на разных языках ругаться, вот я и понахватался.

— Ладно, скажи, ты упоминал, что уже бывал в Тике. — наконец добрался до интересовавшей его темы Ник.

— Ну да, заезжал пару раз. Последний — лет тридцать назад. С Тикой, кстати, забавная штука — стоит она на территории короля Филиса Харпияна, если, конечно, он за это время не сменился. Хотя не должен был. Город, обычно, отстегивает королю серьезную монету за свою «независимость». В итоге король не лезет в дела города, а город спонсирует все фантазии короля, в том числе и его безопасность.

— А кто тогда управляет Тикой и откуда там столько денег?

— А никто не управляет! В городе даже ратуши нет. И стража королевская там больше для красоты, чем для порядка. Нет, есть, конечно, несколько влиятельных личностей, дорогу которым лучше не переходить, если не хочешь потом обнаружить себя плывущим в волнах Строптивной. По частям. Ну вот эти личности Вилису и заносят раз в год.

— А что за Строптивная? Река?

Малем повернулся в седле и пристально посмотрел на спутника. Губы его были слегка поджаты, а одна бровь горделиво возвышалась над напарницей. Он выглядел так, будто все это время разговаривал сам с собой, а теперь вдруг оказалось, что у него действительно есть собеседник.

— Слушай, ты вообще что ли ничего не знаешь? — спросил он наконец. — Ты как собирался до города добираться? На ощупь? Строптивная — знаменитая река, текущая не с горы, а в гору! Потому так и называется. Ну вернее не совсем в гору, а куда-то под гору.

Говорят, там в Дварфгоне есть подземное море и именно в него она и впадает. — Малеммил сделал неопределенный жест рукой. — А тебе кого найти-то надо? Не могу сказать, что в Тике я среди своих, но помочь смогу.

— Прости, Малем, давай пока это останется моим секретом. Как-нибудь в другой раз.

— Ну секретом так секретом. — пожал плечами эльф, с выражением полнейшего безразличия на лице. — А вот я тебе сейчас такую историю расскажу, как есть уссышься от смеха! Короче, готовься стирать портки и мыть лошадь. В прошлый раз, в Тике...

Никаниэль ехал рядом с Малемом и слушал смешные истории из жизни веселого напарника. Он еще не был до конца уверен в правильности решения путешествовать вместе, но, по крайней мере, перспектива выть от скуки ему больше не грозила.

Следующая неделя прошла вполне спокойно. Никто не пытался ни сжечь путешественников, ни поджарить, ни даже немножечко подпалить. Хотя пару раз их все же посещали мысли о большом, жарком костре — ночи становились все холоднее, а теплой одежды у путников не прибавилось.

Одним особенно промозглым утром Никаниль и вовсе, проснувшись, обнаружил, что всю их стоянку припорошило ослепительной, пушистой крупой. Не считая представлений верховного мага, беглый принц впервые видел снег в живой природе.

Тут же бросивший в него снежком Малем, поспешил успокоить приятеля и объяснил, что даже в здешних местах метель зимой бывает не часто, а уж на юге, куда они направлялись, снегопады так же редки как ночь любви со знойными тройняшками.

Вскоре обнаружилось еще одно большое отличие в привычках двух эльфов: Малеммил предпочитал в своих путешествиях ночевать во встреченных по пути деревнях и селах, а вот Нику до смерти надоело влипнуть во всякие истории с людьми и он абсолютно не горел желанием в ближайшее время с ними связываться.

Из-за этого спутники порой вступали в дружеские перепалки, которые, зачастую, заканчивались очередным любованием звездами под жизнерадостный треск костра. Малем же вообще оказался весьма индифферентным индивидом и заводил подобные споры больше для развлечения, чем с целью переубедить товарища.

Но, как известно, вода камень точит, и вот, после очередной дискуссии на одну из схожих тем, Никаниэль, наконец, поддался уговорам, и молодые эльфы договорились посетить следующее же встреченное поселение. Тем более, что сумка с припасами давно уже светила дном, а питаться травой и корешками не хотелось ни одному, ни второму.

— ... и тогда она говорит: «А ты правда потомок того самого Карла-Густава Благородного?» Вот умора, представляешь? — травил очередную байку Малеммил. — О! Посмотри-ка!

Еще утром путешественники свернули на заросшую лесную тропинку, в надежде, что с ее помощью удастся поправить маршрут. Дорога, по которой они ехали до этого, уже давно начала забирать на восток, а, по прикидкам Малема, Тика находилась все же несколько западнее. И хотя путь до цели все еще предстоял неблизкий, это не повод удлинять его излишним петлянием.

Тропой, судя по всему, уже несколько лет никто не пользовался и она постепенно возвращалась в лесное лоно, зарастая травой и молодыми побегами деревьев. Но, тем не менее, оставалась достаточно широкой, чтобы по ней могли проехать два всадника и продолжала вести редких странников в нужном направлении. Что и требовалось.

И вот теперь вдалеке перед ними показалась девушка, несшая здоровенную охапку хвороста.

Она шла им навстречу, но из-за ноши никак не могла увидеть приближавшихся путников. Из-под охапки веток, полностью перекрывавшей ей обзор, виднелось лишь выцветшее голубое платье, касавшееся земли, да торчал краешек потрепанного белого фартука.

Малеммил приложил палец к губам, призывая Ника к тишине, бесшумно слез с лошади и на цыпочках подкрался к девушке, встав прямо у нее на пути. Никаниэль скептически

покачал головой, но мешать приятелю не стал.

Громко ойкнув, девушка врезалась прямо в Малема и чуть было не упала, но тот, ловко, одной рукой забрал ее вязанку, а другой поймал, придерживая за талию.

— Здравствуй. Ты тут одна? — елеиным голосом спросил он, глядя ей прямо в глаза.

Барышня мгновенно покраснела, и ее лицо практически сравнялось по цвету с пышной огненно-рыжей косой, свисавшей до самой земли. Но даже этот маленький конфуз не испортил, а лишь придал изюминку изящным чертам. Девушке на вид казалось лет девятнадцать от роду, и хоть красавицей ее не назовешь, но она, безусловно, была мила и по-своему очаровательна.

Случайный встречный без сомнений понравился ей с первого взгляда. Тут, впрочем, ничего удивительного. Любой эльф в глазах людских женщин выглядел подобно сказочному принцу, внезапно сошедшему со страниц волшебной истории и очутившемуся в обыденности серой реальности.

Одни этим беззастенчиво пользовались. Другие — вели себя пристойно. В число вторых Малеммил не входил.

Плавным движением освободившись из рук путника и оставив тому держать ветки, девушка сделала пару шагов назад, и, расправив помявшееся платье, стояла, опустив голову, и бросая робкие взгляды из-под длинных ресниц.

— Красавица, мы тут с другом заплутали и ищем где бы переночевать. — перешел в наступление Малеммил. — Не соблаговолишь ли ты проводить двух уставших путников до ближайшей деревни?

— Ближайшая деревня в двух днях пути отсюда. — не поднимая головы ответила девушка нежным, струившимся голосом. — Но вы можете отдохнуть у нас. Это недалеко.

Малем обернулся и картинно подмигнул Нику, на что тот так же картинно закатил глаза.

Получив согласие, девушка тут же свернула в лес. Рядом с ней пошел Малеммил, неся на плече вязанку хвороста. Ну а Никаниэль, спешившись, взял обеих лошадей под уздцы и отправился следом.

Идущие впереди весело перешучивались. Малем явно далеко не в первый раз общался с человеческой девушкой, и звонкий смех незнакомки, то и дело врывается в лесную тишину мелодичным звоном хрустальных колокольчиков. А беглый принц надеялся лишь на то, что в этот раз удастся обойтись без лишних приключений.

Долго идти не пришлось.

Солнце едва коснулось верхушек самых высоких сосен, как все трое вышли к небольшому селению. Собственно, даже деревней это место назвать бы никто не решился.

Четыре ветхих деревянных домишки, стоявших вокруг небольшого колодца; два сарая, один из которых, скорей всего служил общим отхожим местом; и небольшая беседка с навесом — вот и все хозяйство маленькой лесной общины.

— Мариша, тебя только за смертью посылать! — Из ближайшего дома выскочила девушка как две капли воды похожая на спутницу Малема. — Сколько можно ходить за хвор... Ой!

Даже реакция на гостей у нее оказалась точно такая же: она густо покраснела и опустила голову, продолжая исподволь разглядывать внезапных гостей.

Весело смеясь, к ней подскочила Мариша и обняла за плечи:

— Это сестра моя, Ириша. Мариша и Ириша. Как в сказке, да? — когда девушки встали

рядом, различия между ними все-таки выявились. У одной кожа оказалась чуть светлее, а у другой на правой щеке красовались две родинки, которых не было у первой. — О небо! А я ведь даже не спросила как васзовут. Стыдно-то как...

Представив себя и Ника, Малем тут же спросил куда можно отвести лошадей и не нужно ли чем-то помочь.

— Нужно-нужно, еще как нужно. — ответила за девушек ветхая старуха, как раз вышедшая из соседнего дома. Сама она идти не могла, и ее поддерживала женщина средних лет с мутно-белыми, невидящими глазами и клюкой. Обе, как и близняшки, были одеты в блеклую, выцветшую, но, тем не менее, чистую одежду.

— Мужчины наши три дня как в соседнюю деревню ушли, даже дров наколоть некому. — дребезжащим голосом причитала старуха. — Вы уж помогите нам, не откажите. А мы накормим, напоим, спать уложим — все как полагается. Эй, девки! — крикнула она сестрам внезапно сильным голосом. — Пристройте животных и выдайте хлопцам по топору. Мы пока на стол накроем.

Раздав распоряжения, бабка с провожатой вернулись в дом готовить ужин, а к Никаниэлю подскочила Ириша и, прижавшись к нему всем телом, шепнула на ухо:

— Старая снова забыла, что топор у нас один всего. Но ты можешь помочь мне привязать лошадей. Признаться, я их с детства недолюбливаю. — Девушка взяла руку Ника в свою неожиданно холодную ладонь и повела в сторону навеса. — Пойдем.

Возле сарая Малем уже всю размахивал топором под восторженные охи Маришки. Ровные чурки раз за разом разлетались в разные стороны под ударами сноровистого эльфа.

Расседывая Фавора, принц порадовался, что в хуторе не нашлось второго топора. У него и в половину столь умело не вышло бы. Не пришлось позориться. Судя по всему, Малеммилу было не впервой заниматься подобным.

Еще Ник с удовольствием отметил, что в этот раз реакция на прикосновения девушки у него оказалась гораздо спокойнее, чем тогда с Сюзи. Возможно начала вырабатываться некоторая невосприимчивость, что пришлось бы весьма кстати.

Ну и на самых задворках сознания серой мышкой проскочила мысль о странном отсутствии вокруг живности. Даже захудалая коза — и та не вышла знакомиться с новыми соседями. Впрочем, у эльфа, большую часть жизни проведшего во дворце или в лесах, гораздо больше эмоций вызвала бы сама коза, а совсем не знакомство с ней.

Когда закончили с делами, уже стемнело.

Луна этим вечером решила не радовать хутор безмолвным присутствием и стыдливо скрылась где-то в черноте небесного свода. Яркими огоньками вспыхнули мириады звезд, кружившихся в бесконечном танце далекой, недостижимой выси.

Лошади расседланы и ухожены, дрова наколоты, стол накрыт. Радостно шуршал огонь в печи. За столом на лавках разместились попарно Малеммил с Маришой, напротив — Никаниэль с Иришой и сбоку старуха со своей слепой провожатой. Шляпу старика Нора беглый принц оставил в сенях и теперь оба эльфа красовались в свитых из штанин банданах.

— Спасибо гостям за подмогу, тревогу и всяку мороку. — беззубым ртом прошамкала известную сказочную присказку бабка. — Угощайтесь.

Набор яств на столе сильно напоминал норовский: те же соленья, та же непонятно откуда взявшаяся картошка...

Малем увлеченно шушукался с новой подругой, не обращая внимания на пищу. Да и Ириша недвусмысленно гладила Ника под столом по колену.

Отвлечшись на мгновение от Мариши, Малеммил встретился взглядом с товарищем. Он глазами показал на вторую близняшку и вопросительно приподнял брови, мол:

«Берешь»?

Ник отрицательно покачал головой, демонстративно отсел от нее на противоположный конец лавки и положил себе в тарелку пару горячих картофелин.

Пожав плечами, Малем поднялся из-за стола и со словами:

— Я, кажется, руки забыл помыть. Маришь, не покажешь где тут? — умыкнул девушку наружу. Обиженно фыркнув, Ириша ушла следом.

Добавив к картошке ложку квашенной капусты, беглый принц принялся за трапезу.

Оставшиеся женщины сидели молча. Лишь треск огня да шкрябанье ложкой по дну тарелки нарушали вечернюю тишину томной глуши. Ни сверчков, ни ночных птиц, ни скрипа качающихся на ветру деревьев.

Даже весьма голодный Никаниэль не оценил кулинарных навыков хозяек. Не то чтобы ему когда-либо доводилось пробовать грязную половую тряпку, но в его представлении вкус должен был получиться точь-в-точь. Хотя если готовила слепая...

Внезапно Нику стало как-то сильно не по себе.

Закружилась голова, желудок рывком подскочил к горлу и камнем рухнул обратно вниз, толпа мурашек, раздвигая волосы, устроила шествие по совсем недавно зажившему затылку. На ватных ногах он поднялся и, с трудом проталкивая слова сквозь пересохшее горло спросил, где можно лечь спать.

Старуха молча махнула рукой в дверной проем сбоку от печки.

В соседней комнате, с другой стороны от очага обнаружилась специальная, уже застеленная ниша для сна. Не до конца отдавая себе отчет в собственных действиях, обессиленный эльф рухнул в нее и мгновенно отрубился.

Никаниэлю снился причудливый сон.

Он снова оказался в родных местах и маленьким мальчиком, весело смеясь, бежал по коридору дворца. Все вокруг будто бы соткали из света: привычные стены, увешанные картинами и гобеленами, даже пол — выглядели так, словно их создали из горного хрусталя, а прямо за ними ярко светило солнце. Да сам он тоже весь светился в самом прямом смысле этого слова.

Вдруг мальчика позвала смутно знакомая женщина.

Маленький Ник, радостно подняв руки, беззаботно подбежал к ней и буквально нырнул в родные объятия. Мягкие и теплые, пахнувшие свежесвеженным пшеничным хлебом и нежные, будто прикосновение легкого ветерка в знойный летний полдень.

«Мама?» — случайной вспышкой, подобной эху, всплыло из глубин сознания.

И пусть Ник никогда не видел свою маму живой, сейчас он ни секунды не сомневался, что это именно она — Атейллас — последняя королева Эльфхейма.

Прекрасная эльфийка гладила его по голове и говорила что-то ласковым тоном, но принц не понимал ни слова. Он умиротворенно купался в безбрежном океане любви и нежности, полностью отдавшись эмоциям и наслаждаясь происходящим.

Вот из-за светящейся статуи в доспехах выскочил Син'Галад. Он показал Нику язык, скорчил смешную рожу и бросился наутек.

Рассмеявшись, Никаниэль чмокнул Атейллас в щеку и побежал догонять брата.

Внезапно картинка изменилась.

Золотое сияние вокруг меркло, жадно пожираемое зловещими пятнами гнили. Чернильными кляксами на листе бумаги они расползались вокруг, вытесняя весь свет, тепло и радость.

Пол под Ником разверзся и он упал в сырую комнату.

Повсюду решетки.

Что-то белкое и вязкое, сперва выдавшее себя за муку, на поверку оказалось прахом.

Зловеще зазвенели кандалы.

Отовсюду раздавались животные стоны истязаемых узников, пробиравшие до дрожи стенания и скрежет металла, ржавым сверлом ввинчивавшийся прямо в мозг.

Гнетущие, как заранее заказанный гроб, стены щерились зубастыми пастями, истекавшими миазмами гнили. Даже воздух пропитало зловоние смерти, а само понятие «надежда» — надежно похоронено под грудями исковерканной плоти.

И лишь скелеты, державшиеся за решетки костлявыми пальцами, безмолвно взирали на принца, сверкая холодом черного пламени из пустых глазниц.

Стены камеры начали сходитьсь, стремясь раздавить жертву. Нанизать ее на длинные желтые клыки ехидных рыл. Изю всех своих ничтожных сил Никаниэль пытался остановить приближение губительной участи.

Он упирался; царапался, ломая ногти и выворачивая суставы; кричал до боли в глотке.

Но безжалостные стражи лишь мерзко скалились и клекотали, потешаясь над его безуспешными попытками отсрочить неизбежное.

Липкий страх неминуемой смерти обрушился на маленького Ника неудержимой лавиной, способной в считанные секунды снести и переломать вековые деревья и

несокрушимые стены.

Но вдруг, словно сквозь толщу воды, до него донесся отдаленно знакомый голос, звавший его по имени: «Никаниэль! Никаниэль, проснись!»

Сон? Что такое сон? Принц не помнил. Не видел. Лишь слышал все тот же голос
«Проснись, Никаниэль! Очнись!»

Эльф резко открыл глаза, вырываясь из западни мистического кошмара, но реальность оказалась ничуть не лучше. Прямо над ним, раскрыв сочившуюся слизью пасть, нависало зловонное создание, одним своим существованием отравлявшее окружающую действительность.

Когда-то это, безусловно, была женщина. Об том говорили грязные обрывки платья и два ссохшихся, серых, кожаных мешка, болтавшихся на месте груди.

Проклятая нежить издала звук, сродни хлюпанью тысячи раздавленных личинок. Из широко открытой пасти с торчащим частоколом острых зубов вывалился длинный гнилой язык, извивавшийся хищной змеей перед атакой. Из уголка рта тянулась тягучая нить лимфы, а в глазницах копошились склизкие опарыши.

Гуль.

Не самая сильная нежить, но и не безмозглый зомби. К тому же, конкретно этот, похоже, не обладал зрением.

Тварь замахнулась рукой с длинными желтыми когтями и попыталась проткнуть свою жертву, но Никаниэль кое-как успел увернуться и, упав с холодной печки на пол, откатился в сторону. Раскаленным прутом обожгло левую руку — его все же зацепило.

Монстр, скрипнув когтями по камню, издал полный разочарования крик, ржавым гвоздем скрежетнувший по оголенным нервам. Гуль слизнул с пальцев кровь Ника и обернулся в поисках сбежавшей добычи.

Принц поднялся на четвереньки.

Рука горела огнем.

Вдобавок вернулись отвратные ощущения, приставшие к нему перед сном. Лоб покрылся испариной, и эльфа вытошнило непонятной субстанцией.

Гуль дернулся на звук и рванул, размазавшись серой лентой.

Никаниэль оттолкнулся и выпрыгнул в комнату, где ужинал перед сном. За спиной чудовище иступленно громило ни в чем не повинную мебель.

С трудом поднявшись на дрожащие ноги, Ник осмотрелся. Хижина сильно изменилась. Стены накренились и покрылись паутиной сквозных щелей, пол зиял провалами черных дыр, печь наполовину развалилась, а на покосившемся столе в кучах склизкой гнили, извиваясь, ползали черви и копошились личинки.

Все вокруг выглядело так, будто с предыдущего вечера прошли сотни лет.

От открывшегося ему зрелища и, стоявшего в помещении тяжелого смрада, эльфа снова вытошнило. И Нику тут же вновь пришлось уклоняться от атаки гуля.

В висках стучало.

Ноги почти не слушались.

Вывалившись в сени и подобрав там корявую палку, принц, используя ту как трость, с трудом выбрался на улицу.

На небе сияла полная луна. Будто насмехаясь, она давала возможность оценить весь ужас происходящего.

От мирного хутора не осталось и следа. Все здания обветшали на глазах. Жалобно

ржали лошади, терзаемые невидимым чудовищем. Из сарая, шатаясь, один за другим выходили скелеты. И не все из них могли похвастаться полным набором костей. У кого не хватало руки, у других нескольких ребер, а некоторые, лишённые ног, и вовсе ползли, цепляясь за землю костлявыми пальцами.

Вокруг царила полная разруха.

Не веря своим глазам, Никаниэль спешно пытался придумать план спасения. Все его тело покрылось липким потом, а мысли стаей мышей трусливо забились в угол и жалобно пищали оттуда, задрвав лапки.

— Никанор! — одной рукой натягивая штаны, а другой отмахиваясь мечом от наседавшей нежити, к Нику бежал Малем. — Никанор!

Прямо за ним, следуя по пятам, мчалась пара похожих друг на друга, как две капли воды, монстров. С той лишь разницей, что один был призраком, а другой зомби.

Зомби с двумя родинками на правой щеке...

Время от времени Малеммил даже попадал клинком по чудовищам, но на них это не оказывало никакого эффекта. Те лишь гулко смеялись и продолжали преследовать жертву.

— Ник, слава богам, ты жив! — в глазах Малема поселился холодный огонек страха, но он еще мог держать себя в руках. — Какого кфхана тут... А это еще что?!

Проломив стену дома, на улицу вырвался гуль. Издав рев, от которого кровь застыла в жилах, опустившись на все четыре руки... ноги... конечности — тварь рванула к эльфам.

Прикрыв собой товарища, Малеммил принял боевую стойку и, используя корпус и вкладывая весь свой немалый вес, нанес боковой удар по монстру. Будь это человек, того могло бы разрубить напополам. Но гуль лишь отлетел в сторону, пройдя сквозь призрака и сбив с ног зомби. На плече твари появился едва заметный порез.

Ржание лошадей захлебнулось протяжным хрипом, и теперь с той стороны слышалось лишь жадное, довольное чавканье. Гуль и зомби поднимались на ноги, скалясь волками, загнавшими добычу.

— Бежим! — Малеммил схватил принца за руку, но заметил, что скелеты успели их окружить, отрезав пути к отступлению. В глазах Малема потухла привычная искра и теперь там плескалось холодное озеро отчаянья. — Ник, похоже нам не сдюжить... — хриплым голосом проговорил он. — Я должен тебе сказать...

Внезапно Никаниэль ощутил странную пульсацию на левом бедре.

«Люминистилл!» — единственное слово яркой вспышкой надежды пронеслось у него в мозгу.

Игнорируя снежным комом растущую слабость, беглый принц вытащил из ножен украденный у отца артефакт. Меч светился ровным золотым сиянием — словно выкованный из солнечных лучей и благословенный самим Лаодом.

Малем осекся на полуслове и замороженно смотрел на явившееся чудо.

— *Скви-и-и-и.* — подлетевший почти вплотную призрак, внезапно остановился и завизжал, закрыв лицо прозрачными ладонями.

Не мешкая ни секунды, беглый принц взмахнул Люминистиллом, рассекая приведение от правой ключицы до левого бедра.

На мгновение эльфам показалось, что ничего не получилось. Но вот края на месте разреза начали чернеть подобно подоженному листу тонкой бумаги, разошлись, и призрак, разделенный на две парящие в воздухе половины, с тихим хлопком лопнул.

Стоявший чуть в стороне гуль издал истошный вопль, в котором с трудом стоявший на

ногах Никаниэль отчетливо услышал:

— *Мариша!*

Не обращая ни на что внимания, чудовище бросилось напрямиком на застывших на месте эльфов.

Монстр несся прямо на Ника, но у того уже не оставалось сил ни уклоняться ни драться. Сознание так и норовило покинуть тело. Левая рука пульсировала нестерпимой болью. Ноги дрожали. Перед глазами все плыло.

Из последних сил раненный эльф выставил перед собой Люминистилл. Ник пошатнулся и чуть было не упал, но Малем поддержал соратника.

Не видя ничего перед собой, слепое чудовище, как бабочка на иголку, нанизалось на светящийся меч и сбило с ног обоих эльфов. Оно повалило парочку друг на друга, а само упало сверху.

Ника обдало смрадом сотни разложившихся трупов, на лицо посыпались опарыши из глазниц гуля, но ему уже было плевать.

Все оставшиеся силы принц потратил на то, чтобы не потерять сознание и не выпустить из рук меч, от которого по телу нежити расползались волны жара, выжигавшие мертвую плоть.

Гуль кричал и бился в судорогах, но не мог ничего поделать. С тихим шипением тварь развалилась на части и истлела на глазах. Следом за этим, будто по цепочке, полопались, разбрасывая кости, стоявшие в оцеплении скелеты; кучей гнилой плоти ополз зомби; затихло пожиравшее лошадей чудовище; и даже само пространство корежилось и трескалось, как весенний лед под стальным башмаком.

Не дожидаясь чем это все закончится, Малеммил подхватил товарища за подмышки и потащил прочь от этого ужасного места.

Никаниэль слабо понимал, что происходит. Он то терял сознание, то вновь возвращался в реальность. Судорогой свело правую руку. Рана на левой — болела так, будто ее рвала на части стая бешенных собак. Съеденная на ужин гниль периодически исторгалась наружу с фонтанами желчи. Ног же он не чувствовал в принципе.

Малеммил, не оборачиваясь, волок Ника прочь от места недавней схватки. Оттуда все еще доносились скрежещущие звуки, словно злобный исполин комкал огромный лист железа. Внезапно раздался громкий хлопок, и вдоль земли прокатилась волна воздуха, уронившая обоих эльфов.

Когда раненный принц вновь открыл глаза, на небе ярким багровым диском сияло закатное солнце. Предыдущего дня или следующего — неизвестно. Похоже время в проклятом хуторе шло по своим собственным законам.

Преодолев заросшую тропу, Малем немного углубился в лес и уложил товарища на мягкий мох. Эльф все еще пребывал в шоке от произошедшего.

Внезапно его взгляд упал на раненную руку Ника. Там, под разодранным рукавом, поперек предплечья красовались три параллельных пореза, оставленных когтями гуля. Сами по себе они не выглядели глубокими или опасными, но от каждого в стороны расползались черные метастазы гнили. Сочившиеся гноем нарывы заживо пожирали руку эльфа, вызывая страшные мучения.

Никаниэль в очередной раз согнулся в рвотном позыве и упал на землю, тяжело дыша. Его лихорадило. Рубашка насквозь промокла от пота. Тело било мелкой дрожью. Волосы слиплись.

— Ник... Твоя рука... Нужно что-то делать...

Раненный принц не ответил. Скорей всего, он даже не слышал, что к нему обращались.

Малем попытался сцедить заразу, как яд при укусе змеи, но у него ничего не вышло. Пришлось лишь только тщательно отплевываться от мерзкого привкуса во рту — проклятые брызги попали ему на губы.

Внезапно Малеммил заметил, что необычный меч, спасший им обоим жизни, все еще слабо светился, и ему в голову пришла идея.

— Ник, мне нужен твой меч. — Малем попытался забрать Люминистилл из рук товарища, но сведенные судорогой мышцы затвердели холодным камнем.

— Ладно, тогда так. — прошептал он себе под нос.

Малеммил окончательно оторвал испорченный гулем рукав и отбросил тот в сторону. Затем одной рукой, прямо поверх пальцев товарища, взялся за рукоять волшебного артефакта, другой осторожно зафиксировал клинок у острия и, вознеся молитву светлым богам, прислонил самый кончик к первому порезу.

Раздалось шипение.

От раны вверх поползла тонкая струйка черного дыма. Будто к ней прислонили не холодный меч, а раскаленный прут.

Никаниэль непроизвольно дернул рукой, и к трем параллельным ранам добавилась перпендикулярная, соединившая все остальные. Получилось некоторое подобие стилизованного изображения трехзубого гребня для волос.

— Кфхан и все его потомки! — выругался Малем. — Эй, эй, Никанор, ты слышишь

меня?

Он хлопал раненного эльфа по щекам, пытаясь достучаться до разума.

И ему это удалось. Увидев осознанность во взгляде товарища, Малеммил попросил того открыть рот и вставил ему между зубов толстую палку, предварительно очищенную от коры.

— Ник, у тебя какая-то дрянь расползается по руке. Я, кажется, придумал что делать. — успокаивающим тоном говорил Малем, фиксируя зараженную конечность, встав на нее коленями с двух сторон от раны. — Будет больно, Ник. Потерпи. Демоны и бездна! Я не хочу, чтобы мой первый эльфийский друг обратился в треклятую нежить!

Ему, наконец, удалось забрать Люминистилл.

Глубоко вздохнув, Малеммил приступил к тому, что с большой натяжкой можно было назвать врачеванием. Очень медленно, тщательно выжигая всю заразу, он вел острием волшебного меча по оставленным гулем ранам. И там где зараженной плоти касалась волшебная сталь, чернота исчезала, оставляя чистый, кровоточащий порез.

То, что при этом испытывал Никаниэль трудно передать словами. Раскаленные иглы невыносимой боли плотоядными червями ввинчивались ему под кожу. Они извивались и стремились добраться до самого мозга, чтобы откусить от него лакомый кусочек. И это лишь малая часть палитры страданий в руках художника-мучителя.

Несчастный принц мычал и пускал слюни. Его тело выгибалось дугой, чтобы тут же вновь бросить оземь и пустить по нему волну спазматических судорог.

Разрываемый на тысячи частиц, эльф жарко молился всем богам лишь об одном — чтобы сознание покинуло его, чтобы мучение прекратилось. Он клялся и обещал что угодно в обмен на избавление.

Но оно не приходило.

Казалось, прошли уже часы с начала экзекуции.

Никаниэль до половины разгрыз, вставленную в рот палку. Если бы не эта ветка, он бы давно уже остался без языка, откусив его в конвульсивных корчах. Правой рукой Ник неосознанно разбросал вокруг мох и, скребя ногтями по земле, раскопал узловатый корень, за который крепко держался.

Внезапно боль отступила.

Изрезанная рука по-прежнему пульсировала, истекая кровью. Но по сравнению с процессом выжигания заразы это можно было терпеть. Беглый принц едва успел отвернуть голову в сторону, и его вновь вытошнило.

Он лежал на земле и тяжело дышал. Тело, покрытое липким потом, пылало огнем.

— Ты молодец Ник, ты молодец... — уставшим голосом проговорил Малем, убирая слипшиеся волосы со лба друга. — Осталось совсем чуть-чуть...

Фраза стала последним, что услышал Никаниэль, потому что в этот момент мироздание, наконец, сжалилось над ним и подарило облегчение беспомощности.

Кое-как вынув почти раздробленную деревяшку изо рта Ника, Малем с трудом поднялся на ноги и куда-то ушел. Вернулся он довольно скоро, неся в руке пучок резко пахнувшей травы.

Сев обратно возле бесчувственного эльфа, он принялся жевать принесенное растение, одновременно распарывая оторванный рукав на лоскутки. Закончив и с тем и с другим, Малеммил как мог, прижал края раны, поместил разжеванную траву сверху и зафиксировал результат импровизированными бинтами.

Следующие три дня Малем носился с Никаниэлем, как насадка с цыпленком.

Ника лихорадило.

Его бросало то в жар, то в холод. Он метался в бреду и звал родных и близких. А в редкие минуты просветления молча смотрел в пустоту, не до конца понимая, где находится.

Малеммил нашел в лесу родник и перенес Ника поближе к источнику воды. Там же соорудил небольшой навес и развел костер, у которого грелся сами и который согревал больного принца, когда того знобило. Когда же температура повышалась — наоборот обтирал водой и обмахивал.

Еще Малем не оставлял попыток накормить товарища особыми целебными корешками, но у него ничего не получилось, а сделать из них отвар не представлялось возможным. Так что Малеммил просто время от времени поил Ника ключевой водой и молил богов о скорейшем выздоровлении товарища.

Наконец лихорадка спала, и бледный, измотанный болезнью, принц открыл глаза.

Сквозь крышу импровизированного навеса пробивались яркие лучи холодного осеннего солнца. Никаниэль лежал, укрытый одеялом из мха и лапника, под которым оказалось на удивление тепло и комфортно. Нос дразнил незнакомый аромат чего-то съестного, и давно не видевший еды желудок тут же отозвался недовольной трелью.

— Э-эй... — хриплым голосом позвал Ник и закашлялся.

На звук тут же подскочил Малеммил.

— Хвала богам, ты очнулся! — с облегчением воскликнул он. — Я уж боялся, что ты тут копыта отбросишь или вовсе в мерзость какую обратишься.

Никаниэль не без труда вспомнил последние события и хотел что-то спросить, но тут заметил в руке Малема сочную птичью голень, и его желудок вновь громогласно дал о себе знать.

— Сейчас. — тут же сориентировался Малеммил. — Я тут как раз фазана поймал. Ну и запек его в углях с кое-какими травками. Соли, правда, нет, но тут уж чем богаты.

Малем накормил Ника нежным, рассыпчатым, ароматным мясом и тот, наевшись, тут же забылся спокойным, сытым сном.

Еще неделя ушла на восстановление. Малеммил регулярно менял другу повязки, стирая их все в том же роднике и высушивая на ветках деревьев.

Оказалось, что Малем знал название чуть ли не каждой травинки в лесу и мог отыскать им применение, как в кулинарии, так и во врачевании.

Он объяснил это тем, что долгое время дружил с одним потомственным знахарем и многому у того научился. Даже порой помогал лечить пациентов, если случай оказывался не слишком сложным.

Правда, когда знахарь постарел, и его младший сын уже готовился сам обзавестись потомством, а у Малема до сих пор не появилось ни единого седого волоска, пожилой лекарь начал задавать вопросы, ответами на которые эльф поделиться не мог.

Раскрывать свою сущность не позволял строгий наказ отца. И тогда Малеммилу, скрепя сердце, пришлось покинуть то гостеприимное место, да и вообще он больше подолгу нигде не задерживался.

За свою короткую, по эльфийским меркам, жизнь он обошел почти всю Лионтию, пару раз вербовался наемником в разные отряды, поучаствовал в конфликте дварфов и драконидов, причем сперва за одну, а потом за другую сторону, ненадолго заглянул в пустыни варваров. Вот только под парусом ходить не довелось, но он надеялся, когда-нибудь прогуляться по раскачивающейся палубе пусть даже хлипкого рыболовного суденышка.

Разве что, для этого Малеммилу придется дойти аж до самого Коэльского океана, потому как в Северном море почти круглый год холодно. А холод, по его словам, неслучившийся знахарь любил так же сильно, как дварфы — бритву.

— Слушай. — обратился к Нику эльф в один из дней. Они недавно поужинали и уже собирались ложиться спать. Погода оказалась на удивление теплой, и высыпавшие на безоблачное небо яркие искорки располагали к душевной беседе. — Ты вот тут когда вяленной воблой валялся, неся какой-то бред... В общем, ты много разных имен называл...

Никаниэля прошиб холодный пот. Король в Эльфхейме не менялся уже больше пятисот лет, и Малем наверняка знал от отца как зовут правителя эльфов.

Если он случайно что-то выболтал...

— ... я всех не запомнил, да и языком ты ворочал слабо, но чаще всего ты звал каких-то Элен и Син-халат. Или как-то так. Это твои родные? Друзья? Если не хочешь, можешь послать меня в задницу кфхана и ничего не рассказывать, я не обижусь.

Но беглый принц понимал, что импульсивный, грубоватый бабник-эльф похоже действительно стал ему другом и решился раскрыть частичку правды.

— Син'Галад, а не Син-халат. Это мой лучший друг. Мы росли с ним вместе. Он много знает и это именно он посоветовал мне идти в Тику, чтобы найти там...

Никаниэль на секунду сбился. Он понятия не имел, как Малем отреагирует на подобное известие. Но, глубоко вдохнув, все же выпалил:

— Найти там некроманта и воскресить Элен — мою возлюбленную.

Ник ждал какой угодно реакции, но только не вопроса:

— А зачем тебе зомби возлюбленной? — заданного абсолютно невозмутимым тоном.

От неожиданности беглый принц перестал смотреть на звезды и повернулся, пытаясь в темноте разглядеть лицо своего нового друга.

— Нет, ты не понял. Некромант. Ужасный темный маг. Повелитель мертвых. Запретная магия, все такое. Ночной кошмар маленьких деток. — он попытался яснее донести свою мысль.

— Люди обычно маленьких деток серым волком пугают.

— Что? Почему волком?

— За бочок укусит.

— За какой бочок?

— Ну не знаю. За левый, наверное.

Никаниэль недоуменно пялился туда где, в темноте угадывался силуэт Малема. Слова у него закончились. Он даже призвал светляка посмотреть на друга, но не рассчитал силы и случайно наколдовал шар размером с приличную тыкву, осветивший половину леса.

— Эй-эй-эй! Жеванный крот! — заверещал Малеммил, закрыв лицо руками. — Я же так ослепну! Убери к кфхану это солнце!

— Прости, никак не могу привыкнуть, что заклинания стали сильнее. — извинился принц, развеивая магию. Перед глазами остался плавать яркий красный круг, какой бывает, если посмотреть на настоящее небесное светило.

Некоторое время лежали молча, но уже вскоре Малем не выдержал и расхохотался:

— Нет, ну ты бы видел свое лицо! Я наблюдал его всего секунду пока не ослеп, но это того стоило! Видел когда-нибудь как лошадь зевает? Очень похоже было.

— Иди ты в... Пантиок! — Ник махнул рукой, но в темноте Малеммил об этом даже не узнал. — Я с тобой серьезно, а ты...

— Так и я серьезно. По совету своего умного друга, Син-халата, ты едешь в Тику, чтобы найти некрманта, и тот воскресит твою невесту. Но я серьезно не понимаю, зачем тебе зомби-жена.

— А сам факт поиска некрманта тебя не смущает?

— Да не особо. — Малем пожал плечами. — Понимаешь, может в Эльфхейме еще и свежи воспоминания об Ужасной войне, но тут люди давно обо всем забыли. Некроманты стали такой же легендой как и, например, драконы. Вот ты боишься драконов?

Никаниэль немного замялся перед ответом.

— А они существуют?

— Во-о-от. — протянул Малем, ткнув пальцем в плечо товарища. — Нет, кто-нибудь впечатлительный на моем месте, может, и воскликнул бы «Что? Некроманта? Мать моя отец!». Ты ведь этого ждал? И, может, даже хлопнулся бы в обморок. Но мне, в целом, все равно. Я даже помогу тебе его найти. Все-таки ты уже дважды спас мне жизнь!

— Это еще кто кого спас...

— Нет, нет и еще раз нет! Если бы не твой чудо-меч мы бы оба сейчас валялись там обглоданными скелетами, или, еще хуже, стали бы такими же живыми трупами! — Малеммил лег на бок и пристально уставился на собеседника. — И ответь мне наконец — на кой кфхан тебе зомби возлюбленной?!

— Да не зомби! — подавшись эмоциям друга, прикрикнул Никаниэль. — А нормальная живая возлюбленная!

— Это как? — настала очередь Малема удивляться. — Я думал, так только светлые жрецы могут.

— Не могут. — недовольно пробурчал Ник, вспоминая тот грандиозный провал в храме Бьюнилирина. — Вернее могут, но только сразу после смерти. А могущественному

некроманту под силу полностью вернуть к жизни существо спустя... Цитирую слова Сина: «спустя любой срок после смерти, если тело еще не подверглось дыханию времени».

— Муть какая-то... — Малеммил задумчиво почесал голову. — Но, в любом случае, обещаю, мы найдем тебе некроманта и он сразу же вернет любовь всей твоей жизни!

— Ага. Причем бесплатно.

— Не переживай! Подержите мой хвост арбалетом, как любят говорить кендеры. Что-нибудь придумаем!

— Мне бы твою уверенность...

— Да бери! — хохотнул Малеммил. — Для хорошего друга ничего не жалко!

Где-то неподалеку, нарушив неугомонный стрекот ночных сверчков, глухо ухнул филин и, зашурав крыльями, улетел на охоту.

— Слушай, Малем. — помолчав, решил все-таки поинтересоваться Ник. — А ты с кем в итоге «того»? С зомби? Или с призраком?

— Да пошел ты знаешь куда? И это, значит, я еще извращенец!

Эльфы дружно расхохотались и продолжали смеяться, пока у Малема не началась икота. Ему даже пришлось пойти к роднику напиться, чтобы восстановить дыхание.

В ту ночь беглый принц засыпал довольный тем, что в его жизни появился первый, не связанный с ним по крови, настоящий друг.

И вот, спустя неделю, Никаниэль достаточно окреп, чтобы можно было, наконец, двигаться дальше. Рука еще окончательно не зажила, но и не мешала продолжать путешествие.

Из-за последнего происшествия друзья простились с остатками припасов и вещей, необходимых в дороге. Даже воду теперь вскипятить было не в чем.

Но самое обидное, конечно же, это потеря лошадей. Без них и добираться до Тики гораздо дольше, да и тащить весь скарб придется на своем горбу. Правда скарба, собственно, как такового, у них не осталось. Хорошо хоть монеты сохранить удалось — оба держали их всегда при себе.

Привычным движением беглый принц хотел поправить шляпу на голове, но рука наткнулась лишь на бандану.

Сослуживший отличную службу головной убор, канул в небытие в снях ведьминского дома. Никаниэль в очередной раз мысленно поблагодарил старика Нора за помощь. Шляпа была что надо!

Выйдя к заросшей тропе, эльфы помрачнели и насторожились. Примерно где-то тут совсем недавно им повстречалась милая девушка Мариша, оказавшаяся в итоге коварной нежитью.

— Слушай, давай все-таки сходим проверим. — обратился Ник к другу. — Ну мало ли?

— Да чтоб тебе всю жизнь морем пахло! Мы же уже сто раз обсудили. — закатил глаза Малем. — Проклятье висело на гуле, гуль сдох — проклятье тоже сдохло. Сдох зомби, сдох призрак, скелеты все сдохли и та неведомая хрень, сожравшая лошадей, тоже сгнула как радость при похмелье. Пойдем скорее найдем какой-нибудь городишко и, наконец, нормально поедим и выпьемся в мягкой постели. А не на еловых ветках. Да и по женским прелестям я как соскучился как моряк по дому. Все. Погнали.

Никаниэль не сдвинулся с места.

— Ты ведь не отстанешь, да? — с досадой в голосе уточнил Малеммил.

Ник молча покачал головой.

— Ладно. — смирившись с неизбежным, согласился Малем. — Идем. Но если тебя опять начнет жрать какая-нибудь гнилая страхолюдина, клянусь богами, я налью ей водички, чтобы она случайно не подавилась!

Остановившись перед самой тропой, эльфы переглянулись и, не сговариваясь, обнажили мечи. Глубоко вдохнув, они решительно сделали два шага вперед, пересекая невидимую черту, и... ничего не произошло.

Все так же светило холодное осеннее солнце, все так же зябкий ветерок лениво покачивал ветки деревьев, весело перекликались птицы, приветствуя неожиданных гостей.

Не ослабляя бдительности, осторожные борцы с нечистью медленно продвигались вглубь леса, вертя головами на все триста шестьдесят и остро реагируя на малейший лесной шорох.

К месту недавней битвы вышли абсолютно случайно и, причем, далеко не с первой попытки. Удивительно, но территория проклятого хутора выглядела почти как обычная лесная поляна, коих в любом уважающем себя лесу сплошь и рядом. А нашли ее лишь благодаря груде камней слишком правильной для такой чащобы формы, оставшейся на месте

колодца.

Именно ее и заметил зоркий взгляд Ника.

На поляну вышли со всей осторожностью. Держа мечи перед собой, эльфы медленно продвигались вглубь, готовые без раздумий вступить в бой с кем или угодно. Но Люминистилл не подавал никаких признаков жизни, как и какая бы то ни было нежить, если про нее вообще можно так сказать.

Хутор выглядел так, будто здесь прошло уже как минимум несколько веков. От зданий остались только заросшие мягким зеленым мхом холмики. И если бы не развалины колодца, то найти это место и вовсе не представлялось бы возможным.

Несколько успокоившись, молодые эльфы потыкали клинками во все, что, по их мнению, выглядело подозрительно, и подошли к месту где раньше стоял навес, послуживший последним пристанищем для их лошадей.

Разбросав мох, они с удивлением обнаружили лишь несколько крупных костей, да насквозь проржавевшие остатки котелка, который принц вез с собой аж от самого Бьюнилина. Больше ничего не уцелело.

— Покойтесь с миром, Фавор, Одуванчик. — прошептал Малеммил, забрасывая обратно мхом небольшой курган. — Ну, теперь твоя душенька довольна? — обратился он уже к Нику.

— Не совсем. — ответил Никаниэль, нахмутив брови и оглядываясь.

— Что на этот раз?

— Да вот хочу... — и, не договорив, отправился в лес за хворостом.

Вздыхнув, Малем присоединился к другу.

Натаскав из чащи веток и сухих поваленных деревьев, они сложили и развели по погребальному костру поперек каждого места, где раньше стояли дома и другие постройки. Особое внимание уделили сараю, откуда в тот злополучный день вылезла целая армия скелетов.

На очищение огнем ушло полдня. Когда погасли последние язычки пламени, Малеммил повернулся к Нику и, скрестив руки на груди, поинтересовался:

— Теперь все? Или, может, нужно еще спеть? Станцевать? Провести какой-нибудь обряд тризны полосатых орков южных долин?

— На самом деле можно еще...

— Аргх! — взревел Малем и принялся выталкивать принца с уже совсем не страшной лесной поляны. А тот, в общем, и не сопротивлялся. Ему просто понравилось подтрунивать над своим новым другом.

Из леса вышли только к вечеру.

Он как-то внезапно оборвался, и перед эльфами предстало широкое живописное поле, на котором то тут то там стояли высокие стога скошенного сена. А вот в соседнем орешнике кто-то оживленно шептался.

«Ну что еще на этот раз?» — мысленно взмолился Никаниэль, готовый уже отбиваться от бандитов, сражаться с нежитью или срочно кого-то спасать.

Но Малем вдруг приложил указательный палец к губам, подмигнул другу и тихонько, на цыпочках подкрался к кустам. Шепот так и не прекратился — его не заметили. Тогда он запрыгнул прямо внутрь и заорал:

— Ага! Попались, голозадые?

Из орешника тут же высыпалась стайка ребяташек и с криками:

— А-а-а! Чудовища! — сверкая пятками, помчались к видневшейся вдалеке деревеньке.

Эльфы рефлексивно проверили банданы — те оказались на месте.

— Ну и зачем ты это сделал? — поинтересовался принц у недоуменно чесавшего репу друга.

— Да думал там запретные страсти у кого-то. — виновато развел руками Малем. — Пошутить хотел, поднять настроение... во всяком случае нам.

— Мда. — Никаниэль смерил спутника таким взглядом, что кто-то менее стойким сгорел бы со стыда, не сходя с места. Но вульгарный эльф и бровью не повел. — Кто о чем, а бабник о страсти.

— Как будто бы ты о чем-то другом подумал.

— О чем подумал я — не важно. Важно — что подумали эти дети. И что они расскажут родителям, когда доберутся до дома.

Беглый принц скрестил на груди руки и тарабанил по плечу пальцами.

— Ой, спорим, они в штаны напрудят и вообще ничего не расскажут? — беззаботно протянул руку Малеммил.

— А спорим! — Ник, уже побывавший в похожей ситуации, крепко сжал протянутую ладонь.

— Когда я выиграю, будешь неделю называть меня «Господин Малеммил» и каждый раз кланяться, будто я благородный аристократ.

— *Если.* — поправил его Никаниэль. — А если выиграю я, и нас захотят убить, едва увидев, то ты в этой деревне ни на одну девушку, девочку, женщину и даже бабушку не посмеешь положить свой похотливый... глаз. Да и вообще будешь вести себя как пожилой евнух.

— Суро-ово! — взвыл Малем.

— Струсил, Господин Малеммил?

— Да ни в жизнь!

Крепко пожав друг другу руки, эльфы быстрым шагом двинулись вслед за детьми.

Все-таки по меркам своей расы они оба были еще весьма молоды и не растеряли весь задор беспечной юности. Так что каждому не терпелось поскорее узнать кто же выиграл в этом незатейливом споре.

— Кфхан! Ну как так-то? — Малем разочарованно рассматривал окружившую их с Ником толпу крестьян. В основном люди вышли с вилами и косами — видимо взяли первое, что попало под руку. В их лицах читался страх, но и решимость защищать родных и близких там тоже присутствовала.

— А ну цыц! — шикнул на друга Никаниэль. — Говорить я буду.

Не хватало еще, чтобы импульсивный эльф отколол очередную идиотскую шутку. Ситуация и так непростая.

Дело в том, что едва приблизившись к деревне, оказавшейся значительно больше, чем тот же самый Габильнут, молодых эльфов окружила толпа вооруженных людей, набросившихся на них со всех сторон. Друзья тут же подняли ладони вверх, демонстрируя мирные намеренья. Но только решительный оклик женщины с волевым лицом спас их от очередного кровавого недопонимания.

— Вы кто такие? Откуда и зачем пришли? — интонации ее голоса напомнили Нику учителя по фехтованию из школы меча и магии. Только то был опытный вояка, не один век проливавший кровь в постоянных битвах с орками. Тут же перед беглым принцем стояла обычная человеческая женщина. Иней седины еще не коснулся ее волос, но и пора молодости уже ушла в закат.

В руках она, наравне с мужчинами, сжимала четырехзубые вилы. Покатый лоб, густые брови цвета зрелой пшеницы, выступающие желваки — все в ней выдавало сильную, волевою личность. Русые волосы, заплетенные в толстую косу, лежали на спине, и скромно укрывались чистой, белой косынкой в красный горошек. Длинный теплый сарафан до самой земли надежно прятал ноги и не позволял рассмотреть обувь.

— Мы — простые путники. — максимально миролюбивым тоном отвечал Никаниэль. — Путешествуем из страны в страну в поисках своего места. Специально вашу деревню мы не искали, но раз уж мы здесь, то не отказались бы купить припасов и других полезных вещей в дорогу.

— Что-то не сильно похожи вы на странников. — подозрительно прищурилась женщина. — Где ваши сумки, одежда? Налегке путешествуете? И не из проклятого ли леса вы вышли? — костяшки ее пальцев побелели от напряжения.

— Из леса, из леса. И, скорей всего, из проклятого. — чуть задумавшись, ответил Ник. — В нем мы почти все что было и потеряли. Еле ноги унесли.

Толпа вокруг крепче перехватила оружие и решительно пододвинулась чуть вперед.

— А известно ли тебе, юноша, что из этого леса уже кфхан знает сколько лет живым никто не возвращался? Поганые твари в нем живут и жрут всех, кто посмеет к ним приблизиться. А ты говоришь, тебя не тронули?

— Да мы ваших чудовищ так встретили, что от них и мокрого места не осталось! — не выдержав, вмешался Малем. — Хотите — сами проверьте.

Услышав подобное, по толпе крестьян прокатился гул недоверия.

— Да врут они все!

— Кончать их надо!

— Да это же дезертиры!

— Не! Они и есть чудища!оборотни! На вилы их!

— Ночь скоро! — роптали люди.

Никаниэль недовольно пихнул друга в бок, чтобы тот больше не вмешивался.

— Тихо! — перекричала их всех женщина. — Сейчас проверим.

Она достала из-за пояса полоску серебра и кинула под ноги принцу:

— Дотронься.

Медленно наклонившись, Никаниэль взял в руки блестящий кусок металла и поднял его над головой, чтобы все видели. Потом прислонил к ладони Малема и даже потыкал ему в лицо, в отместку за несвоевременное вмешательство. Закончив несложные манипуляции, он протянул серебро обратно женщине.

Та осторожно, с опаской, не опуская вил, приблизилась и, на секунду задержав руку на ладони принца, отскочила обратно.

— Теплый! Он теплый! — крикнула крестьянка. — И серебро держал.

— Ну и что?! — раздалось из толпы. — А я все равно не верю!

— Ладно, последняя проверка. — уже спокойнее сказала женщина. — Прадед моего прадеда рассказывал, что в лесу, в небольшом хуторе жила ведьма со своей семьей. И однажды через тот лес ехал некромант...

Никаниэль наострил уши.

— ... ведьма попыталась отравить темного мага, но ей не удалось. Тогда тот прикончил ее и всех ее родственников, а после обратил в чудовищ и оставил вечно гнить в проклятом лесу. Так вот, если вы действительно одолели этих монстров, то вас не затруднит ответить: в чем была особенность той ведьмы?

«Отратно готовила?» — первое, что пришло в голову Нику.

Родинки на правой щеке? Хотя, вряд ли это кто-то из сестер.

На самом деле беглый принц смутно помнил недавние события из-за отравления испорченной пищей и зараженной раны на руке.

Рядом бешено вращал глазами Малем, явно желая что-то сказать, но сейчас было не до него.

Может бабка?

Кто как не бабка лучше всех подходит на роль подлой ведьмы. В кого там она превратилась? Но, с другой стороны все закончилось после убийства гуля...

Внезапно Никаниэля осенило.

— Она была слепой! — выпалил он.

По толпе пронесся полный удивления вздох. Вздох сменился гулом одобрения и, наконец, радостными криками.

— Это правда!

— Чудовища мертвы!

— Проклятье снято! — кричали со всех сторон люди.

Побросав вилы и косы, крестьяне принялись обнимать друг друга, поздравляя с избавлением от страшной угрозы, рядом с которой приходилось жить поколение за поколением. После этого они практически набросились на своих избавителей и на руках понесли их в деревню.

Радостные жители устроили настоящий праздник.

На главную (и единственную) площадь вынесли несколько столов, состыковав их в один большой, накрыли белоснежными скатертями, развели огромный костер. Женщины метали на стол еду, будто бы соревнуясь кто интереснее использует небогатый ассортимент

продуктов и сварганит лучшее угощение.

Мужчины прирезали хряка и теперь насаживали его на гигантский вертел. Самые умелые играли на музыкальных инструментах. Повсюду носилась детвора, которую освободили от обычных обязанностей.

Почетных гостей усадили во главе стола и попросили подождать пока закончат с приготовлениями. А пока перед ними поставили кувшин браги и корзинку с местными фруктами.

— Кфхан всемогущий, да ты дипломат! — восхищался Малеммил, за обе щеки уплетая сочную грушу и запивая ее хмельным напитком. — Я прямо поражаюсь твоему хладнокровию. На твоём месте я бы уже сто раз не выдержал и объяснялся бы с ними доходчиво.

— И был бы убит. Что, собственно, чуть и не случилось из-за чьего-то длинного языка.

— Ну все, все. — поднял руки Малем, изображая, что сдаётся. — Отныне все переговоры на тебе.

— Дядя. — маленькая девочка лет пяти подергала Ника за штанину, привлекая внимание. — А там правда жили чудовища?

Рядом с героями стояли семеро детей, убежавших сегодня из орешника. Малышка оказалась самой младшей из всех. Остальным было примерно от семи до одиннадцати. Чуть поодаль держалась остальная ребятня, живущая в деревне. Но всех их объединяло одно — широко распахнутые, полные любопытства глаза, которыми они жадно рассматривали гостей.

Никаниэль молча кивнул.

— Я же говорила! — высокая девочка с косичками отвесила подзатыльник, стоявшему рядом парню. — А ты: «Да они давно вымерли», «Это все сказки», «Испытание храбрости» Сейчас глодали бы наши косточки!

— А они страшные были? — спросил другой мальчик.

Беглый принц снова кивнул.

— А как вы их победили? — тут же поинтересовался ещё один.

Тут, не сдержавшись, в разговор ворвался Малем.

— Они наступали на нас со всех сторон! Бежать было некуда! Они такие «У-у-у-у», а мы такие «А-а-а-а». — принялся в красках рассказывать эльф. — Я боролся, как волк! Скелеты и зомби разлетались во все стороны, и никто не мог до меня добраться! Ник тоже не отставал...

Дети застыли в восхищении. Затаив дыхание, они жадно ловили каждое слово. Глаза их горели огнем, и они ярко представляли все, что описывал Малем.

— ... мы положили уже, наверное, целую сотню! Я, конечно, больше. Но силы начали покидать нас, а чудовища все прибывали! И тут я крикнул «Никанор! Вали вон ту страшилую! Она главная!» И тут мой друг, разбежавшись, в прыжке снес монстряке голову! И все остальные уродцы тут же расплакались и полопались, как пузыри из носа. А ещё главное чудовище перед смертью успело поранить моего друга. Хотите посмотреть?

— Хотим! Хотим! — загомонили дети, дружной толпой окружив эльфов.

— Вот! — Малем поднял вверх забинтованную руку Ника с такой гордостью, будто это его самого ранили.

— Ух ты-ы! — восхищенным шепотом пронеслось по рядам.

— В общем, теперь можете смело ходить в лес и ничего не бояться! — закончил свою

историю Малеммил.

Не сговариваясь, дети бросились обнимать героев. Они налетели как саранча на кукурузу, и Никаниэль вновь растерялся, как тогда с внуком сапожника. Он бросил взгляд на Малема — тот весело смеялся и гладил ребятню по головам. Тогда и принц тоже погладил нескольких.

— А ты ловко обращаешься с детьми. — замаскировав таким образом вопрос, сообщил Ник другу, когда малышня, радостно гомоня, убежала играть в монстров и воинов.

— Что? — не понял Малеммил. — А чего с ними обращаться? Они смешные, с ними весело. Я люблю детей. Знаешь, у них такой чистый взгляд, будто смотришь прямо в небо, а там ни облачка. Будто... А, ладно.

Он махнул рукой и налил себе еще выпивки, а Никаниэль увидел его с абсолютно новой стороны.

По окончании приготовлений, столы буквально ломились от всевозможных яств. Их даже пришлось ставить вторым этажом, потому что иначе места для тарелок, блюд, мисок и разнообразных подносов уже не хватало.

Жители деревни расселись по лавкам, и слово взяла все та же решительная женщина, оказавшаяся старостой по имени Инга. Она встала со своего места около Никаниэля и, подняв вверх кружку с вином, призвала народ к тишине.

— Друзья! Сегодня, наконец, у меня радостные вести! — начала она торжественным тоном. — Много лет наша деревня жила в страхе перед проклятым лесом. Мы боялись выходить из дома по ночам, не отпускали от себя детей. Нам даже приходилось в объезд добираться до Гисты, тратя лишнюю неделю на дорогу. — женщина сделала небольшую паузу, собираясь с мыслями. — Не раз мы просили тех редких несчастных, кому удалось забрести в наш край, сообщить королю о клятых мертвецах и тварях, но ему, видимо, нет дела. Но сегодня! Сегодня я с радостью сообщаю вам, что наши беды остались в прошлом!

Послышался одобрителный гул.

— Эти отважные путники, Никанор и Малеммил, одолели чудовищ, и мы снова можем спать спокойно! Вы знаете, я не сильна речи говорить, поэтому давайте просто поблагодарим их и будем праздновать!

— Спа-си-бо! — дружно скандировали жители деревни. — Спа-си-бо!

Инга залпом осушила свою кружку и вернулась на место. Но практически тут же вскочила и воскликнула:

— Но не забывайте, что завтрашние работы никто не отменял!

Дружный хохот жителей деревни ознаменовал начало праздника.

Никаниэль не раз бывал на различных торжествах. Дни рождений, первый день весны, священные недели различных богов. Однажды даже посетил свадьбу — весьма редкое событие в придворных кругах Эльфхейма.

Но все те празднества и рядом не стояли по размаху и душевности с внезапной гулянкой в этой небольшой деревне. Обычно эльфы долго поздравляли друг друга или виновника торжества, произнося длинные, заранее заготовленные речи, потом чинно дегустировали поданные к столу блюда, и позже расходились небольшими группами, ведя неспешные вежливые беседы.

Тут же, веселье едва ли не сходу набрало такие обороты, какие и не снились эльфийскому принцу.

Люди добродушно шутили, передавали друг другу тарелки с едой, до которой не могли дотянуться сами, громко смеялись, пели, пили брагу и кумыс, как будто им наливали последний раз в жизни. Причем Малем явно чувствовал себя на одной волне со всеми и ни в чем не отставал от людей.

И удивляться тут не чему. Ведь он всю жизнь провел в их обществе.

А вот Нику было не то, чтобы некомфортно, — общая атмосфера действовала на него весьма заразительно, — скорее он настолько привык к эльфийской чванливости и холодности, что ему оказалось трудно вести себя по-другому.

Тем не менее, Никаниэль с удовольствием попробовал несколько простых, но разнообразных блюд и даже пригубил редкой медовухи, оказавшейся весьма сладкой и со

стойким привкусом полевых цветов.

Когда с первым аппетитом было покончено, а хмель теплыми волнами расплывался по телу, беглый принц наклонился к старосте и задал очень важный для него вопрос:

— Уважаемая Инга...

— Можно просто Инга. Мы люди простые.

— Инга, — не стал спорить Никаниэль, — в истории про ведьму, вы упоминали некоего некроманта. — он сделал паузу, наблюдая за реакцией женщины, но та продолжала спокойно слушать. Судя по всему, Малем оказался прав и людям действительно не было дела до ужасных повелителей смерти. — Не могли бы вы рассказать про него чуть подробнее... Кто он? Куда и откуда шел? Ну и так далее.

— Никанор, мне очень приятно, что ты так заинтересовался историей нашей деревни, но, к сожалению, про того колдуна в ней почти ничего нет. Знаю лишь, что он явился откуда-то с Северного моря и шел, вроде как, на юг. А еще, — Инга заозиралась по сторонам, словно их мог кто-то подслушать, — что силы у него было намеренно... Дед говорил — охотились за ним, как за дичью.

— А вы не боитесь некромантов? — поинтересовался Ник скорее из чистого любопытства. — Вы так спокойно о нем рассказываете.

— А чего же их бояться? — женщина равнодушно пожала плечами. — Все знают, что за звонкую монету они и помочь могут. Нечисть всякую изгоняют, покойников разбушевавшихся упокоивают, призраков. Могут и проклясть конечно, но так не надо им досаждать и все хорошо будет. — Инга ласково потрепала по волосам подбежавшую к ней девочку. Та немного постояла, глаза на гостя и со смехом умчалась к другим детям. — Да вот только не видел их никто уже много лет. Может и выручил бы нас кто из их братии, если бы мимо проходил. А так спасибо вам еще раз, странники! — староста благодарно поклонилась. — Совсем забыла, я ведь слышала, тебя в том бою ранили. Загляни утром к нашему знахарю. Порой и он чудеса творит.

— Обязательно загляну. — пообещал Никаниэль. — Спасибо, Инга.

Беглый принц ни как не ожидал встретить столь непринужденный взгляд на некромантию. С одной стороны, все, конечно, верно. Но с другой — подобное отношение к повелителям смерти бытовало лишь до Ужасной войны. А после ее окончания эту ветвь магии строжайше запретили по всей Леонтии, равно как и в Эльфхейме. Это он совершенно точно знал из занятий в школе меча и магии.

Как такое могло случиться? Тут Нику точно никто рассказать бы не смог. Впрочем, подобные веяния были ему лишь на руку.

Ближе к первым звездам люди начали постепенно расходиться по домам и лишь самые стойкие или недаленовидные продолжали праздновать. Неподалеку от эльфов образовалась стайка молодых девушек того возраста, когда им уже положено ходить на глядки. Они весело хихикали, постреливая глазками в сторону сегодняшних героев, но подойти не решались.

Вот от их компашки отделились две самые красивые, и от того отважные, прелестницы. Они встали с двух сторон от друзей и представились.

Уже весьма пьяный Малеммил тут же завел со своей оживленную беседу, но Никаниэль громко прокашлялся, привлекая внимание друга. А когда тот повернулся, многозначительно посмотрел ему прямо в глаза.

Ужас осознания, с ноги выбив деверь, ворвался во взгляд Малема. Он тут же вспомнил о недавнем споре и что должен был делать в случае поражения. А Малем, несомненно,

проиграл. Несколько глотков вина позволили Нику вести себя чуть раскованнее, и он демонстративно приобнял стоявшую рядом девушку.

Вся скорбь почти полностью уничтоженной расы гоблинов отразилась на лице Малеммила. С огромной неохотой он прошептал что-то «своей» подруге, и та, влепив напоследок звонкую пощечину, гордо удалилась. После этого несчастный эльф с завистью посмотрел на друга. Казалось вот-вот, и он расплачется.

Не став больше мучить Малема, беглый принц извинился перед успевшей возомнить себя замужем девушкой, и, сказав что у него уже есть невеста, отпустил.

— Ну если передумаешь, путник, то я тебя дождусь. — томно подмигнув, барышня удалилась, старательно виляя бантиком чуть пониже поясницы.

Малеммил подсел к Нику, налил себе полную кружку браги и сразу же ее ополовинил.

— Ну что ты за эльф такой? — горестно стенал он. — Ни себе ни другим. Ну что тебе стоило передумать, а? Ну ты глянь какие милашки!

Малем жадно допил допил, отбросил в сторону кружку и подтянул к себе весь кувшин. Похоже горе эльф решил буквально утопить в хмелю.

— Прости, Малем, но меня с детства учили, что мужчина должен держать слово, а приняв решение, твердо следовать ему, что бы не случилось. — тут Ник даже не соврал. Ведь именно так и твердил отец, наставляя на путь достойного лидера своему народу.

— Не, ну так-то верно, конечно... — Малеммил залпом приговорил совсем не маленький кувшин, громко стукнул им по столу и, икнув, продолжил, тыча другу в грудь пальцем. — Завтра же отсюда сваливаем. Зав-тра-же! Еще одну ночь я тут не выдержу! Понял? Иначе послезавтра проснусь под огромным шатром вместо одеяла. А если оно вспыхнет? А если вся деревня сгорит? Ты об этом подумал? Я умру и стану призраком! И буду преследовать тебя до конца твоих дней, и даже клятый волшебный меч тебе не может.

Но Ник и так не собирался задерживаться. Заглянуть к местному знахарю, прикупить все, что нужно в дороге — и можно выдвигаться. Элен сама себя не воскресит.

Малем и дальше нес веселую чушь в том же духе, Никаниэль же встал из-за стола и задумался, у кого бы спросить про ночлег. Будто прочитав мысли принца, к нему подскочил сонный паренек и, потирая кулаком глаза, объявил:

— Меня к вам староста отправила. Она просит прощения, что забыла показать, где вы сможете отдохнуть. — мальчик махнул рукой, показывая следовать за ним. — Пойдемте, я отведу.

Взвалив на плечо захмелевшего друга, который все продолжал что-то невнятно булькать, беглый принц отправился следом за провожатым. Каждый встреченный по дороге человек радостно приветствовал спасителей и лез с пьяными объятьями, так что путь до ночлега слегка затянулся.

Вскоре ребенок привел их к небольшому деревянному срубу с тремя маленькими окнами: одним чуть побольше, затянутым бычьим пузырем вместо привычного принцу стекла и двумя совсем крохотными, волоковыми, закрывающимися изнутри задвижкой — волоком.

Мальчишка убежал, а Ник затащил Малеммила внутрь. Судя по всему, в доме кто-то жил, но на эту ночь они ушли, уступив жилище спасителям. Дом заранее протопили, и в нем оказалось тепло и уютно.

Найдя спальное место, уставший эльф уложил друга и улегся сам, накрывшись одеялом.

Перед тем как заснуть он успел подумать о том, что время от времени все-таки приятно

спать в кровати, а не на еловых иголках. Но Малему об этом знать не обязательно.

Утром, когда Никаниэль уже проснулся свежим и отдохнувшим, Малеммил, сладко причмокивая, еще крепко спал. Беглый принц решил не будить уютно укутавшегося в теплое одеяло друга.

Потянувшись, он тихонько вышел в соседнюю комнату, где на столе его уже ждал завтрак, заботливо прикрытый тонкой, невесомой тканью, — чтобы не завертелось и мухи не затоптали.

Втянув носом манящий аромат любезно приготовленной пищи, Ник решил слегка повременить с трапезой и, облачившись в найденную тут же свежую одежду, вышел наружу.

Стояло раннее утро, но в деревне, похоже, спал один только Малем. Несмотря на вчерашний праздник, с которого гости ушли далеко не последними, жители уже во всю занимались своими обычными делами. Кто-то вел пастись коров, другие кололи дрова, а молодые девушки, натаскав воды из колодца, затеяли стирку.

Маленький, босой мальчик, жалобно крича и плача, убегал от страшнейшей грозы всех деревенских детей — гуся. Злобная птица громко шипела, хлопала крыльями и пыталась ущипнуть ребенка, но ее прямо на бегу поймала храбрая девочка в застиранном сером платье с заплатками. Она держала злодея за шею и смешно отчитывала, грозя пальцем.

Улыбнувшись этой трогательной сцене, Никаниэль, чтобы никому не мешать, завернул за угол дома и посвятил полчаса зарядке и медитации. Вооруженный знаниями, полученными от нового друга, беглый принц с гораздо большим энтузиазмом приступил к работе над магическими каналами. Ведь теперь точно он знал, что в дали от волшебных лесов Эльфхейма его тренировки стали во много раз эффективнее.

Когда эльф вернулся в дом, Малем еще дрых. Посчитав это непростительной наглостью, он решил разыграть соню. Сперва принц хотел просто громко крикнуть, но тут же отказался от этой идеи. Он придумал более забавный способ.

Взяв с полки большое гусиное перо, Ник тихонько сел на корточки возле спящего и медленно провел находкой по щеке засони от виска до подбородка. Ничего не подозревавшая жертва блаженно улыбнулась во сне. Ник повторил процедуру. Малеммил слегка покрутил головой, вытянул губы трубочкой, будто собираясь кого-то поцеловать и, наконец, открыл глаза.

Увидев выражение его лица, Никаниэль не удержался и разразился безудержным смехом.

— Завтрак ждет. — выдавил из себя принц, еле сдерживая веселье, и ушел к столу. За его спиной Малем ругался, давая фору пьяному троллю и грозился всеми возможными карами. Кажется, даже изобрел парочку новых.

— Ни секунды больше не хочу торчать в этой деревне! — обиженно выдал Малеммил, смачно рыгнув после завтрака. — Особенно с такими шуточками. Ты хоть знаешь что мне снилось? Вернее кто. Ты, вредитель! Все. Собирайся, мы уходим.

— Да подожди ты. — осадил друга принц. — Я хотел еще к знахарю местному заглянуть. Инга рекомендовала. И ты забыл, что «собирать» нам, в общем-то, нечего?

— Тогда топай к знахарю, а я пойду прибарахлюсь. — Малеммил вытер лицо салфеткой. — Надеюсь у них найдется розовый плащ. Тебе возьму.

Обиженно надув губы, эльф встал из-за стола, но тут в дверь негромко постучали.

— Кого там еще. — недовольно пробурчал Малем.

— Войдите! — крикнул Ник, вставая рядом с другом.

Скрипнули половицы, и в помещение вошел опрятно одетый, седовласый старичок. Владелец аккуратной, тщательно ухоженной, белоснежной бороды, едва достигавшей груди, добрых серых глаз с сетью морщин вокруг и смешных оттопыренных ушей.

С собой визитер принес смесь запахов лекарственных трав и химических ингредиентов, доносившихся из небольшой плетеной корзины в его руках.

Но самым удивительным оказался его рост — молодым эльфам он едва доставал до пояса.

— Чего уставился, молодой человек? — беззлобно спросил коротышка, деловито расставляя на столе какие-то сверточки, баночки и склянки с неизвестным содержимым. Для чего ему пришлось забраться с ногами на лавку. — Никогда гномов не видел?

Никаниэль впервые видел представителя столь колоритной расы и, позабыв все манеры, с любопытством разглядывал дедушку. Гномы способны прожить максимум лет сто пятьдесят, и этот, похоже, первую сотню уже разменял. Но, тем не менее, движения его рук все еще сохранили точность и профессиональную тщательность.

— Доброе утро, уважаемый. — любезно поздоровался Малем. Судя по всему, в отличие от друга, гномов он уже встречал. — А вы, собственно, кто?

— Фланко Боффианд, местный знахарь, к вашим услугам. — старичок вежливо поклонился. Даже стоя ногами на лавке, он все еще был ниже обоих эльфов. — Можете не представляться. Никанор и Малеммил — герои, избавившие деревню от ужасного соседства. Все только о вас и треплется. Инга сказала, что кого-то из вас задело чудовище, и вы ко мне загляните, но я, уж простите, не дождался. — гном требовательно протянул ладонь к поврежденной руке. — Показывайте.

Слегка ошавев от напора коротышки, Никаниэль молча продемонстрировал забинтованное предплечье. Затем, следуя указаниям знахаря, опустился напротив и положил предмет интереса перед лекарем. Гном осторожно размотал тряпки, и свету явилась почти зажившая рана в виде символа, соединившегося линиями в «Е» с тремя более длинными линиями. Покрытая коркой засохшей крови, она все еще напоминала о недавней схватке.

Старичок мозолистыми пальцами аккуратно ощупал кожу вокруг, понюхал и, судя по всему, остался весьма удовлетворен осмотром.

— Тахульник переплетенный? — спросил он, поливая руку бесцветной жидкостью из маленького треугольного флакона, от чего вся рана покрылась пеной и зашипела. Больно не было, только зудело нещадно. Удивленный принц потянулся было уже почесать, но тут же получил неожиданно увесистый шлепок по здоровой руке. — Не трогай.

— Да, Тахульник. Повезло найти там в лесу неподалеку. — с готовностью ответил Малеммил. Видя мастерство знахаря, он тут же забыл о своем плохом настроении и с интересом наблюдал за процессом.

— Надеюсь ты его тщательно растолок и замочил перед использованием? — спросил гном, аккуратно чистой тряпкой снимая с руки пену. Оказывается, она растворила засохшую кровь, и под ней все трое увидели нежную, розовую кожу, затянувшую порезы.

— Не было времени. — пожал плечами эльф. — Так что я его просто разжевал.

Лекарь бросил удивленный взгляд на Малема.

— Неожиданное решение. Откуда такие познания в травологии? — Фланко развязал небольшой мешочек и достал из него горсть какого-то желтого порошка и посыпал им

рану. — Через пару дней будет как новая. — пообещал он, заматывая руку бинтами, а не разрезанным на лоскуты рукавом.

По завершению процедур у пожилого лекаря с Малеммилом завязалась оживленная дискуссия на тему применения разнообразных растений в полевой медицине, из которой, далекий от врачебной темы Ник, понимал разве что только предлоги да междометия. Поэтому, не желая мешать, он тихонько покинул дом и отправился искать старосту.

Нашлась она пусть и не без труда, но достаточно быстро. Дорогу подсказал первый же попавшийся мужчина, тащивший в каждой руке по ведру с опилками. Инга была занята. Она тщательно терла жесткой щеткой здоровенного, черного как безлунная ночь быка. Увидев одного из героев, староста отложила непростое занятие и с улыбкой поинтересовалась хорошо ли гостям спалось.

Узнав, что те хотят уже сегодня покинуть деревню, женщина не смогла скрыть разочарования и попыталась уговорить Ника остаться хотя бы еще на один день. Но тот твердо стоял на своем и заодно спросил можно ли у них купить все необходимое в дорогу и заодно пару лошадей с седлами.

Инга наотрез отказалась брать монеты у тех, кто избавил лес от грозного проклятия и пообещала достать все что нужно к полудню. Вот только с лошадьми вышло не так просто, как еще недавно казалось воспитаннику пышного дворца и сотни слуг. Оказалось, что для работы на полях здешние использовали быков, и ни одной, даже самой захудалой клячи в деревне не найти.

— Но там, дальше по дороге, — староста махнула рукой на юг. — В трех днях пути, лошади точно есть. Если повезет — они вам продадут. Может даже со скидкой, если прогуляете.

Поблагодарив, Никаниэль не стал больше отвлекать женщину и вернулся к дому. Он как раз застал сцену прощания Малема с гномом. Они несколько раз тепло обнялись как старые знакомые и пообещали друг другу не забывать заветов Аракая — бога жизни и покровителя врачей и врачевания. А еще Фланко, похоже, оставил в подарок все содержимое принесенной с собой корзинки.

«Ну наконец хоть какая-то польза от его длинного языка». — подумал беглый принц, улыбнувшись.

К обеду все необходимое для путешествия по королевствам действительно было собрано. Даже больше. Получилось две объемных сумки, каждая килограмм по двадцать весом.

Теперь без лошадей точно не обойтись. Тащить все это на себе — проще сразу из лука застрелиться. В любом случае им было по пути. Эльфы и так на юг шли.

Тепло попрощавшись с жителями деревни, друзья закинули поклажу за спины и продолжили свой путь в Тику.

Прощальные возгласы благодарных жителей давно стихли, да и сама деревня готовилась вот-вот скрыться вдаль и теплым пятном остаться в памяти одиноких путников.

Друзья весело перешучивались, строя всевозможные догадки на тему, чего же такого умудрилась натолкать Инга в дорожные сумки. Не иначе как пару поросят или бюст одного из богов, вырезанный из камня.

Зябкий осенний ветерок всколыхнул успевшую вырасти после покоса траву и принес теплый аромат сена и легкий запах луговых цветов. Мелкие птички буднично чирикали, перелетая с места на место и завершая последние приготовления перед наступлением холодов. Выскочившая на дорогу мышь встала на задние лапки, смешно склонив голову набок. Немного понаблюдав за странниками, она умыла мордочку и, вильнув хвостом, юркнула обратно в нору.

Неожиданно до молодых эльфов донесся протяжный женский визг, сменившийся многоголосным рычанием и животными криками. Такими, которые не спутаешь с детскими играми или взрослыми забавами.

Переглянувшись, друзья, не произнося ни слова, бросили посреди дороги поклажу и помчались назад в деревню.

На ходу Никаниэль пытался понять, что за напасть постигла жителей. Ведь с проклятием леса покончено, а становившееся все громче рычание не могло принадлежать ни одному из известных принцу зверей.

Не сбавляя темпа, он один за другим заготовил три основных магических щита. Прямо на бегу Ник возводил перед мысленным взором линии необходимых плетений и щедро напитывал их силой, черпая ту из окружающего пространства. Волшебные узоры горячими точками застыли в уголке сознания в ожидании ключ-слова, способного воплотить заготовки в реальность.

Картина, представшая перед запыхавшимися эльфами не могла привидеться им и в страшном сне. Меньше часа назад они оставили это гостеприимное место и добрых жителей, махавшим им в след, а теперь...

Повсюду на земле в хаотичной мозаике смерти валялись растерзанные тела ни в чем не повинных людей. Головы, вырванные с кусками белесых хрящей и костей; конечности, изогнутые под тошнотворными углами; алые нити и багряные комья плоти, в которых угадывались кишки и прочие внутренности — гирляндами из детского кошмара свисали с дымившихся заборов. А еще кровь. Так много крови...

На месте вчерашнего пиршества подобно мосту перекинутому через реку валялся изуродованный труп женщины. Молодая мать пыталась собственным телом прикрыть маленького мальчика, но ей этого так и не удалось.

Они погибли вместе.

Из каждой щели, из-за каждого угла доносились протяжные вопли раненных и умирающих.

В памяти Никаниэля громом ударил такой же животный крик женщины, заживо съедаемой пламенем. Он так старался забыть его, вытеснить из памяти, навсегда вычеркнуть из серой страницы книги жизни. Но он раскаленной кочергой, вонзившейся в мозг, вернулся к принцу, напомнив о безуспешной попытке спасти невинную женщину.

Из-за угла дома послышались возгласы Инги, пытавшейся организовать сопротивление. — Сюда! Все сюда! — надрывалась она, стараясь перекричать вопли умирающих.

Кто-то еще уцелел!

Не раздумывая ни секунды, Никаниэль рванул на звук и застал небольшую группу селян сгрудившихся у стены и, ошестинившись вилами, отбивавшихся от кошмарных тварей, прыгавших на добычу со всех сторон.

Размером с упитанную овцу, чудовища обладали шестью короткими, заканчивающимися лезвиями кос, лапами; маленькими прямыми хвостами и бесчисленным множеством мутно-желтых глаз на стебельках-ножках, вращавшихся во все стороны. Гладкая фиолетовая кожа монстров кишела куцыми извивающимися отростками, похожими на дождевых червей, ввинчивающихся в тело.

Но опасней всего выглядели широкие, как бадья, пасти оскаленные несколькими рядами желтых клыков, каждый длиной с две мужские ладони. Как будто у вырожденцев вместо челюстей выросло по ошестинившемуся дикобразу с костяными иглами.

Самим своим естеством чудовища были противны всему существу. Как зубовой скрежет посреди симфонии.

Краем глаза принц увидел смазанную тень — Малеммил рванул на выручку жителям. Ник выхватил из ножен Люминистилл и бросился было следом, но услышал в стороне отчаянный детский крик и леденящий душу хохот.

Никаниэль, предоставив Малему спасение прочих селян, поспешил к ребенку. Ему на перерез выскочили две твари волочившие кишки на ногах-косах. У одной между зубов застряло окровавленное ребро.

Чудовища, зарывав, прыгнули на новую жертву. Но принц не планировал превращаться в обед монстров. Уклонившись от опасно щелкнувших рядом с телом челюстей, он полоснул клинком, прочертив ровный разрез на боку твари.

Та набухла, надулась жабой, а затем взорвалась, с ног до головы окатив Ника желто-зеленой слизью напоминавшей соплю тяжелобольного.

Голова слегка закружилась от смрада тухлой рыбы, неделю назад забытой на солнце.

И вновь этот жалобный детский крик, перемежаемый злорадным смехом и хлопками взрывов. Никаниэль невольно отвлекся на долю мгновения и едва успел отреагировать на рывок второго чудовища.

Ублюдина поднялась на задние лапы и попыталась вцепиться принцу в лицо. Перехватив поудобнее рукоять меча, Ник заблокировал клинком нижнюю челюсть вырожденца.

Монстр оказался настолько близко, что Никаниэль смог различить собственное отражение в каждом из мутных желтых глаз. И в них он видел лишь одно — верную смерть всему живому.

Чудовище било задними лапами о землю, стремясь добраться до нежной плоти жертвы. Принц всем весом буквально лег на меч, но постепенно соскальзывал назад. Долго такое противостояние не выдержать.

Тогда, до вздутых жил напрягая каждый мускул в теле, он рванул вперед и до самой гарды протолкнул клинок глубоко в пасть монстра, насквозь пронзая верхнюю челюсть вместе с мозгом. Если тот у нее вообще имелся. Окатив Ника зловонной слизью, тварь лопнула, ошметками плоти разлетевшись по округе.

Набегу вытирая глаза, Никаниэль поспешил туда, где все еще слышались детские крики. Невольно отмечая, что верный меч и не думал светиться как на хуторе нежити, Ник

наотмашь полоснул по очередной твари, соскочившей с крыши разваленной избы.

Завернув за угол, принц замер. Среди хаоса реальности, пляшущего в демоническом танце безумия, но увидел то, что никак не мог тут встретить. Не здесь. Не сейчас.

Эльф?

Так ему на первый взгляд показалось.

Длинные остроконечные уши, бледная кожа... Не удивительно, что его самого не раз принимали за демона. Но на этом сходство заканчивалось.

Демон, а в том, что это действительно он сомнений не оставалось. Безволосая тварь с длинными, торчавшими из верхней челюсти, клыками. А вместо носа — две вертикальные прорези, дырами зиявшие посреди проклятой морды.

Выродок развлекался, метаяогненные шары в маленькую девочку, но намеренно промахивался, наслаждаясь визгами несчастной. Неподалеку дымились горами наваленные друг на друга обугленные тела детей и тех храбрецов, кто пытался их спасти.

Уняв клокочущее в груди сердце и зуд в теле, кипевшем от ярости, эльф швырнул в демона подвернувшимся под руку камнем. Тот зарычал, развернулся, поливая землю пламенем, но Ник уже стоял с другой стороны, закрывая собой ребенка и держа Люминистилл наготове.

Тварь, заставляя камень каплями шипящей лавы опасть на землю, плотоядно оскалилась и, облизнувшись, принялась внимательно оценивать новую жертву. В желтых глазах ублюдка плясали насмешливые искры безумного веселья.

Расставив руки в стороны, посланник бездны зажег над ладонями по небольшому огненному шару. Чуть подумав, увеличил их до размера спелого апельсина, а потом и до головы взрослого человека. Языки оранжевого пламени плясали в нетерпении и подобно бешеным псам рвались сорваться с цепи и разодрать обреченного. С безудержным хохотом порождение хаоса метнуло паскудную магию в принца.

Водный щит.

Реки пролитой вокруг крови и слизи с его собственного тела мутным потоком устремились к Нику, формируя перед ним могущественную защитную полусферу. Та получилась настолько мощной, что выдержала, не распавшись, оба огненных шара. С шипением растворив часть щита, языки пламени загухли искрами костра, попавшими в ведро с водой.

Но демон лишь вновь рассмеялся и кинул еще несколько шаров, но те снова увязли в мутной защите из крови и слизи.

Ник согнул колени, готовясь к атаке, как вдруг ощутил что-то. Едва заметное, почти неуловимое. Как если бы потоки воздуха или даже разлитой вокруг силы, неожиданно устремились к чудовищу.

Подняв руки к небу, чуждая этой реальности тварь напряглась, создавая над собой точку. Та вспыхнула ярким красным светом, каплей расплавленного металла растекаясь по полотну багровеющих сумерек. И когда точка обернулась сферой, демон-заклинатель словно растянул ее, выламывая и формируя жидкое, походящее рябью, лавовое древко с наконечником из белого пламени.

Никаниэль не мешкал.

Едва почувствовав неладное, он решился на шаг, который еще недавно показался бы глупой попыткой самоубийства из-за слишком слабо развитых магических каналов. Полностью сосредоточившись, Ник погрузился куда-то внутрь себя и сумел разглядеть

структуру собственного водного щита. Затем осторожно, словно швея, которой впервые доверили работу над драгоценной тканью, вплел в него несколько новых линий, тут же напитав их силой.

Ледяной щит.

Получилось!

Защитная полусфера кристаллизовалась, превращаясь в морозную глыбу льда. Капли пота катились по напряженному лицу Никаниэля.

Но радость оказалась недолгой.

Раздавшийся из-за спины тонкий крик серпом резанул сознание принца.

Удерживая волшебный щит, Ник обернулся, чтобы увидеть, как омерзительное фиолетовое чудовище жадно чавкает начисто откусанной половиной уже мертвой девочки.

Принц застыл.

Волосы зашевелились у него на голове, а глаза, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит от осознания произошедшего.

В дребезги разлетелся морозный щит, забирая с собой и копье лавы.

Не до конца понимая что творит, Никаниэль наотмашь полоснул по голове подкравшегося монстра и тут же помчался прямо на демона-заклинателя.

Тот успел воплотить еще три огненных шара. От одного Ник увернулся, другой разрубил мечом. Третий же опалил принцу правую руку, заставляя слизь на ней кипеть подобно маслу на сковороде.

Но разъяренный эльф не чувствовал боли. Добравшись до ненавистного демона, Ник застыл, разворачивая корпус и пропуская удар когтистой ноги рядом с грудью. На ходу перехватив меч обратным хватом, он по локоть отрубил врагу руку, на которой как раз зарождался очередной отблеск пламени.

Плеснув серой жидкостью, конечность упала на землю, и оставшееся без контроля заклинание разнесло ее в клочья, добавляя новых мазков в написанную демонической кровью картину на теле Ника.

Зашипев, исчадь бездны оттолкнуло от себя противника и, издав жуткий вой, помчалось к проклятому лесу.

Со всех концов деревни слышались ответные завывания. Вот только монстры и не думали спешить на помощь. Одни с упоением гонялись за остатками выживших селян, а другие, разбрасывая ошметки плоти, рвали и жрали уже поверженных.

Никаниэль бросился следом. В его сознании билась всего одна единственная мысль. Простая и понятная. Убить. Уничтожить ненавистную тварь.

Демон пытался отбиться, набегу метая в преследователя заклинание за заклинанием, но те с каждым разом становились все слабее.

То пригибаясь, то уклоняясь, зайцем вертясь между цепкими лисьими пастями вражеской магии, принц уворачивался от стремившихся к нему огненных шаров. И когда заклинания настолько растеряли свою силу, что Ник незатейливо отмахивался от них клинком, демон попросту побежал, тяжело сопя отсутствующим носом.

Догнать порождение хаоса удалось лишь глубоко в лесу.

Обессилившая тварь, осознав, что ей не уйти, развернулась навстречу преследователю и, вытянув вперед оставшуюся руку, попыталась сотворить последнее колдовство. Глухим как эхо в железной бочке голосом демон произносил чуждые этому миру слова. Они звучали подобно клекотанию фальшивомонетчика, которому безжалостный палач заливал в глотку расплавленный свинец.

Никаниэль, с силой оттолкнувшись от земли, не дал порождению хаоса закончить и, отрубив тому вторую руку, возвратным движением снизу вверх вонзил клинок твари в брюхо так, что острие показалось между лопаток.

Неудержимым потоком серая кровь хлынула на руки принца. Он стоял вплотную к чудовищу, наблюдая как жизнь покидает желтые глаза убийцы. Без белка, без зрачка, без радужки — лишь мутная, медленно тускнеющая желтизна.

Взор демона подернулся пеленой. Тварь конвульсивно содрогнулась, харкнув кровью, и, медленно соскользнув с меча, безвольной куклой рухнула на лесной мох. И практически тут же расплылась зловонной серой лужей, принесшей запах протухших яиц.

Пошатнувшись, Ник осознал, что не дышал последние несколько секунд. Сердце бешено колотилось, отбивая барабанный ритм строевого марша. Эльфу пришлось сделать пару шагов в сторону, спасаясь от удушливого смрада, но сам он пах не намного лучше.

Уставший принц воткнул меч в землю и оперся на него, пытаясь восстановить дыхание после продолжительной схватки. В голове настолько сквозило пустотой, что, попади туда сейчас хоть одна мысль, она тут же повесилась бы от одиночества.

Нараставший в районе затылка зуд напомнил о не пригодившихся щитах. Никаниэль тотчас их развеял.

Стало чуть легче.

Кое-как отдышавшись, он хотел уже было идти обратно, но тут до его чуткого слуха донеслось невнятное бормотание.

Насторожившись, эльф направился в сторону подозрительных звуков.

Сделав всего несколько шагов, Ник с удивлением обнаружил себя на краю пепелища. Того самого пепелища, которое всего пару дней назад они покинули с Малемом, спалив остатки проклятого хутора.

Повсюду виднелись следы фиолетовых тварей, а в самом центре, на корточках сидел еще один длинноухий заклинатель. Тот золотым демоническим кинжалом вычерчивал прямо в золе причудливые узоры и что-то тихонько бубнил.

Внезапно он воскликнул:

— Р’хал авьех! — и вонзив кинжал в землю, особым образом сложил руки, продолжая шептать заклинание. Резкая фраза, вспыхнувшим во тьме факелом, отпечаталась в сознание принца.

Дерево на другом конце поляны медленно расщепилось. Вернее самую ткань мироздания рассекла длинная вертикальная щель. В нее тут же протиснулись четыре красные ладони, любая из которых могла бы с легкостью прихлопнуть Ника, как назойливого комара.

Щель рывком расширилась и сквозь пространственную дыру Никаниэль увидел, что все эти руки принадлежали одному исполинскому демону высотой с целый замок.

Тварь ехидно скалила кровожадную пасть.

Рожа, внешне весьма напоминая орчью, могла посоперничать размерами с домом, а пять черных глаз зияли безграничной пустотой межзвездной бездны.

Принц встретился с чудовищем взглядом.

В затягивающей черноте провалов он увидел неотвратимую неизбежность.

Жгучее желание жить словно втянуло в пропасть демонических глаз, заставляя свет потухнуть в груди Ника. Будто ледяной буран ворвался в жилище бедняка и задул не посмевающий сопротивляться очаг.

Никаниэль исчез.

Растворился.

Осталась лишь оболочка, все еще стоявшая на краю поляны. Без смысла, без цели, без единого проблеска рассудка. Сознание безвольно плыло по течению безвременья, подобно одинокому опавшему листу в тихой лесной заводи.

Казалось, что это состояние длилось вечность.

Но вдруг откуда-то изнутри поднялась слабая волна тепла. Она нарастала и крепла. Подхватив лист с поверхности реки времени, волна превратилась в мощный девятый вал, сбивший разум Ника обратно в тело.

Эльфийский принц тут же сорвался с места и на бегу отсек голову заклинателю, прерывая ритуал.

Портал резко дернулся к центру, стремясь схлопнуться. Исполинский демон издал зловещий рык, пошатнувший верхушки деревьев. Он всеми четырьмя руками уперся в края пролома, стремясь собственными силами удержать пространственный разрез и протиснуться в Альйон.

И ему удавалось.

Буквально по миллиметру, но ворота вновь начали расширяться.

Сам не понимая, на что он надеялся, Никаниэль рванул вперед. Около портала он остановился и с силой рубанул волшебной сталью по границе двух измерений. Но демон отразил удар одним лишь мизинцем, отрастив на том коготь длиной с самого принца.

Ник попытался еще раз, но вновь наткнулся на ту же преграду. Удивительное дело, но для спасения жизни, а возможно и чего-то большего, ему пришлось фехтовать с пальцем, каждый удар которого был способен без труда разрубить пополам лошадь.

Принц остервенело размахивал мечом, но так и не смог ни на шаг приблизиться к созданью бездны. Однако и тому не удавалось сосредоточиться и продолжить рвать мироздание.

Каждый раз, когда Люминистилл оказывался под когтем, Нику казалось, что он боролся не с существом из плоти и крови, а со стенобитным тараном. Сталь клинка буквально вибрировала под давлением силы монстра. Ник стонал. Стонал, но держал.

Снова и снова он находил в себе силы подставить под коготь оружие.

Громадный демон взревел и рванул вперед, стремясь разом проглотить мерзкую букашку, посмеившую встать у него на пути.

В какой-то момент, на краткий миг, меньше, чем удар рвущегося из груди сердца, принц заметил ничтожную заминку в движениях титанического когтя. Вкладывая в атаку всего себя и вознося молитву, Ник протянул меч в длинном выпаде, рассчитанном скорее на удачу, чем на мастерство фехтовальщика.

Возможно, самим богам была омерзительна сущность демона, но каким-то чудом клинок нашел свою цель и пронзил оболочку глаза твари.

Издав истошный вопль, сбивший Ника с ног, чудовище резко отпрянуло, потеряв контроль над порталом, который тут же схлопнулся начисто отрезая демону мизинец. Не долетев до земли, палец обратился в целый водопад и густым черным потоком тягучей смолы захлестнул принца.

В деревню Ник принц приковылял уже затемно. В болезненном свете полумесяца

разоренное поселение выглядело даже мрачнее, чем днем. Зловещие тени в одночасье осиротевших домов тщетно пытались скрыть обезображенные трупы своих бывших хозяев. И даже оплакать их было практически некому.

Едва не валящегося с ног Никаниэля, с головы до пят покрытого кровью трех видов демонов, подхватил выскочившей будто из-под земли Малем. Тот быстро осмотрел друга на предмет повреждений и, не обнаружив ничего опаснее нескольких глубоких порезов и довольно сильного ожога, облегченно выдохнул.

Срочная помощь не требовалась.

Сам Малеммил выглядел будто искупался в море гнойных соплей, но умудрился обойтись без ранений. Удушающего запаха тухлой рыбы Ник уже даже не ощущал.

Неподалеку в обнимку стояли Инга и седой старик с перевязанной рукой — все кому посчастливилось уцелеть из совсем не крохотной деревни.

Сбоку раздался тихий шорох.

Из-под опрокинутого корыта выползла девочка. Совсем кроха. Закашлявшись, она в изнеможении осталась лежать на пропитанной кровью земле.

Никаниэль сам не понял откуда у него взялись силы, но он одним прыжком оказался возле ребенка и с надеждой перевернул ее на спину.

Тщетно.

На месте живота у малышки зияла ужасная рана, оставленная, судя по всему, лапами-косами фиолетовых тварей. Даже будь неподалеку светлый жрец, тому не удалось бы спасти ее. Ведь боги давно отвернулись от местных священников.

— Дядя. — едва слышно прошептала кроха тоненьким как первый весенний ручей голоском. Это была та самая девочка, что раньше других подошла к ним с Малемом на празднике. — Мне больно, дядя. Я умру?

Ник до крови закусил губу, но не смог сдержать слез, прочертивших две ровных линии на измазанном лице. Он смотрел в ясные, подрагивавшие глаза умиравшего дитя и не находил в себе сил вымолвить хоть слово.

— Дядя. — малышка закашлялась, и тонкая струйка кровь стекла с уголка ее губ. — Расскажи мне сказку. Когда мне больно, мама всегда рассказывает сказки.

Никаниэль попытался вытереть лицо, но сделал только хуже. Он задрал голову вверх, будто заливая слезы обратно или моля небо спасти ни в чем не виноватого ребенка. Но небо, как и тысячелетия до этого, оставалось глухо к мольбам смертных.

Тогда принц вновь опустил взгляд на кроху, нежно поправил ей выбившийся на лицо локон и хриплым голосом принялся выполнять последнюю просьбу умирающей девочки.

— Давным-давно жила-была... — Ник усилием воли проглотил подступивший к горлу ком. — ... жила-была девочка. Это была очень храбрая девочка и очень любопытная. Она хотела знать все-все на свете! Почему дует ветер? Почему камень назвали камнем? Почему собаки лают, а кошки мяукают? Почему вокруг всегда темно?

А вокруг ее деревни действительно всегда царила тьма. Лишь раз в несколько дней где-то далеко, в стороне, вспыхивал яркий красный свет, на несколько секунд освещавший дом девочки и несколько домов соседей.

Обычно на все вопросы ей отвечал дедушка. Дедушка был стар и мудр. Он знал все-все на свете и всегда терпеливо и подробно объяснял любимой внучке как устроен мир.

Но стоило лишь девочке в очередной раз заикнуться о тьме вокруг, как дедушка будто съеживался. Он отворачивался, закрывал морщинистое лицо натруженными ладонями и

долго-долго потом не разговаривал с внучкой.

Так поступали и остальные взрослые.

Но девочка была не только любопытной, но и очень храброй. Однажды она не побоялась обойти огромное запретное озеро, растворявшее все, что в него попадало. Не испугалась она и рокочущих пещер за тем озером. Она шла и шла, пока не поняла, что вот-вот заблудится. И тогда ей пришлось вернуться. Но девочка строго-настрого пообещала себе, что однажды доберется до самого конца и узнает ответы на все вопросы.

Так каждый день она уходила в свои тайные путешествия и каждый день забиралась все дальше.

Девочка видела и чудесные красные кристаллы, такие горячие, что до них невозможно было дотронуться. И трусливых жучков, убежавших от нее при встрече, хотя сами они были ненамного меньше нее. И упругие стены, которые то раздвигались, то снова сходились обратно — будто дышали.

Время шло, но девочка так и не приблизилась к разгадке.

Однажды, как раз когда дедушка приготовился отвечать на очередную порцию бесконечных вопросов, все вокруг друг затряслось и послышался страшный рокот.

— Землетрясение! — крикнул один из соседей, но сам же себя оборвал, заметно смутившись и расстроившись.

Тряска не прекращалась, а только усиливалась, и вдруг к испуганным жителям вышел потрепанный рыцарь в изломанных доспехах. Он растерянно озирался по сторонам и тяжело дышал.

— Дядя...

— Да?

— А эта сказка закончится хорошо?

Ник моргнул. Он прижал ребенка к себе. Зарылся лицом в сплывшие волосы, пропахшие гарью и кровью волосы. Как будто...

— Конечно.

— А я... увижу маму?

... будто мог удержать собственными силами рвающуюся на волю измученную душу.

— Конечно...

Девочка впервые встретила кого-то, кто был не из ее деревни и она тут же подскочила к рыцарю и задала свой главный вопрос:

— Почему вокруг всегда темно?

Не смотря на то, что все кругом продолжало ходить ходуном, жители зашикали на рыцаря, чтобы тот не отвечал.

Но он не обратил внимания на все эти знаки и прямо сказал:

— Потому что мы внутри огромного дракона! Много лет назад дракон проглотил целую деревню и мы, доблестные рыцари, пришли спасти вас!

Оказалось, что та девочка родилась уже внутри дракона и никогда не видела внешнего мира. Вот что так тщательно скрывали от нее все остальные.

Но девочка не расстроилась. Она была храброй и верила, что сможет выбраться наружу и спасти жителей проглоченной деревни...

Никаниэль взглянул на малышку у него на руках и понял, что она давно уже его не слушает. Но на лице у храброй девочки застыла едва заметная улыбка.

Из-за спины к принцу подошла староста.

Она долго стояла, молча рассматривая мертвого ребенка. И даже сверчки стихли, не решаясь нарушить скорбную тишину ночи.

— Лучше бы это тыдох, а не тот гуль. — бросила Инга бесцветным, словно выцветшая на солнце картина, голосом. И ушла прочь.

Тело скатилось на землю.

Ник сидел в крови и грязи. Пальцы дрожали.

Ему вновь не хватило сил.

Сил хоть кого-то спасти.

Ночевать пришлось в разоренной демонами деревне. Сил куда-либо идти у друзей уже не осталось. Отыскав домик знахаря и наскоро обработав раны, они устроились спать прямо на полу. Владелец хижины не возражал. Не мог...

Ник сперва переживал, что не уснет — перед внутренним взором то и дело вспыхивали картины недавних событий, но тело, вопреки разуму, буквально мгновенно отправило сознание на просторы беспокойных сновидений.

Утро встретило измученных эльфов неестественной тишиной.

Не кудахтали на насестах курицы, не перебрасывались шутками взрослые, выполняя рутинные обязанности, не мычали коровы, не голосил на всю округу задиристый петух. Даже радостный детский смех, тяжело вздохнув и утерев последние слезы горести, навсегда оставил безжизненное селение и отправился на поиски нового дома.

События предыдущего дня тяжким грузом легли на сердце Никаниэля.

В немом молчании он нашел уцелевшую бочку с дождевой водой и тщательно смыл с себя остатки демонической крови. Неподалеку тем же самым занимался Малеммил. Даже вечно веселый шутник и балагур не смел нарушить окружавшее безмолвие.

Из всех полученных Ником за время сражения ран, больше остальных беспокоил ожог на правом плече. Все так же молча Малем изготовил мутноватую белесую мазь и обильно смазал место повреждения.

Ингу, с последним выжившим — стариком, беглый принц обнаружил за окраиной деревни. Те с упорством безумцев копали могилы и уже успели вырыть больше полутора десятков ям. Эльф хотел было помочь, но староста бросила на него один единственный взгляд и вновь вонзила лопату в еще влажную от крови землю.

Этот взгляд обжог Ника сильнее огненного шара, оставившего след на его руке. В нем плескалось столько ненависти, что могло бы хватить на целую армию разъяренных орков, а никак не на одну человеческую женщину.

Невольно отшатнувшись, Никаниэль осознал, что не может больше находиться в опустошенной деревне ни секунды. Она будто выдавливала его из себя, как выталкивает лесное озеро, упавшую с дерева сухую ветку.

Друзья вновь покинули гостеприимное поселение, вот только на этот раз их провожала одна лишь гнетущая тишина.

Оставленные накануне сумки, эльфы обнаружили на том же месте, где и бросили. Однако нетронутыми назвать их никак не получалось. Стоило подойти к поклаже поближе, как тотчас изнутри бросились врассыпную десятки стремительных серых теней.

Проклятые мыши...

Вспомнив еще об одной вещи, Ник достал из-за пояса золотой демонический кинжал, прихваченный им со злополучной поляны. Ритуальное оружие представляло собой трехгранную пику, оплетенную щупальцами неведомой твари. Рукоять же, похожую на две небольших сферических клетки, соединенных перемычкой, венчала голова смеющейся гиены.

Но удивительней всего оказалось то, что в некоторых изгибах и линиях принц сумел рассмотреть витки, до боли напоминавшие силовые узоры эльфийской магии. Словно зачарованный, он вертел в руках клинок, пытаясь разобраться в хитросплетениях, но суть раз

за разом ускользала от разума эльфа.

Из транса Ника вывел неожиданный укол в палец. Кинжал оказался совсем не таким тупым, как выглядел внешне.

— Р'хал авьех! — шепотом выругался Никаниэль, слизнув выступившую каплю крови. Звучная фраза внезапно всплыла из подсознания.

— Что ты сказал? — подозрительно прищурившись, переспросил Малем.

— Р'хал...

— Стой! — резко перебил его побледневший Малеммил, зажав другу рот рукой. — С каких это пор ты говоришь на языке треклятых демонов?!

Теперь Ник и сам понял, что случайно произнес слова, услышанные им во время ритуала призыва.

Произошедшее встревожило принца не меньше Малема. Словно ядовитую змею, вдруг оказавшуюся в руках, Никаниэль отбросил в сторону ритуальный кинжал, глухо звякнувший в дорожной пыли.

Эльфы настороженно осмотрелись и прислушались.

Спустя несколько напряженных минут ожидания чего угодно, вплоть до еще одного вторжения, Малеммил подобрал с земли оружие и, тщательно изучив, спросил:

— Где ты это взял?

Собравшись с мыслями, Ник пересказал другу события, которые тот пропустил, будучи занятым, зачищая деревню от фиолетовых чудищ.

Когда принц добрался до эпизода, где ему пришлось сражаться с мизинцем огромного демона, глаза Малема расширились настолько, что в их отражении уместились половина поля вместе с немалым куском осеннего неба.

— Так ты, получается, несколько королевств спас... — задумчиво протянул Малеммил, дослушав до конца. — Неизвестно сколько сотен, а то и тысяч людей погибло бы, пока остановили такую тварь.

— Какую такую?

— Понятия не имею! — раздраженно воскликнул Малем. — Я что, по-твоему, все на свете знать должен?!

Никаниэль настолько привык, что проживший всю жизнь среди людей эльф отвечал на все вопросы, что ни секунды не сомневался в осведомленности последнего по части порождений бездны.

— Знаю только, что время от времени демоны прорываются в наш мир, но последние годы о них слышали все реже. — уже спокойнее добавил Малеммил.

— В Эльфхейме этих тварей никогда не видели, но в школе нам рассказывали, что им для вторжения нужно место силы. — поделился известной ему информацией Ник.

— Ну, значит они его нашли.

Вспомнив, как демон вычерчивал на пепелище ритуальные символы, Никаниэль сложил все факты и пришел к весьма неутешительному выводу.

— Получается та ведьма как раз и охраняла одно из мест силы. А я, убив ее, открыл демонам путь в Альйон... — Ник печально свесил голову на грудь, принимая на себя всю тяжесть ответственности за произошедшее. — Права была Инга. Лучше бы...

Внезапно Малем отвесил другу звонкую оплеуху.

— Хватит ныть! Ничего ведьма не охраняла! — грозно принялся вещать тот. — Она скорей всего там и поселилась, чтобы всю силу себе заграбастать. А тебе еще возлюбленную

воскрешать! Забыл?!

Ошарашенный принц, потирая щеку, удивленно уставился на друга. Перед его мысленным взором всплыл светлый образ Элельен, исцеляющей волной смывший тяжкий гнет отчаянья. Нет, он ни в коем случае не забыл ни лица растерзанных демонами жителей, ни последнюю улыбку измученной девочки. Но слова Малеммила напомнили, ради чего стоит продолжать двигаться вперед.

Малем вздохнул, покачал головой и опустился на корточки. Он смотрел одновременно на причудливый узор, оставленный ветром в дорожной пыли, и куда-то глубоко в себя. В даль прошлого, о котором Нику мало что было известно.

— Да и откуда мы могли знать. — произнес Малем ровным, но чуть надломленным тоном, звучащим скрипом ржавого ножа по не менее ржавой поверхности. — Забудь, Ник, эти слова. В сердцах можно и не такого наговорить. А виноватого найти — это всегда проще, чем самому свой крест нести. Сдохнуть она тебе желала? А от леса уйти они не желали? Или страшно? Ну так если страшно, то... Да пошла она, Ник. Жаль, конечно, селян. Но и мы с тобой им зла не желали. Нет в этом ни твоей, ни моей вины. А если хочешь кого-то обвинить — обвиняй судьбу. Если веришь, конечно...

Поддавшись эмоциям, Никаниэль, не говоря ни слова, крепко обнял верного спутника и, смутившись, потянулся к сумке, готовый продолжить путь.

— Подожди. — остановил его Малем. — Давай сперва этогде-нибудь закопаем. — он брезгливо держал в руках демонический кинжал.

— Нет! — невольно вырвалось у Ника. — Подожди. Он... Оно... — магические линии нанесенные на оружие, в высшей степени заинтересовали Никаниэля. Принцу казалось, что, изучив их, он сможет приблизиться к воскрешению Элен, и теперь придумывал как объяснить это Малему. — Его можно хорошо продать! — все что пришло в голову принцу.

Малеммил на секунду задумался, взвешивая «за» и «против».

— Ну тогда таскай эту дрянь сам! — приняв решение, тот отдал другу кинжал и собрался уже закинуть за спину свой мешок, как оттуда выскочила очередная серая мышь.

— Ах ты ж демоново отродье, полюби тебя кфхан! — совсем недавно храбро сражавшийся с зубастыми тварями Малем, испуганно отскочил в сторону. — Ненавижу грызунов!

— Надеюсь они нам хоть что-нибудь оставили. — слабо улыбнувшись, сказал Ник.

— Дерьма они нам оставили... — сердито пробубнил недовольный эльф.

Наконец, убедившись, что непрошенных гостей среди поклажи не осталось, друзья медленным шагом направились к видневшемуся вдалеке лесу.

Малем, продолжая признаваться мышам и прочим грызунам в своих самых пылких чувствах, брел по дороге. Ник же невольно улыбнулся, и, чуть погодя, все-таки не сдержавшись, повернулся в сторону деревни.

Лучше бы это ты...

Умом принц понимал, что друг прав и они никак не могли знать, к каким последствиям приведут их действия. Но...

Сперва Элельен, затем Анет, близнецы, королева, «ведьма», теперь селяне.

Сердце Ника чуть сжалось. Руки задрожали. Он смотрел на них, но видел, словно чужие. Ведь не могли же те принадлежать ему — принцу Эльфхейма. Наследнику эльфийского престола.

И плевать на мозоли, новые шрамы и грязь под отросшими ногтями.

Но кровь.

Столько крови...

Ник отвернулся и посмотрел в сторону спешившего по дороге Малема.

Сколько бы не просиживал штаны на скучных лекциях учителей, сколько бы не слушал отца и многочисленных советников, но...

Только теперь Ник понял, что значит — последствия принятых решений. И только теперь осознал, что вопреки всему, за некоторые из этих последствий ему придется нести ответственность. Причем — до самого конца. Своего или чужого.

Ответственность.

Новое чувство.

Тяжелое.

Такое же тяжелое, как и его руки. Или кровь на них. Ник пока не знал. Но пообещал себе, что разберется.

Утром следующего дня, эльфы решили все-таки посмотреть что же такого положили им с собой жители деревни.

Их щедрости поразился даже Малеммил.

Запасная одежда, пусть и неважные, но теплые вещи, некое подобие непромокаемых плащей, непонятно откуда взявшийся у сельчан добротный котелок с удобной ручкой, деревянные миски, ложки. И в качестве завершения небывалой щедрости — пара довольно справных ножей, и запас подножного корма на несколько дней вперед, теперь уже подточенный мышами.

И все это не считая нескольких других полезных мелочей вроде обшитой кожаной фляги с ядреным алкоголем или мотка шерсти. Похоже люди подошли к вопросу со всей тщательностью и решили обеспечить своих спасителей вообще всем, что им теоретически могло понадобиться в пути.

Пусть им ради этого и пришлось изрядно вывернуть карманы и схроны. После проведенного во внешнем мире времени Ник, еще недавно не видевший ничего необычного в дворцовой жизни, начал смутно догадываться о истинной ценности таких простых вещей, как, к примеру, удобные сапоги.

— Разве что целую избу не положили. — одними только губами ухмыльнулся Малем. Глаза его при этом оставались холодными. Быстро перекинув вещи так, чтобы было удобнее нести, он добавил. — Но с такими плащами и не нужно. Натянем на палки — отличный навес получится. Нам бы лошадей...

— Инга говорила, что дальше по дороге будет можно где-то купить.

— Отлично! А далеко? Тащить все это на себе кфхан как не охота.

— Три дня. — скупно, ответил Ник.

— Не так уж и много... Ладно, разводи костер. Я сейчас такой завтрак заделаю! — Малеммил мечтательно закатил глаза. — М-м-м. Язык проглотишь! Хочешь поспорим?

Малем отчаянно делал вид, что ничего не произошло. То ли друга хотел таким образом подбодрить, то ли сам убежал от... ответственности. Новое слово. Вернее — слово, конечно, старое. Но только теперь Ник ощущал заключенный в нем вес.

Завтрак получился на самом деле отменный. Уж что-что, а готовить Малем действительно умел. Он даже умудрился использовать щепотку чего-то из запасов Боффианда, хотя Никаниэль думал, что там все исключительно для врачевания.

Следующие три дня прошли без происшествий. В теплой одежде идти было более чем комфортно, и даже пролившийся небольшой дождь не вынудил путников задержаться в дороге.

Знахарь не обманул. Когда пришло время, друзья разбинтовали поврежденную гулем руку принца и с удивлением обнаружили полностью зажившую рану. Остался лишь рубец, выглядевший так, будто ему уже несколько месяцев, а не дней.

Шрамов Ник теперь не боялся. Будет, потом, чем похвастаться перед Элельен.

Завидев вдалеке поднимающиеся вверх струйки печных дымок, эльфы невольно ускорили шаг.

— Ну наконец! — воскликнул Малем, облегченно выдыхая. — А то я уже забодался на себе все тащить.

Вот только друзей либо действительно преследовало проклятье, либо им просто не везло. Лошадей достать не удалось, а про нежить и демонов никто и слушать не захотел.

Несколько дней как большинство домашних животных поразила неизвестная хворь и зараженных особей пришлось срочно сжечь, дабы остальных не перезаражали. Так что теперь каждая хромая кобыла была на счету и даже самим жителям их не хватало.

Но, то ли селяне сжалились над путешественниками, то ли польстились на звонкую монету, так что в итоге путникам продали серого длинноухого осла со смешной кличкой «Жульен».

Верхом, конечно, на нем никто не поехал, но на спине у Жульена удалось закрепить обе сумки так, чтобы те не мешали животному идти, а эльфы смогли, пополнив припасы, продолжить путь налегке.

Они надеялись исправить досадную неприятность в следующем же селении и, наконец, обзавестись более достойными парнокопытными, но за всю ближайшую неделю эльфам не довелось встретить ни единой живой души. Разве что повезло натолкнуться на бродячего торговца, которому сбагрили всякие ненужные вещи вроде рыболовных крючков и глиняного свистка в форме птички.

Тот же торговец рассказал, что ближайший город можно найти в двух днях на северо-восток и те же два дня остались путникам до Южного Королевского Тракта. И еще, что странная болезнь, похоже, проредила численность животных повсеместно, а не только в том селе. Так что даже в городе не факт, что удастся перебраться в седло.

Поэтому решили маршрут и не менять. Тем более что северо-восток — направление практически противоположное тому, в котором они шли.

Через два дня, как и обещал торговец, друзья действительно вышли к весьма широкой дороге. Хотя, на самом деле, «весьма широкая дорога» не достаточно полно описывало монументальное творение времен рассвета Лионтии. Вымощенный камнем, Южный Королевский Тракт оказался достаточно широк, чтобы по нему в ряд могли проехать четыре кареты, не задевая друг друга бортами.

Когда-то давно этот путь проложили, чтобы напрямую соединить Коэльский океан и Эльфхейм. Прямой, как стрела и надежный, как топор — Южный Королевский Тракт пересекал всю Лионтию с запада на восток и позволял быстро перебрасывать войска, а еще сильно облегчал жизнь торговцам и путешественникам.

Трудно представить сколько времени, сил и ресурсов ушло у тогдашнего правителя на возведение подобного логистического чуда. А ведь у того имелся еще и брат-близнец.

Значительно выше по карте, там где сейчас наверняка уже лежал снег, расположился Северный Королевский Тракт. Такой же широкий, прямой и бесконечно удобный. Ведь главное преимущество каменных дорог в том, что после каждого дождя они не превращались в раскисшие грязевые препятствия, а продолжали надежно служить своей цели — обеспечивать максимально быстрое и комфортное перемещение между городами страны.

Говорят, тот король планировал соединить оба тракта сетью узких, но тоже мощных дорог, вот только что-то у него не заладилось. А потом его, вроде как, и вовсе свергли. Следующие правители старались скорее просто удержаться на шатком троне, не делая ничего для благополучия граждан. А вскоре Лионтия и вовсе распалась на множество маленьких, вечно воюющих провинций-королевств.

Но Южный и Северный Королевские Тракты и по сей день оставались выдающимися памятниками временам процветания объединенного людского государства.

Пока Никаниэль удивленно рассматривал труд тысяч людей прошлого, Малем увидел целый торговый караван, двигавшийся к ним со стороны Эльфхейма. Конечно, в земли эльфов караван не заезжал, но торговцы, исходя из рациональных принципов, предпочитали перемещаться именно по трактам-близнецам благодаря их надежности и безопасности.

Ведь не каждая шайка не только отважится, но и сможет справиться с тем, чтобы организовать засаду на тракте.

Малеммил не оставлял надежду выторговать у каравана парочку затюканных лошадок, но его опять ждало разочарование. Торговцев постигла все та же напасть. Им даже пришлось самим впрячься в несколько телег, чтобы не бросать те на дороге.

Более того, увидев Жульена, они горячо торговались в надежде выкупить животное, но Малем был неприступен и отстоял своего ушастого носильщика. Чтобы не слишком ссориться с переезжими купцами, эльф приобрел у них немного еды, пополнив запасы продовольствия.

— Ну что, Ник. — Малеммил хлопнул друга по плечу, стоило каравану двинуться дальше. — Серьезная тропинка?

— Да-а. — протянул принц, все еще находясь под впечатлением. — В Эльфхейме таких нет даже близко. Боюсь представить сколько камня ушло на эту тропинку.

— Да это не главное. Ты лучше вон туда посмотри. — Малеммил рукой указал вперед и вверх на верхушки деревьев.

Сперва Никаниэль не понял, что тот имеет ввиду, но, приглядевшись, увидел вдалеке размытый силуэт горных вершин.

— Это то, о чем я подумал? — с надеждой в голосе спросил он, повернувшись к Малему.

— Абсолютно. Именно недалеко от тех гор и стоит славный, если про него можно так сказать, город Тика.

От избытка нахлынувших чувств принц чуть было не обнял товарища, но в последний момент эльфийское воспитание взяло верх, и он всё-таки сдержался. Наконец, спустя столько времени после побега из родного города у Ника появилась видимая цель, а не просто какой-то мифический город, который еще непонятно где искать.

Никаниэль почувствовал, что только что стал на один шаг ближе, к воскрешению Элельен и, более того, обрел на своем пути верного соратника и надежного друга.

— Ты, кфхан, светишься прям как девственник перед первой брачной ночью. — разрушил все очарование момента Малем. — Пойдем. Я узнал, где тут можно срезать.

Ник отправился следом за другом и даже ничуть на него не разозлился.

А что на него злиться? Он такой, какой есть. Оставалось только смириться и постараться не подхватить излишнюю эмоциональность. А то Элен не поймет.

— Кстати. — бросил через плечо Малеммил, сходя с брусчатки. — чем южнее от Тракта тем больше будет деревень и городов, а значит больше бандитов, разбойников и прочей швали. Так что держи ухо востро, хвост арбалетом и питона в штанах. — хмыкнул Малем.

— Кто бы говорил, друг. Кто бы говорил...

Малеммил, полюби его кфхан, умудрился накаркать. Спустя всего пару дней безмятежного пути после пересечения Южного Королевского Тракта, на них действительно напали бандиты.

Друзья спокойно двигались по обычной лесной дороге, Малем травил очередную байку, полную пошлых шуток и скабрзностей, как вдруг из-за деревьев показалась шайка разбойников.

Двое встали спереди. Еще трое сзади, отрезая путь к бегству. Эльфы тут же схватились за мечи, но главарь их остановил.

— Спокойно, мальчики, спокойно. Не дергайтесь. — расслабленно произнес предводитель, поигрывая двухлезвийной секирой с укороченной рукоятью. — Мы же не хотим, чтобы из ваших юных голов внезапно выросло по стреле, правда? Стоит показаться стали, как оба мои лучника позаботятся об этом. А теперь медленно опустите оружие, оттолкните в сторону и будьте паиньками.

Вожак шайки — молодой мужчина, уверенно смотрел на своих очередных жертв. Одетый в яркую, аляпистую одежду больше напоминавшую халат, чем броню. С его пояса по бокам свисали два длинных ножа с изогнутыми лезвиями. И хоть сам он улыбался, демонстрируя щербатый рот лишенный нескольких зубов, его черные глаза оставались холодными и внимательными.

Рядом с главарем переминался юноша с взъерошенными рыжими волосами. Короткие, коричневые штаны едва прикрывали середину голени; потрепанная синяя рубаха, подвязанная обыкновенной веревкой; шутовские красные ботинки — весьма придурковатый вид разбойника завершало такое же выражение лица с безумной улыбкой и глазами будто бы собиравшимися вот-вот вывалиться из орбит.

В руках тот держал вилы с длинными зубцами, которые ему, судя по всему, весьма не терпелось пустить в ход.

Троих сзади разглядеть не удалось, но они, можно не сомневаться, тоже пришли на дело не с пустыми руками.

Повинуясь приказу, друзья медленно отбросили мечи в стороны и стояли смирно, оценивая обстановку. Ситуация казалась безвыходной, но они не теряли надежды что-нибудь придумать.

— Мудрое решение. — похвалил их вожак, по-прежнему улыбаясь одними губами. — На этой неделе мы уже успели пощипать бродячий цирк, так что повторяться не хотелось бы. Тем более, когда здесь всего два шута. Что же делать, что же делать?

Он явно ломал перед своими жертвами комедию, причем делал это далеко не в первый раз.

— Пусть дерутся, Туз. — придерживаясь сценария крикнул кто-то из-за спины. — А кто выживет, того отпустим.

— Отличная идея! — главарь достал из-за спины короткий кинжал и метким броском вонзил его в землю между путниками. — Обещаю не трогать того, кто этим ножиком прирежет своего друга. Слово Туза!

Бандиты мерзко захихикали в ожидании зрелища. Конечно никто никого отпускать не собирався и ублюдки хотели бесплатно поразвлечься за счет жертв.

Нарочито медленно Малеммил потянулся к торчащему из земли кинжалу. Никаниэль не верил своим глазам. Но тут Малем, перейдя на эльфийский, быстро прошептал:

— На счет «три» врассыпную. Хватаем мечи и к лучникам. Мои — трое сзади... — а затем, выпрямляясь, громко крикнул. — ТРИ!

Никаниэль едва успел среагировать.

События понеслись вскачь.

Практически синхронно оба эльфа скакнули в разные стороны и, подобрав в прыжке мечи, бросились в лес. Сзади кто-то жалобно вскрикнул, но оборачиваться времени не было. Оставалось лишь надеяться, что это не Малем.

Еще стоя на дороге, Ник разглядел «своего» лучника и теперь, подбежав к нужному дереву, с ловкостью белки вскарабкался на него, не выпуская меча из рук. Ошарашенный стрелок не успел даже пискнуть, как Люминистилл показался у того между лопаток.

Спихнув лучника с ветки, беглый принц поспешил следом, чтобы тут же уклониться от пусть и неумелого, но все равно опасного выпада вилами. Как либо контр-атаковать эльф не успел, потому что рыжий парень все с тем же идиотско-счастливым выражением на лице с бешеной скоростью пытался проткнуть нехитрым оружием изворотливую жертву.

При этом сбоку коварно подкрадывался главарь. Тот уже не улыбался и теперь внимательно следил за движениями противника, высматривая удачный момент для атаки.

Никаниэль раз за разом уходил от ударов психа, не имея возможности даже встать в блок, не говоря уже о контратаке. Единственное что, продолжая уклоняться, он все время старался сместиться так, чтобы парень с вилами находился на одной линии с вожаком.

Пока что ему это удавалось.

С яростью разбуженного зимой медведя человек строчил псевдотрезубцем, даже не думая замедляться. Просто удивительно, как вообще возможно без должных многолетних тренировок орудовать древком с такой прытью. Видимо боги взамен недостатка разума сполна одарили гада ловкостью.

В какой-то момент принцу удачно подвернулся под ногу здоровенный камень. Оттолкнувшись от внезапной опоры, он проскользил над землей, подныривая под очередной выпад психа, и в кувырке порезал противнику голень.

И, не теряя инерции после броска, Ник мгновенно сместился в сторону.

Парень продолжал атаковать будто ничего не произошло. Кровь толчками била из раны, заливая и без того красный ботинок, а он снова и снова пытался насадить Ника на зубцы вил.

Более того, надеясь таким образом вывести хотя бы одного противника из строя, Никаниэль оказался слишком близко к главарю и тот не преминул этим воспользоваться.

Взмахнув секирой, предводитель бандитов попытался отрубить в районе запястья руку, державшую меч, но эльф молниеносным движением выхватил потайной нож, и отклонил атаку в сторону первого противника.

Именно в этот момент окончательно спятивший парень, в очередной раз атакуя, перенес вес на раненную ногу, и та его подвела. Псих споткнулся, удар прошел мимо, и лезвие отклоненной секиры попало точно между зубцов вил.

Оружие выпало из рук бандитов, чем мгновенно воспользовался Ник. Разгоняясь длинным разворотом, он секущим ударом рассек предплечья безоружного безумца, разрубая их до самой кости. С помощью остатков инерции, Ник развернулся на пятках и наотмашь ударил по шее, вскрывая гортань молодому разбойнику.

Теперь об этом противнике можно было забыть.

Потеряв секиру, предводитель бандитов и не думал расстраиваться. Криво ухмыляясь, он выхватил длинные, изогнутые ножи и, пару раз проскрипев лезвиями друг о друга, принялся довольно ловко вращать оружием, рисуя в воздухе причудливые узоры.

Ник сперва решил, что тот, как и захлебывавшийся в крови засранец, попросту сошел с ума. Но...

Выглядело это представление весьма эффектно, и наверняка неудачливый путник, увидев подобное, тут же намочил бы штаны и взмолился о пощаде. Но в памяти Никаниеля еще были живы скалящиеся морды демонов — тварей куда страшнее, чем опьяневший от своей безнаказанности бандит. Так что принц лишь поудобнее перехватил кинжал и меч.

Продолжая серию из множества эффектных и при этом абсолютно бесполезных движений, главарь ринулся в атаку.

Бандит пытался наносить удары одновременно с разных сторон, но получалось у него неважно. Он путался в очередности выпадов, сбивался с ритма и, скорее, старался не порезать сам себя, чем дотянуться до уязвимых мест в защите Ника. Редкие попытки неумелых атак эльф пресекал на корню, парируя каждый выпад противника.

Наконец, подобрав момент, эльф клинком отбил в сторону нож бандита и, продолжая движение, вновь крутанулся на пятках, с размаху вонзив свой кинжал прямо в грудь «остряка».

Разбойник, сломанной куклой, сделал два шага назад и выронил оружие из предательски ослабевших рук. Он перевел удивленный взгляд со своей жертвы на рукоять, торчавшую из его тела, и с гулким бульканьем рухнул на спину.

Никаниэль, тяжело дыша, оглядывался по сторонам. Внезапно он услышал из-за спины хлопки аплодисментов и резко обернулся, готовый продолжить схватку.

Малем.

Судя по всему, тот уже давно разобрался со своими противниками и теперь, сидя на груди из трех тел, поздравлял друга с победой.

— Дерешься ты, прямо скажем, так себе. — спокойно сообщил он, пройдя мимо и срубая голову, все еще булькавшему в собственной рвотой и кровью, раненному сумасшедшему. — Тебя что, учили только на дуэлях сражаться? Один на один? Ты мог прикончить их уже раз дцать только за то время, что я смотрел. И столько же раз они могли прикончить тебя. Хорошо, что ты вообще про свой нож вспомнил. Я уж думал идти помогать.

Беглый принц чуть было не задохнулся от возмущения. Его обучали лучшие мастера школы меча и магии. Сказать такое — значит оскорбить наставников академии и сильнейших эльфов королевства.

Ник, еще не отошедший от схватки, хотел уже высказать Малему все, что о нем думает, но тот его опередил.

— С завтрашнего дня займусь твоим обучением. — тоном не терпящим возражений пообещал Малеммил, вернувшись на дорогу. — Если мы встретимся с хоть сколько-то более умелыми засранцами, я хочу быть уверен в том, что ты сможешь прикрыть мою драгоценную задницу. И у нас, к сожалению, потери.

Никаниэль разом растерял весь боевой запал. В дорожной пыли замер Жульен. Под несчастным животным расплывалась вязкая лужа крови. А из его ослиного горла торчала стрела, вошедшая по самое оперение.

Теперь принц понял чей крик прозвучал в самом начале схватки. Очевидно, один из

лучников, промахнувшись, умудрился попасть прямо в Жульена. Кфхан!

— Что будем делать с телами? — спросил Ник, стоя вместе с другом над телом бедного ослика.

— С этими-то? — спросил Малем, кивнув на трупы разбойников. — Уберем с тракта, чтобы патруль с заставы не заметил. Нам лишнее внимание ни к чему. Сейчас возьмем все ценное и свалим их где-нибудь в сторонке. Ночью звери растащат.

Беглый принц молча наблюдал, как Малеммил обыскивал мертвых бандитов. Смерть Жульена всколыхнула еще зудящие воспоминания о недавней бойне.

— Меня больше другое интересует. — подал голос Малем, закончив собирать трофеи. — Ни у одного из них при себе нет ни монет, ни еды, ни даже браги. А знаешь что это значит?

— Что?

— Что где-то рядом у них логово!

— И? — Нику было глубоко плевать.

— А то, что там могли остаться еще бандиты, а во-вторых, там наверняка есть чем поживиться! — Малеммил характерным жестом потер большой палец об указательный и средний. — Тебе деньги на некроманта нужны или нет?

Довод товарища пусть и не вернул настроение принцу, но, хотя бы, заставил действовать.

Вместе друзья оттащили трупы подальше от дороги, спрятали пожитки и отправились на поиски бандитского логова.

Искали долго.

Начало смеркаться.

Никаниэль хотел уже бросить все это дело, но тут они услышали из глубины леса лошадиное ржание. Переглянувшись, молодые эльфы молча обнажили мечи и осторожно, ступая так, чтобы не шелкнула ветка, двинулись на звук.

В лесной глуши, за буреломом, на вырубке, еще пахло костром, а несколько землянок, прикрытых хвоей и мхом, не удосужились даже запереть от зверья. Это действительно оказался лагерь разбойников. Впрочем, никого живого в нем не обнаружилось. И, судя по количеству укрытий, всех местных работников ножа и топора они сегодня уже перебили.

Тщательно осмотрев вырубку, друзья отыскивали награбленное: пару охотничьих луков со стрелами, запасы провианта, одежду, пару серебрух с горстью меди. Но главной добычей, безусловно, стали целых три лошади с пусть и плохеньким, но снаряжением для них.

От радости, что больше не нужно идти пешком, Малеммил скакал по лесу, как козлик и был готов обнимать деревья, но обнял только Ника.

Ночевать в логове головорезов не стали. Собрав все самое ценное и погрузив на лошадей, друзья забрали сумки, полученные от благодарных крестьян и, простившись с Жульеном, отправились в путь.

До остановки на ночлег требовалось проехать как можно дальше. Лесные падальщики уже начали сползаться на запах крови...

Утром Малеммил, как и обещал, устроил Нику полноценную тренировку вместе зарядки.

Дабы не навредить друг другу, эльфы сделали крепкие узлы на завязках ножен, чтобы те ненароком не слетели с клинков. Таким образом в руках у каждого теперь был пусть и не полноценный тренировочный меч, но для учебного поединка сгодится в самый раз.

Тренирующиеся встали друг напротив друга.

Никаниэль тут же принял классическую боевую стойку, расставив ноги на ширине плеч и спрятав корпус за острием Люминистилла. Малем же вообще не стал заморачиваться и расслабленно опустил обе руки вниз. Он даже позволил себе лениво зевнуть и посмотреть на набегающие облачка.

Словно издевался.

Ника больше полувека учили лучшие инструктора Эльфхейма. И да же до этого. Он первый нож получил в пять, а в шесть уже стрелял из лука. И вот теперь...

Беглый принц сделал пробный выпад, целясь острием в живот. Малеммил апатично отразил атаку, продолжая все так же смотреть в небо.

— Ник, давай посерьезнее, пожалуйста. И не бойся меня ранить. — Малем демонстративно поковырялся мизинцем в ухе и выкинул сор в сторону. — Я видел как ты дерешься. Прости, но у тебя нет шансов.

Столь громкое высказывание раззадорило даже привыкшего контролировать свои эмоции Никаниэля.

Не сдерживаясь более, эльф решил действовать со всей серьезностью. Он искусно провел стремительную серию ложных ударов в лучшем духе эльфийской боевой школы, завершив их скользящим выпадом. Тот начинался в районе центра массы и стремительно спускался ближе к животу.

В этот раз Малем не стал филонить.

Он прямо таки взорвался вихрем движений. То отшагивая, то уклоняясь, то отражая удары, он ловко миновал все атаки противника. Со стороны казалось будто перед Ником не эльф из плоти и крови, а жидкая субстанция — столь плавными казались его, тем не менее, стремительные движения.

Ни единого лишнего шага, ни грамма впустую потраченной силы. Малеммил дрался ровно так, как следовало в отдельно взятую секунду боя, соединяя все это единым ритмом поединка, шедшего строго по правилам.

Вот только не правилам Ника.

Последний выпад Малеммил даже не стал отражать. Наоборот — сделав быстрый шаг вперед, он перехватил руку соперника и резко дернул ее на себя.

Никак не ожидавший такого Ник, потерял равновесие. Следующее, что он увидел была земля, потом перевернутые вверх корнями деревья и, наконец, облака, мирно проплывавшие по голубому небу.

От удара о землю вышибло дух, и поверженный принц лежал, разглядывая черные круги перед глазами. Сквозь них проступило довольное лицо Малеммилла. Тот ничего не сказал и протянул руку, помогая Никаниэлю подняться.

Отдышавшись, эльф вернулся в боевую стойку. Как и учили наставники, он выкинул все

эмоции из головы и приготовился биться как если бы они сейчас стояли насмерть.

В этот раз в атаку пошел Малем. Быстрыми движениями он наносил совсем не шуточные удары, стремясь достать своего противника со всех возможных углов.

Такой ритм боя был более привычен Нику. Он демонстрировал все свое мастерство одного из лучших учеников школы меча и магии, парируя каждый выпад товарища.

Дыхание Ника постепенно сбивалось, в то время, как противник продолжал, порой, отвлекаться на созерцание проклятых облаков.

Малем внезапно ускорился. Ускорился и принц. Полностью сосредоточившись на движениях противника, он даже смог несколько раз контратаковать. Но безуспешно. Даже лесной бой с одним из хакки казался ему сейчас прогулкой по дворцовому саду.

Когда Ник в очередной раз увидел окно для контратаки, Малем совершил невозможное — тот буквально превратился в едва заметное пятно где-то в области периферийного зрения.

Еще месяц назад Ник не смог бы угнаться за другом, но сейчас... Сказать, что он почти не отставал было бы изрядной лестью.

Со стороны могло показаться будто это не сражение двух эльфов, а битва богомоллов — настолько непредсказуемо двигались слившиеся с их руками мечи. Удар за ударом, выпад за выпадом, парирования, блоки, уклоны — противники чувствовали друг друга, реагируя на движения соперника, еще до того как тот его начал.

Внезапно они замерли. Их мечи скрестились гардами, войдя в клинч. Обычно за этим следовало или состязание сил или взаимное отступление и новый раунд.

Но у Малеммила имелся свой взгляд на подобную ситуацию. Свободной рукой он щелкнул друга по носу и, глядя в его расширившиеся от удивления глаза, завел ногу за пятку принца и бесцеремонно толкнул вперед.

Никаниэль вновь оказался на земле.

— Какого кфхана? — взорвался от возмущения принц. — Это нечестно!

Ник едва мог поймать ритм дыхания. В горле першило. Лоб заливал липкий пот, а перед глазами все плыло. И при этом над ним возвышался спокойный Малеммил, с которого даже одной капельки пота не упало.

Кфхан!

Он все так же безмятежно разглядывал облака и...

Только сейчас Ник понял. Пока ему казалось, что они сражались почти на равных, Малем успел незнамо откуда подобрать травинку и, закинув ее в рот, жевать как-то очень... самодовольно. Если вообще возможно самодовольно жевать травинки.

— Не честно? А кто говорил про честность? — Малеммил снова помог другу подняться. — Ник, ты весьма сносно сражаешься на дуэли. Я даже не побоюсь сказать — отлично. Но, поверь мне, дуэлей в твоей жизни будет — Малем свел большой и указательны пыльцы, оставив между ними пространство на женский волосок. — Тебе будут бросать в глаза песок, плевать в лицо, хватать за волосы. И ты должен уметь делать то же самое.

Малеммил говорил столь пылко и уверенно, что Ник мгновенно остыл и внимательно его слушал, стараясь впитать каждое слово.

— Не меч твое оружие, Ник, не кинжал и даже не рука. — Малем указал себе на висок — Здесь твое главное оружие. Ударь противника кулаком, пни его, лизни, укуси за пятку, если будет такая возможность. Когда тебя окружили четыре пьяных ублюдка, они не будут становиться в очередь и благородно ждать пока ты обнажишь меч. Ты должен научиться драться тем, что подвернется под руку или вовсе...

Малем отбросил свой меч и развел руки в стороны:

— Доставай нож и атакуй.

Беглый принц неуверенно потянулся к поясу.

— Ну же! — прикрикнул на него Малеммил.

Уже убедившись в мастерстве своего друга, Никаниэль вытащил нож и атаковал с оружием в двух руках. Малем, подпустив его поближе, резко присел и попытался подсесть противника. Уже ожидая чего-то подобного, Ник подпрыгнул, пропуская его ногу под собой и, приземлившись, нанес вертикальный удар мечом, целясь в ключицу.

В ответ на это Малеммил поймал запястье Ника и, вывернув тому руку, выбил меч из хватки. Выпрямляясь, чем блокируя любые попытки спастись из захвата, он шагнул за спину, схватил левую руку с ножом и приставил собственный клинок Ника к его же горлу.

— Я бы тебя ранил, будь мы без ножен. — пробубнил принц, принимая поражение.

— А ты был бы мертв. Что важнее? — улыбнулся Малем. — Учиться будешь?

Никаниэль кивнул.

Интересно, почему подобному не обучают в школе?

Малем, безусловно, был прав. Как помогут дуэльные навыки в битве с тем же орком? Если подумать, то каждый раз Никаниэль побеждал скорее за счет ловкости и реакции, а не каких-то конкретных приемов.

Может на более поздних ступенях?

Нет...

Эльфы традиционно сражались мечом, луком и магией. Неужели это все из-за заостренности традиций? А Малем научился от людей?

Беглый принц решил серьезно поговорить с отцом по возвращении.

Друзья крепко пожали руки, взявшись за предплечья и глядя друг другу в глаза. Именно за этим их застала группа всадников в кожаных доспехах со смешными щетками красных плюмажей на шлемах.

— Именем короля ни с места!

Уже второй раз за два дня эльфы стояли с поднятыми вверх руками. В них целились одновременно пять лучников, и еще столько же мечников обошли сзади, разглядывая лагерь.

Собственно лагерем эту стоянку назвать можно разве что с натяжкой. Прошлой ночью они успели соорудить из двух плащей небольшой шатер и, наспех умяв что-то съестное, легли спать. А утром, начав с учебных поединков, не успели еще даже развести костра.

— Ну, и кто из вас двоих Туз? — спросил человек, очевидно возглавлявший этот отряд.

«А-а-а. Их, видимо, отправили разобраться с бандой Туза, и они приняли нас за них!» — догадался Никаниэль.

Малеммил открыл было рот, но Ник громким покашливанием напомнил другу, что переговоры не по его части.

Гвардеец воспринял это по-своему:

— Не хотите говорить? Что ж, в тюремных казематах вам быстро развяжут языки. — он резко щелкнул пальцами. — В кандалы их!

— Нет, нет, вы не так поняли! — поспешил исправить ситуацию принц. — Мы как раз вчера столкнулись с бандой Туза, и нам пришлось их всех перебить. Если хотите, можем показать, где это произошло.

— Ну конечно. Так я и поверил. — офицер спешился и медленно пошел навстречу эльфам, ядовито выплевывая каждое слово. — Ублюдки. Подонки. Явно дезертиры. От вас

так и смердит обманом. Я бы своими руками вспорол вам брюхо и задушил вашими же кишками! Скоты! Скольких невинных людей вы здесь загубили?!

Последние слова он вместе с потоком слюней прокричал прямо в лицо Нику. Благо хоть бандану не потянулся стягивать...

Никаниэль откровенно не знал что делать. Он никак не мог подтвердить их невиновность, а любая сказанная фраза могла лишь спровоцировать служивого.

Подул легкий ветерок.

И так едва державшиеся рукава рубашки сползли вниз, обнажая предплечья. Офицер невольно среагировал на движение и бросил мимолетный взгляд на поднятые руки принца.

— По коням! — внезапно скомандовал тот. — Покажете схрон Туза и свободны. — бросил он друзьям, забираясь в седло.

Малеммил удивленно посмотрел на Ника.

— *Какого кфхана?* — произнес он одними губами.

Не менее пораженный принц лишь недоуменно развел руки.

Место вчерашней схватки нашли практически сразу. Все-таки существенно далеко отъехать вчера не успели. От тел бандитов остались лишь плохо обглоданные кости, да кучи дерьма, тут же наваленные ночными падальщиками.

Схрон искали чуть дальше. Увидев его, у гвардейцев не осталось никаких вопросов к друзьям. Офицер лично поблагодарил каждого, и пригласил посетить Тахамфорд для получения награды.

— Тьма идет. Но в ней и благо. — заговорщически прошептал капитан, пожимая руку принцу.

Лишь отъехав на значительное расстояние, эльфы облегченно выдохнули и расслабились.

— За наградой поедем? — спросил Малем.

— Да ну ее к кфхану! Мало ли как их там еще перекроет! Ты вообще хоть что-нибудь понял?

— Только то, что в Тахамфорде, похоже, толкают отменную дурь!

Ярко светило полуденное солнце. Здесь, у подножья высоких гор, которые каждая раса Альйона называла по-своему, даже зимой не переставали дуть теплые ветра, а снег выпадал раз в поколение, что неизменно вызывало шок у местных жителей.

Из леса, не спеша, выехали всадники. Это были двое покрытых дорожной пылью молодых мужчин в намотанных на голову банданах. Только у одного из-под нее выбивались длинные черные волосы, а у другого короткие и светлые.

На вид им можно было бы дать, наверное, лет по шестнадцать. Но это только на вид, а внешность порой бывает ой как обманчива.

Они весело смеялись, вспоминая какую-то забавную историю. Но тут светловолосый махнул в сторону ближайшего холма, сказав всего одну короткую фразу.

Лицо второго тут же озарилось радостью и, пришпорив лошадь, тот устремился вверх.

Достичь цели ему помешали выскочившие будто из-под земли грабители. Один человек держал в руках копьё, другой — меч, а третьим и вовсе оказался гоблин, вооруженный кинжалом. Все они злобно скалились, предвкушая легкую добычу.

Черноволосый оглянулся назад и, увидев, что товарищ не торопится ему на помощь, спешился и обнажил сверкнувший на солнце клинок.

Все трое атаковали одновременно.

Но юноша не растерялся. Левой рукой он перехватил копьё и, дернув его на себя, выхватил из рук нападавшего, после чего сразу же врезал противнику кулаком в подбородок. Одновременно с этим он отбил удар мечника и приставил острие меча к горлу обидчика. Ну а гоблина просто пнул ногой в пах, опрокидывая навзничь.

На все ушло от силы два удара сердца. Светловолосый вежливо аплодировал спутнику, а разбойники с позором разбежались.

Победитель, взяв коня под уздцы, наконец взобрался на холм, и его взору предстал весьма странного вида город, стоявший на берегу быстрой реки.

У города, казалось, не существовало ни одной улицы, а дома стояли как попало и где придется. Каменные постройки перемежались с деревянными, одноэтажные хибары, покрытые соломенной крышей, ютились рядом с высокими крепостями с тремя рядами окон. Но самым удивительным оказалось то, что речной поток спешил не с горы, а к горе, исчезая где-то у ее подножья.

Конечно же это был Город Теней.

Ночной Базар, Свободная Лига или просто Тика. Город неподконтрольный ни одному правителю, где продавалось и покупалось все. Куда стекались отбросы общества и искатели приключений со всего Альйона.

И куда так сильно стремился путник, разглядывающий его сейчас с холма.

— Элельен, любимая, я уже скоро. — тихо прошептал он.

Больше книг на сайте - Knigoed.net